

1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

10.335

1989

ნ. 550 ან 2
ჩეჩე

ქ. ლომჯინაძე

ლევან ჯაშიძე
ბ. კარსთინოვი

1

10,335
1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1989

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Иду с незапамятных времен 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Тбилиси. Перевод Ге-
оргия Чарквиани 8

ВАХТАНГ ЧЕЛИДЗЕ. Исторические хроники
Грузии. Глава из романа. Перевод Ана-
иды Беставашвили 14

ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Стихи. Перевод Иосифа
Бродского 96

НИКОЛАЙ АСТАХОВ. Стихи разных лет . 100

ЛЕВАН ХАИНДРАВА. Вася Савченко. Из цик-
ла «Невыдуманные рассказы» 104

Некоторые мысли по поводу современной
«сталинианы» 125

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

АКАКИЙ ГАЦЕРЕЛИА. Монолог из диалога 151

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

94935340
818221100330

**ВЛАДИМИР ХАРИТОНОВ. Шукшин и Иосе-
лвани** 170

ВАЛЕРИАНУ ГАПРИНДАШВИЛИ — 100 ЛЕТ

**М. ЧАВЧАВАДЗЕ-ТОРАДЗЕ. «И имя нам —
любовь»** 177

ЦИУРИ ХЕТЕРЕЛИ. Мысли о театре 186

**ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Анализ одно-
го стихотворения** 191

ПУБЛИЦИСТИКА

**РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Родина или «при-
вычный пейзаж»? Перевод Алексан-
дра Эбанойдзе** 196

ТЕБЕ, АРМЕНИЯ, «ЭТИ СТРОКИ ГОРЯЧИЕ...»

**ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Дудуки. Стихи. Пе-
ревод Глана Онаняна** 212

**ТЕИМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Мы с ва-
ми. Стихи. Перевод Глана Онаняна** 213

Дерево — корнями, человек — человеком . 214

КУРЬЕЗЫ, КУРЬЕЗЫ

Отметка в паспорте 218

Песок сыплется 221

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ 195

ХРОНИКА 169, 223, 224

ИДУ С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН

Иду с незапамятных времен. Я прошел этот путь так, что мне ни разу не приходилось краснеть за себя.

Много раз истекал я кровью, но коленопреклоненным не бывал никогда! И жизнь моя бывала невыносимой, и тяжесть, непосильным грузом легшая на мои плечи, казалось, готова была совсем раздавить меня. Но улыбка все же не гасла на моем лице, не сгибалась спина. Вовсе не для того, чтобы избежать насмешек врага, а просто я не мог иначе: согнуть меня было невозможно, разве что сломать: ведь я грузин! Боже упаси, не подумайте, что я с кем-то соперничаю или кого-либо унижаю, дай Бог каждому своих благ. Но своего я не уступлю...

Говорят, что многих сгубила ненависть. Те, которые пожелали истребить других, сгинули и сами.

А меня, выходит, спасла любовь? Не знаю. Вряд ли любил бы я ради собственного спасения, просто не умел иначе. Никогда не мог я возненавидеть соседа за то, что он перс или араб. Камня на камне не оставляли их соплеменники, и я видел, как дрожал от страха и ремесленник-перс, но даже когда я чувствовал, что в душе он радовался нашествию своих сородичей, я воспринимал его радость как нечто естественное — перса радовала победа персов. Ни на миг в моей душе не возникала жажда мести. А если бы я даже пожелал отомстить и предложил бы другому грузину: «Давай начнем теснить всех негрузин!», то не нашел бы в его душе отклика. Более 2000 лет живут со мной евреи. А ну-ка, спросите их, могло ли мне прийти в голову подобное?

Ни с кем я не соперничаю, тем более, не осуждаю никого. Однако съехавшиеся в Израиль из разных стран мира евреи

136-119

ბაქ. სსს კ. ბაქ
სსს. სსს. გვებავს

удивляются существованию в Израиле общества Руставели, нескольких грузинских газет и журналов, ансамблей грузинской песни и танца. Почему же забрали евреи на новую родину кусочек Грузии? Так же ли сладко вспоминают остальные евреи другие края, в которых родились?

Среди несметных племен кристаллизовался мой характер, постепенно проявлялась взаимная тяга к родственным племенам, определялось единообразие жизни — быта и культуры, но была также опасность разобщения. Сейчас, конечно, трудно перечислить потерянных мной сородичей, растворившихся в соседних землях.

Где уж теперь халибы, тибарены, мосиники и другие? Повернись колесо истории иначе, и, возможно, рядом со мной остались бы пелазги, этруски, баски? Кто знает, а не разобщила бы история колхов и иберов, не введи Я вовремя объединительный культурный феномен — грузинскую письменность, — Я, Парнаваз, царь грузин?

Но и этого оказалось бы мало — не прониклись все грузины единой верой. Единству грузинской веры заложил основу Я, Мириан, царь грузин. Была общая культура, была единая вера, но не было государственного единства, и Я, Давид Строитель, достиг и этого. Потребовались столетия для сокрушения этого единства, для сокрушения грузинского национального духа и, наконец, Я, Илья Праведный, восстановил духовное единство грузин. Обратите внимание, приблизительно через каждые семь столетий вспыхивают эти светила: Парнаваз — III век до нашей эры, Мириан — IV век нашей эры, Давид Строитель — XII век, Илья Чавчавадзе — XIX век...

Семь — сакральное число. Как говорили древние философы: семерка девственна, в пределах десятки не воспроизводится и ничего не производит...

Если вернуться к прошлому, то увижу и то, что соседи не больно-то любили меня. Есть, видимо, в моем характере такое, что раздражает других. Понятно, почему я не нравился кочующим племенам, будь то монголы или турки-сельджуки, раздражали их мои цветущие сады и виноградники. Душила злоба, что я, не в пример им, не срывался с насиженного места, не превратил сады в пастбища и не стал кочевать с овечьими отарами. Но чем я заслужил глухую ненависть единой верной Византии, угрожавшей мне уничтожением церковной автокефалии?

Ни одна пядь негрузинской земли не занята мною. Хоть я

никого не попрекаю, мной потеряно немало на протяжении всей истории. И границ своих я ни перед кем никогда не закрывал, и давал приют на своей земле многим, называя их братьями. Не касался я ни веры их, ни языка. По велению христианского царя Давида Строителя, избегал резать свиней в мусульманской части города. В столице моей, на небольшом клочке земли, воздвигнуты: моя церковь — православная, армянская церковь — григорианская, костел — католический, мечеть и синагога. Возможно, это раздражало недруга моего и друга?

Может, мне ставится в вину жестокость грузинских мамелюков в Египте, господство грузинских ханов Ундиладзе в Персии, грабежи персидского войска под предводительством Георгия Саакадзе в Афганистане? Неужели в этом моя вина?

Неужели я посылал мамелюков в Египет? От груди отрывали разбойники младенцев и возвращали их воинами. Неужели я отпускал Саакадзе для укрепления персидского престола, когда мне самому нужны были такие герои? Но, видимо, во всем моя вина. Не имел я права растить таких сильных детей, не имел права на мужество грузинских отрядов, насильно зачисленных в войска завоевателей. В монгольских, персидских, арабских походах завоеванные страны надолго запоминали мужество грузинских отрядов и при удобном случае мстили мне, как могли. Выплескивали на меня всю свою ненависть. Не имел я права склонять голову перед несметными врагами. Но я грузин, и потому могу быть милосердным к врагам и даже прощать их. Бог свидетель, что никому я зла не желал, но что поделать, иначе я не мог.

А может, то раздражает недруга и друга, что я всегда стараюсь не терять достоинства? Ими же воспринимается это как надменность. Упаси меня Бог от спеси и надменности. Вот только не могу, как хамелеон, менять окраску и пытаюсь как-то отличаться от других, нет, не возвышаться, а именно отличаться. Кстати сказать, именно это свойство меня и спасло, а то легче легкого было выбрать себе завоевателя: захотел — уподобился бы монголам, захотел — арабам, захотел — персам, захотел — туркам. Разве я чем-либо лучше их? Нет, конечно. Но я грузин и хочу остаться грузином. И вот это желание оставаться самим собой всюду преследует меня, кем бы я ни был — рабочим, крестьянином, интеллигентом, честным тружеником или тунеядцем.

Раздражает многих, наверное, и то, что я всегда пытаюсь показаться другим здоровее, богаче, умнее и красивее, чем я есть на самом деле. Поверьте, все это делается не для того, чтобы кому-нибудь понравиться или кого-нибудь унизить. Просто это необходимо мне самому. Таков мой исторически сложившийся характер. Я всегда был оптимистом и смог себя убедить, что я всегда могу быть лучше, чем я есть. И это чувство много раз спасало меня.

Раздумываю, что еще может раздражать других в моем характере? А может, я все же что-то упустил?

Вот только одного прошу я у недруга и друга: не приписывайте мне по своему усмотрению каких-либо качеств — робости или мужества, алчности или расточительности, коварства или лести, легкомыслия или мудрости, невежества или знания, двуличия или единодушия, жестокости или мягкосердечности, подлости или честности... Это человеческие достоинства и недостатки, а не национальные.

Никак не могу понять, кому могло прийти в голову назвать моими предками скифов, а название Тбилиси произвести от русского слова «теплица», непонятно, почему хотят наши друзья расчленить грузинскую нацию на мегрелов, сванов, грузинов и... турков? Неужели нас так много?

Я уже не удивляюсь, когда читаю, что грузины едва не разорили доверчивых северян своими крохотными мандаринами со сногшибательными ценами. Оказывается, благодаря этим самым мандаринам набирают грузинские футболисты по осени очки, покупают грузины дипломы, грузинским полифоническим пением режут утонченный слух, грузины гонят из Грузии советских турков, одиннадцатилетние девочки представляются грузинам невестами, грузины специально возвращают Джугашвили, дают ему зачем-то русскую фамилию — Сталин и сажают диктатором... Нет, не удивляюсь. Вот только меня поражает одно. Такие обвинения предъявляют мне писатели, которые считаются духовными отцами нации! Неужели они не хотят понять, что творцом своей истории является сама нация и, если с ней происходят какие-либо невзгоды, это никак не может быть виной другой нации.

Мои бедствия я не сваливал ни на арабов, ни на монголов, ни на персов, ни на турков, хоть и были они завоевателями. А ну-ка вспомните Теймураза Первого, во что превратила Персия его родину и семью? И все же у него хватило мужества сказать: «Сладость персидского языка вдохновила меня». А нам ставят в упрек даже наши полифонические песни!

Неужели уважаемые писатели и журналисты не хотят
пснять, что, обвиняя в бедах своей нации какие-то «внешние»
силы и унижая другие нации, они оказывают медвежью услугу
своему народу и притупляют чувство его национальной ответ-
ственности. Писателям, тем более писателям ранга Астафьева,
Дудинцева, Распустина, не следовало бы об этом забывать.

Не подумайте, что я попытаюсь исказить историю и буду
отрицать грузинское происхождение Сталина. Я ведь уже го-
ворил, что не я посылал грузин мамелюками в Египет, Петра
Багратиони — сложить голову во славу русского оружия, так
неужели я, на беду себе, превратил бы Джугашвили в Сталина?

..Иду с незапамятных времен. Я прошел этот путь
так, что мне ни разу не приходилось краснеть за себя. И буду
идти так во веки веков.

Роман МИМИНОШВИЛИ

Демна ШЕНГЕЛАЯ

Тбилиси

Летопись повествует: «Царь Вахтанг строил город Тбилиси, но лишь основу успел заложить.

Редело население Мцхета, а Тбилиси застраивался. Царь Дачи завершил стены тбилисские и, как было повелено Вахтангом, сделал его городом стольным». Итак: «селились люди в Тбилиси».

Тбилиси прежде всего — столица Грузии. Из жаркой Монголии, из сладострастной Персии обрушивались на него палящие суховеи.

В Тбилиси принял мученичество Або Тбилели, и автор этих строк, как и Иоанн Сабанисдзе, у Авлабарского моста, около старого кладбища, наблюдал мерцание святых свечей, босоногих старух, павших ниц перед иконой мученика, и муллу, голосащего с мечети шаха Аббаса.

Из кожевенных заводов слышатся удары мялок, и несет оттуда запахом сырой кожи. В красильнях развеваются по ветру вывешенные для просушки куски синих, красных и черных тканей.

В винных лавках бурдюки развалились, как сказочные чудища, а на Шейтанбазаре прибывшие из Персии караваны верблюдов пережевывают засуху, и на хрупкие губы стекает желтая пена.

Гудит Сионский колокол, перекликаясь с Анчисхат-

ским, и в кварталах старого Тбилиси пахнет сырой кожей, осетинским сыром, соленой рыбой и желтыми дынями.

В маленьких, как клетки, духанах сидят мусульмане с крашеными бородами, пьют вприкуску чай с корицей из миниатюрных стаканов с красными розами, курят кальян, торгуют хной, басмой, восточными пряностями, старыми погонами и блудливо посматривают на идущих в баню женщин.

В беснующейся и галдящей толпе то тут, то там появляется горячее, как огонь, шелковое покрывало мусульманки, сверканье которого раздражает солнце.

Лезгины продают владикавказские бурки, войлок, подседельники, тулупы, украшенные золотой насечкой кинжалы.

В каравансараях нещадно топчут разостланные для увалки, посыпанные табаком роскошные ковры — ферганские, текинские, и вековой засухой обожженный серый Метехи охраняет красноармеец.

Откуда-то из чайханы слышны звуки тари, и какой-то уличный певец весь день тянет один и тот же мотив, тянет нудно до одурения, до жути, и некуда уйти от назойливых и скабрёзных слов его песни.

В своей «Книге царств и дорог» Ибн-Хаукал в 977—978 гг. писал, что «Тбилиси уступает по величине Дербенту; город опоясан двумя крепостными стенами, имеющими ворота в трех местах. Город хорошо укреплен и полон всякого добра. Тбилиси славится дешёвизной товаров, богатством, достатком. Он намного превосходит другие богатые города. В банях вода кипит без огня. Город выстроен на берегах реки Мтквари. Мельницы в Тбилиси (так же как в Мосуле и Раке, на Тигре и Евфрате) устроены на лодках».

Много странных событий происходит в Тбилиси, и если ты впервые попал сюда, берегись, — ибо Тбилиси может сглазить.

Любовь к Тбилиси взбудоражила персидского королевского тигра, заставила пересечь Триалетские горы и узреть вместе любовь и смерть. На арбе везли его, прибитого из винтовки, картлийские крестьяне, и арба шла так, будто на ней лежало сорванное с небес, шитое золотом солнце.

Тбилиси, Тфилиси, Тифлис...

Город шумит мельницами, рынками, старыми разрушенными кварталами, садами, винными подвалами, плоскими кровлями саклей, на которых в субботние вечера появляются девчонки, жующие жевательную смолу.

С висящих, как виноградные гроздья, голубых балконов с украшенными ажурной резьбой перилами женщины грустно смотрят на узкие улочки, переполненные народом и галдежом резвящихся детишек.

В Тбилиси расцветают театры, кино, цирки, проспекты.

По проспекту шествуют деловые люди — обоих полов, всех вероисповеданий и национальностей, сделанные из другого теста, представители совсем другой породы. Кто знаком со старым Тбилиси, тому в диковинку эти ширококостные люди, вечно спешащие куда-то, делающие какие-то дела. Жизнь крутится, как жернова, и эта жизнь кипит здесь, в Тбилиси, который поэты называют матерью.

Нет в помине старых колясок, дрожек, кареты экарха, зеленых вагонов конки.

По вечерам Тбилиси заливается электричеством, в кино неистовствуют крикливые плакаты, томный рояль оплакивает судьбу Эсмы Пулава... В духанах острит Сергия Эристави, Иэтим Гурджи распевает восточные куплеты, и Чарли Чаплин, смешной человек в котелке, косолапый, озабоченный, не находит себе места в необычной жизни Тбилиси. Ненужный и неправомерный ползает он по экрану, еле передвигая ноги, и народ помирает со смеху от неуместных поступков этого неуместного человека.

В полночь, когда закрывают кино и на Тбилиси нисходит сон, Чаплин выходит на улицу и, уставший, измученный, идет по проспекту. У театра Руставели встречает его белый поэт двенадцатого столетия с гордо поднятой головой и после вежливого грузинского приветствия читает ему бессмертную поэму. Чарли ложится на пергамент, кутается в тигровую шкуру, пускает мыльные пузыри из бамбуковой палки и пьянит его, нового Таризла, эта лунная, вырванная из средневековой рапсодии, высокая ночь.

Из истрепанных брошюр рвется знаменитый Тато

Кецховели, и гладко выбритый мистер Нат Пинкертон с английской трубкой в зубах, как картонный человечек, повисает в посиневшем небе.

В предрассветном полумраке, когда дворники подметают улицы и везде стоит пыль и предутренняя прохлада, посвистывающий мальчишка несет ведро, наполненное крахмалом, и, сняв с неба Чарли Чаплина, приклеивает его к плакатному столбу. Окончив дело, он потирает руки, а Тбилиси гудит:

— Распни его, распни.

И сей чужеземец беспомощно смеется.

Вдруг начинают шуметь заводы, и рабочие, кашляя, нарушают предрассветную тишину улиц.

Скоро солнце влезет на Махатскую гору.

Вокруг Тбилиси лежат верблюды с вылинявшими горбами: Мтацминда, Шавнабада, Телети, Табори, Коджори, Махата, гора Лоткина. Зажатый в руке, поднимающийся из Инжирного оврага фуникулер похож на детскую игрушку, и на Тбилиси смотрит пятиконечная звезда.

Когда я поднимаюсь на фуникулере, земля уходит куда-то из-под ног, небо, впившееся в мои волосы, тянет меня кверху, встает верблюд, и я, как маленький Алекс из «Дэда эна», машу шапкой и кричу городу:

— Прощайте, дорогие родители!

Ежевечерне в Дидубе¹ встает Бараташвили, пересекает Муштаид и идет по Плехановскому проспекту.

Перепуганные прохожие дают дорогу этому странному хромому столоначальнику, в свое время высмеявшему весь Тбилиси и навязавшему свои мысли Куре.

Тбилисские сады одурманены мухамбазами Сатары, Чамчи Мелко, Лопианы, Саят-Нова и Бесики.

Стоит во весь рост Давид Гурамишвили — кривоногий, слепой, убогий и причитает:

«Боже, Боже,
Боже, помоги!»

Тбилиси, тебя опьяняла краса царевны Анны, ты витал в ее жарких локонах, и аромат вдовьих лимонов вызывал в тебе, жаждущем ласки, страстные желания.

¹ Ныне прах Бараташвили покоится в Мтацминдском пантеоне.

В те времена, когда это происходило, поэты были губернаторами, генералами, директорами банков. Теперь кляузное дело быть губернатором. Теперь поэты сидят в редакциях и правят заметки рабкоров. Если раньше были всякие банки и тысячи различных вещей, то теперь индустриализация страны, пятилетний план и посевные кампании заполнили мысли Тбилиси.

Чего ты только не помнишь, Тбилиси, чего ты только не видел на своем веку!

Сарацины, хазары, гунны, византийцы, монголы, арабы, сельджуки, османские турки, царская Россия, да разве всех перечислишь! Все тебя желали, но ты был недоступен и горд. Ты разгневил Василия, великого цезаря, ты был судьбой Грузии, и кто желал Грузии зла, должен был опустошить тебя и разграбить. Поэтому пришел сюда великий скопец безбородый Ага-Магомед-хан, попрали стопой Сиони, и ревущий Калоубани вспомнил залеченные раны.

Ты, как фазаниха, кудахтал в веках.

И царь Вахтанг Горгасал пришел сюда, к земле, где был твой очаг и где била струя горячей серной воды.

Пал Вахтанг, успев заложить только фундамент.

Тбилисская ночь бесконечна, глубока, и я, автор этих строк, часто боюсь задохнуться в этих горячих и страстных, как подушки, ночах.

Каждую ночь, когда зажигается на фуникулере пятиконечная звезда, царский наместник Воронцов отрывает длинный чугунный плащ, разворачивает рескрипт самодержца-императора всея Руси и, углубившись в чтение, при лунном свете спускается с гранитного пьедестала. Забывая на время старую вражду, он вместе с Пушкиным под руку идет в серную баню.

— Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, — говорит преисполненный английским снобизмом Воронцов и с романтической грустью нервно сжимает руку поэта. — Куда же девалась эта итальянская опера, эти очаровательные грузинские княгини, эти рауты, церковные традиции и грузинские князья-поэты! Да и Глухарич куда-то запропастился.

Пушкин дергает плечами, беспокойный и некрасивый, и при лунном свете любит свои пальцами.

Воронцов продолжает плакаться на французском языке. Одержимый сплином, жалуется он и, как лошадь, ступает огромными бронзовыми ногами.

Так идут они по Сеидабадской улице, а потом всю ночь плещутся в воде эти огромные бронзовые статуи, как апокалипсические жеребцы, и у перепуганных банщиков до самого утра нет ни сна, ни покоя.

Теперь Тбилиси переменился и продолжает меняться с такой быстротой, что через год его трудно будет узнать.

И лишь ночью, в крошечной тьме оживают здесь тени прошлого. Но когда с кахетинской стороны солнце выкрасит небо в цвет кахетинского вина, и старый гренадер с бородой, словно облако, заиграет на трубе зорьку, тени форсированным маршем следуют за побледневшим месяцем.

Рассвело.

Перевод Георгия ЧАРКВИАНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ ГРУЗИИ

Любимое изречение писателей прошлого—мир—сцена, люди—актеры, из коих каждому отведена определенная роль и каждый выходит и уходит в свое время... Сейчас об этом изречении нам напомнил не его философский смысл, а скорее внешние обстоятельства, а именно часть драмы, разыгравшейся на данном отрезке времени, в которой ярко выделились три главных действующих лица: Чингис-хан, Джелал-ад-Дин и, поскольку речь идет об истории Грузии и действие драмы разворачивается именно здесь, — царица Грузии Русудан.

Мы назвали исторические события драмой. Классическая же драма имела свои непререкаемые каноны. Если мы подчинимся одному из этих канонов и строго очертим место действия, то главное из трех действующих лиц не появится на сцене вообще, как это порой случается в театре. Мы не увидим его непосредственно, оно действует вне поля нашего зрения. Мы лишь слышим о тех ужасах, которые связаны с его именем, от

Уже много лет известный грузинский писатель Вахтанг Челидзе трудится над пересказом древних летописей, в которых отражена история Грузии и других стран.

В издательстве «Мерани» готовится к выходу второй том «Исторических хроник Грузии», охватывающий события XI—XIV вв.

Предлагаемая читателям глава посвящена эпохе царствования дочери великой царицы Тамар — Русудан, трагическим страницам истории Грузии, связанным с нашествиями Чингис-хана и Джелал-ад-Дина.

других узнаем о его кровавых деяниях, о нечеловеческой жестокости, наводящей страх на весь мир...

Читатель, не знающий истории Грузии и лишь наслышке знакомый с отдельными эпизодами этой истории, может удивиться, узнав, что Чингис-хан вообще не был в Грузии, и главное нашествие монголов, покорение ими Грузии случилось позже, уже после его смерти... Читатель удивится этому потому, что в памяти народа именно с именем Чингис-хана связаны невероятные зверства и злодеяния.

Мы определили три главных действующих лица, так обратим теперь к ним свое внимание.

Мы уже знаем, как Русудан взшла на престол после смерти брата и что происходило в Грузии непосредственно после первого появления монголов. Положение на Востоке было по-прежнему напряженным: монгольские орды захватывают одну за другой страны Средней Азии, истребляют жителей, стирают с лица земли цветущие города... Прежний правитель Хорезма, как мы убедились, не обнаружил необходимой мудрости и твердости... Как поведет себя молодой султан — достанет ли у него сил схватиться с грозным врагом и спасти страну от полной и неминуемой гибели?

Мы успели познакомиться с новым правителем и заметили, что в отличие от своего отца, которого погубили неподобающая слабость и неоправданная подозрительность, Желал-ад-Дин смел, тверд и решителен. Так характеризуют его все зарубежные хроники. Ниже мы увидим, что даже его заклятого врага — Чингис-хана восхищала отвага и мужество молодого хорезмшаха. А вот характеристика, данная уже известным нам Жамтагмцереги: «Желал-ад-Дин... был храбр, доблестен, отважен, бесстрашен, словно не имел плоти, известен своею силой, отличавшийся в боях...»

Кажется, трудно представить более лестную характеристику, тем более, что исходит она не от верноподданного хорезмшаха, не от его летописца, а от сына захваченной им страны и ее народа.

У большой страны появился сильный правитель, а многочисленные войска хорезмшаха обрели стойкого и отважного предводителя, который собрал рассеян-

ные по всей стране силы, чтобы дать отпор надвигающемуся грозному врагу. И если на первых порах ему трудно будет справиться с могучим противником, то он хотя бы остановит его победоносное шествие и окажет упорное сопротивление...

Естественно было бы предположить, что надежда появилась не только у перепуганных жителей Хорезмийского царства, но и у соседних стран, и в первую очередь у Грузии, которая уже испытала на себе жестокость монгольских орд и теперь затаилась в ожидании новых нашествий.

Логический анализ ситуации подсказывает возможность поиска со стороны грузин союза с хорезмшахом. Такой союз в данных обстоятельствах был бы естественным и вполне оправданным. Кроме того, Грузия отличалась превратившейся в традицию веротерпимостью, и добрососедские отношения с народами, исповадовавшими другую веру, а также военно-политические союзы с ними давно укоренились.

Как уже было сказано, к такому союзу должен был стремиться со своей стороны и молодой хорезмшах. В конце концов он ведь уже испытал, какой жестокий и коварный враг покушается на его страну. Как бы ни был он уверен в себе и как бы ни надеялся на свое войско, создавшаяся обстановка требовала и закон государственных взаимоотношений диктовал ему поскорее заключать союз с соседними странами и среди них с одним из сильнейших царств — Грузией, которая, кроме своего закаленного войска, могла рассчитывать на поддержку военных сил Северного Кавказа. Это должен был знать новый правитель Хорезма, должен был учитывать также и то, что с Грузией, уже задетой монгольским нашествием, легко было найти общий язык и установить выгодные для себя союзнические отношения.

Логически так и должны были развиваться события.

Спешу напомнить читателю, что все это — не что иное, как горькие сожаления после уже свершившихся трагических событий, ибо на самом деле события развивались совсем иначе. Джелал-ад-Дин в данном случае не обнаружил ни политической, ни хотя бы военной

дальновидности, ни, к сожалению, даже отваги, под-
бающей его мужественному образу.

Какие настроения царили в Грузии, или точнее,
как чувствовали себя грузинские военачальники, мы уже
знаем. Нетрудно представить, какая ситуация сложилась
после внезапной смерти молодого царя, когда на пре-
стол взошла неопытная женщина и возросли права
военачальников.

Словно весь мир сговорился действовать так, что-
бы облегчить дело монголам. Молодой правитель Хо-
резма, как видно, даже не подумал о том, чтобы завяз-
ать союзнические отношения с другими странами про-
тив общего врага.

Он выполнил свой сыновний долг — предал земле
тело отца. Однако на острове прах покойного хорезм-
шаха должен был оставаться временно, при первой же
возможности Джелал-ад-Дин намеревался перенести
останки отца в Исфахан. Сам же с небольшой свитой
он направился в Хорезм, чтобы собрать рассеянное вой-
ско и дать отпор врагу, безнаказанно хозяйничавшему
в его стране, т. е. он хотел сделать то, что все это время
тщетно и безрезультатно внушал Мухаммаду. С Дже-
лал-ад-Дином были два его брата. Мухаммад, как мы
уже знаем, скончался в декабре 1220 г., молодой же
султан прибыл в Хорезм уже в начале 1221 г.

В Ургенче его ждали более серьезные препятствия,
чем он мог предполагать. Обстановка была в высшей
степени напряженной. После отбытия Теркен-хатун
междоусобицы усилились, каждая из группировок стре-
милась захватить власть. Узнав о смерти Мухаммада,
отдельные правители вовсе распоясались, не собираясь
считаться с молодым султаном. Сильный человек во
главе государства был им нежелателен и неудобен.

Как и следовало ожидать, особенно враждебно
встретили Джелал-ад-Дина сторонники Теркен-хатун.
Они заключили союз с братом молодого султана —
Узлаг-шахом и устроили заговор, готовя покушение
на Джелал-ад-Дина. О заговоре узнал один из верных
людей султана и посоветовал ему немедленно бежать...

Пока что судьба милостива к Джелал-ад-Дину. И
не только потому, что он вовремя узнал о заговоре и
успел скрыться... Благодаря бегству он избежал и дру-
гой опасности. Как раз в это время Чингис-хан сражал-

ся за Северный Афганистан. Узнав, что сыновья Мухаммада вернулись в Ургенч, он поспешил отправить туда большое войско (примечательно, что в этом походе участвовали три сына Чингис-хана: Чагатай, Угедей и Джучи). Итак, из-под самого носа у преследователей ускользнул Джелал-ад-Дин. Узнав о заговоре, он немедленно покинул Ургенч и с тремястами верных ему всадников направился в Хорасан. Для этого нужно было пересечь огромную и страшную пустыню.

Султан спасся от заговорщиков и монголов, но не мог знать, что и в Хорасане его поджидала опасность. Предусмотрительный Чингис-хан позаботился о том, чтобы на тот случай, если султан вздумает скрываться в Хорасане, усилить караулы вдоль границы пустыни, между городами Мервом и Шахристаном, где вероятнее всего было появление Джелал-ад-Дина. Предусмотрительность Чингис-хана себя оправдала, предположения его сбылись: Джелал-ад-Дин действительно вышел из пустыни вблизи Шахристана и подошел к городу Ниса (Наса). Именно здесь произошло столкновение малочисленного войска Джелал-ад-Дина с монголами.

Мы здесь так подробно останавливаемся на этих событиях, чтобы ярче показать удивительное мужество и отвагу Джелал-ад-Дина, чтобы мы могли представить себе, с каким успехом он мог бы сражаться с монголами, если бы проявил дальновидность...

Когда мы говорили, что судьба пока была милостива к хорезмшаху, то имели в виду не только его удачный побег из стольного города Ургенча.

Мы можем представить себе, как трудно было пересечь пустыню Каракум с такой скоростью и в таких условиях. Можно себе представить, насколько утомлены были приближенные и воины султана и их лошади. Торговые караваны обычно одолевали этот путь через пустыню за 16 дней. Джелал-ад-Дину же понадобилось всего несколько дней. Все были обессилены, а еще предстояло добраться до Нишапура. Нису от Нишапура отделяло изрядное расстояние, и одолевшему страшную пустыню султану нужно было позаботиться о лошадях.

В этих заботах он и пребывал, когда на его пути встал большой отряд монголов. Как говорится, султан попал из огня да в полымя. Он и прежде не раз испы-

тывал на себе удивительный стратегический талант и коварство Чингис-хана, но представить себе, что, покинув Ургенч, он именно здесь столкнется с противником, он, разумеется, не мог... Схватка была неравной: с одной стороны — изнуренные переходом через пустыню люди Джелал-ад-Дина, истомленные голодом и жаждой, с другой — отдохнувшее, готовое к бою монгольское войско.

Но, как говорят, судьба любит смельчаков. Случилось невероятное. Измученный отряд хорезмшаха не только выстоял, но и наголову разбил монголов. Вот где хорезмийцам повезло — в их распоряжении оказались крепкие и надежные монгольские лошади, на которых они и понеслись к Нишапуру. Не знаю, что было бы с нами, как мы добрались бы до Нишапура, если бы не свежие кони монголов, — это слова Джелал-ад-Дина, сказанные им позднее своему секретарю.

Как уже было сказано, Чингис-хан в это время находился восточнее — завоевывал территорию современного Афганистана... При этом он внимательно следил за передвижениями хорезмшаха. Зловещий старый деспот понимает, что молодой правитель не похож на своего отца и является сильным противником. Чингис-хан действует осторожно, продолжая непрерывные сражения, он неуклонно приближается к наследственным владениям Джелал-ад-Дина и к городу Газни. Он чувствует, что рано или поздно преследуемый зверь вернется в свою берлогу. (Чтобы иметь представление о месте событий, заметим, что Газни находился недалеко от Кабула, к юго-западу от него). Кольцо вокруг этого города все более и более сужается.

Но чем южнее движется Чингис-хан, тем более яростное сопротивление он встречает, местное население борется отчаянно. Усиливается жестокость монгольских захватчиков. Летописцы разных стран донесли до нас картины беспощадного и ни чем не оправданного истребления местного населения. Вспомним здесь лишь один эпизод, переданный нам Рашид ад-Дином.

Особенно ожесточенное сопротивление встретили монголы при взятии Бамана, города, расположенного в горах, западнее Кабула. Очевидно и местоположение города облегчало его защитникам оборону. Они довольно долго сдерживали натиск численно превосходящего

их противника. В осаде принимал участие внук Чингис-хана, сын Чагатая Мутуген, который получил смертельное ранение — в него попала стрела, пущенная из-за городских стен. Смерть внука так разъярила Чингис-хана, что после взятия города, охваченный жаждой мести, он приказал не только истребить всех жителей без разбора, но и все живое вообще, включая птиц на деревьях... Отсюда не взяли ни одного пленника, никакой добычи. Когда все население и вся живность были истреблены, Чингис-хан приказал сжечь город, а развалины его сравнять с землей, превратить в пустыню...

...Тем временем Джелал-ад-Дин двигался по направлению к Газни, по пути наращивая свое войско — к нему присоединялись правители разных областей, кто с 30-ти, кто с 50-тысячным войском... Достигнув Газни, хорезмшах собрал почти сотысячную армию.

Если верить ан-Насави, историку Джелал-ад-Дина, то население Газни встретило его с ликованием и надеждой.

Вот они двинулись навстречу друг другу — Чингис-хан с севера, Джелал-ад-Дин с юга. Надо полагать, что хорезмшах спокоен, он не спешит, уверен в победе, ибо располагает несметным войском. Близится день решающей схватки.

Битва состоялась на исходе лета 1221 года, к северу от Кабула, возле Парвана. Согласно одним источникам, у монголов было 30.000 воинов, по другим данным — 45.000. Войско Джелал-ад-Дина численностью явно превосходило противника, поэтому султан был уверен в победе.

Перед генеральной битвой Джелал-ад-Дин имел стычку с передовым отрядом монголов чуть южнее Парвана. После трехдневной яростной битвы он заставил неприятеля отступить. Ибн ал-Асир называет эту битву первой победой хорезмшаха. От полного разгрома монголов спасло то, что они, отступив за реку Пандшир, успели разрушить мост, тем самым лишив хорезмийцев возможности их преследовать.

Но, как мы уже заметили, это была лишь схватка с передовым отрядом, что еще отнюдь не означало полной победы. Решающая битва была еще впереди. Джелал-ад-Дин, разумеется, и сам чувствовал, что монголы

так легко не сложат оружия. Мы уже видели, в какое бешенство приводило их даже незначительное поражение, поэтому нам нетрудно представить, с какой яростью двинулось на хорезмийцев монгольское войско, во главе которого Чингис-хан поставил опытного полководца, приемного сына одной из его жен, верного и преданного ему Шиги-Кутуку.

Битва состоялась под Парваном и закончилась полным поражением монголов. План Джелал-ад-Дина был прост: он разделил войско на три части, центр возглавил сам, фланги же поручил своим искусным военачальникам.

К каким только уловкам не прибегал Шиги-Кутуку, где он только не пытался прорвать фронт, везде встречал стойкое сопротивление, и через два дня вынужден был признать себя побежденным. Сам он спасся и с жалкими остатками войска вернулся к Чингисхану.

Это была вторая блестящая победа Джелал-ад-Дина и первое самое чувствительное поражение монголов.

Трудно сказать, что думал Джелал-ад-Дин после этой крупной победы — считал ли он, что все уже решено... Однако и эта битва не была последней, самая решающая схватка была еще впереди. Пока же победители делят между собой добычу. Это было обычным явлением — после каждого крупного сражения победители делили трофеи, тем более теперь, когда, по свидетельству хронистов, добыча была особенно богатой. Именно эта добыча погубила Джелал-ад-Дина и его войско.

Трудно поддерживать порядок, когда состав войска столь пестр. После победы, очевидно, каждый посчитал свою заслугу решающей и потребовал львиную долю добычи. Раздоры начались не только между рядовыми воинами, но и между полководцами. Командирам двух флангов понравилась одна и та же лошадь. Ни один не желал уступать, будучи не в силах одолеть охватившую их алчность, военачальники сцепились на глазах у своих воинов. Командир правого фланга приходился Джелал-ад-Дину родичем и, видимо, из-за этого чувствовал себя более уверенно. Вне себя от гнева он огрел

плетью соперника прямо по голове. Это, разумеется, было серьезной провинностью, особенно в условиях войны, когда, не взирая на блестящую победу, решающая схватка оставалась еще впереди.

Амин-Малик (командир правого фланга) заслуживал наказания. Это было бы единственно справедливым решением, и лишь это помогло бы укрепить дисциплину. Однако Джелал-ад-Дин не дал родича в обиду и тем самым совершил непростительную ошибку. Оскорбленный и разобиженный военачальник немедленно ретировался, забрав с собой свои 40.000 воинов. За ним последовали его многочисленные сторонники со своими отрядами.

Вряд ли Джелал-ад-Дин мог предположить, что ссора из-за лошади приведет к такому серьезному расколу. Хорезмшах спохватился и стал умолять то одного, то другого вернуться, но ничего не получилось, и он лишился большей части своего войска.

Читатель, должно быть, догадывается, что Чингис-хан, не смирившись с поражением при Парване, собирался вновь выступить против Джелал-ад-Дина. Конечно, до него дошли слухи о расколе в стане врага, и он не стал мешкать, чтобы не дать возможность противнику собрать новые силы. На сей раз он сам встал во главе войска.

Узнав об этом, Джелал-ад-Дин испугался (этого не скрывает даже его личный секретарь и историк ан-Насави). Было ясно, что в таких условиях он не сможет сдержат натиск монголов, потому он начал медленно отступать к югу и вернулся в Газни. Так прошло несколько дней. Монголы неустанно теснили неприятеля, не давая ему возможности собрать новое войско. Когда они приблизились к Газни, Джелал-ад-Дин здесь тоже уклонился от схватки и с остатками войск покинул город, решив отступить к реке Инд. Если монголы не прекратят преследования, думал хорезмшах, я погружу своих воинов на корабли и переправлюсь через реку; потом помирюсь с обиженными военачальниками, или в крайнем случае соберу новые силы и снова схвачусь с грозным врагом.

Так рассуждал султан, но коварный Чингис-хан разгадал его замысел и перерезал путь к реке, вынудив

вязаться в бой. Кроме того, что Чингис-хану не терпелось отомстить за испытанное в предыдущих битвах поражение, у Чингис-хана были свои планы, он спешил разделаться со Средней Азией, чтобы двинуть все силы на запад и завоевать мировое господство. Он уже хорошо знал неугомонный нрав Джелал-ад-Дина; не захвати он его теперь, тот спутает в дальнейшем все его карты.

Близилось время схватки двух зловещих тиранов, и все же справедливости ради следует заметить, что условия были неравными: один возглавляет несметное войско, другой с трудом удерживает остатки сил, уцелевшие после бессмысленного раскола. К тому же — и это следует принять во внимание — Джелал-ад-Дин был болен, его историк сообщает, что у него были столь сильные колики, что он, корчась от боли, с трудом держался в седле.

Покинувший Газни султан уже приближался к реке и, возможно, благополучно опередил бы противника, если бы вдруг не принял неожиданного решения; узнав, что передовой монгольский отряд вошел в Гардиз (этот город расположен к востоку от Газни, километрах в 50 от него в сторону Инда), трудно сказать в надежде на что он повернул назад, шел всю ночь и на рассвете напал на врага. Это была последняя победа Джелал-ад-Дина, если вообще это можно считать победой. Эти сведения доносит до нас лишь личный историк султана, и если они соответствуют действительности, то значит султан совершил очередную большую ошибку, вняв голосу сердца: он не дошел до реки и дал противнику выигрыш во времени.

Как и следовало ожидать, отвага Джелал-ад-Дина еще более разъярила Чингис-хана, и он ринулся в атаку. Султан опоздал, не успел собрать корабли, чтобы погрузить своих воинов и переправить на другой берег; возле берега стояло лишь одно судно, да и то, как выяснилось позднее, было неисправно. Он погрузил на него свою мать, жен и приближенных. И вот тут-то появился Чингис-хан.

Произошло это 25 ноября 1221 года.

О переправе через реку уже не могло быть речи. Создалась такая ситуация, что султан либо должен был сдаться на милость врага (и неизвестно, сохранило бы

это ему жизнь или нет), либо взяться за оружие и сражаться до последнего.

Это мы с вами сегодня можем так рассуждать перед султаном же такой проблемы не стояло — у него даже на размышления не было времени, он обнажил саблю и ринулся на врага. Ибн ал-Асир пишет, что битва была такой яростной, что предыдущие сражения по сравнению с этим походили на детскую забаву...

Примечательно заглавие той части книги, в которой историк султана Джелал-ад-Дина сообщает об этой битве: «Рассказ о сражении между Джелал-ад-Дином и Чингис-ханом на берегу реки Синд. А это одна из величайших битв и одно из страшнейших бедствий».

Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах с обеих сторон погибло много народу, однако по сведениям летописцев, монголы понесли значительно бóльшие потери.

Султан врезался в гущу неприятеля, пишет ан-Насави, и сначала ему как будто удалось потеснить монголов.... Султану и его воинам тоже так показалось. Однако когда приободрившиеся хорезмийцы пустились в погоню за «побежденными», «в беспорядке убегающими» монголами, все стало ясно. Чингис-хан прибегнул к своей любимой хитроумной уловке — это тот самый прием, с помощью которого Джебе и Субудай в последней битве нанесли поражение грузинам. Пропустив мимо себя противника, из засады выскочили десять тысяч отборных всадников и, преследуя хорезмийцев по пятам, монголы стали безжалостно рубить их и истреблять. Кстати, в этом бою был убит Амин-Малик — тот самый военачальник, из-за которого распалось войско хорезмшаха.

Чингис-хан приказал взять султана живьем. Кольцо вокруг Джелал-ад-Дина неуклонно сжималось, и только благодаря своей удивительной отваге он, всем на удивление, сумел вырваться из окружения и выйти к реке. Сзади угрожающе вздымались обнаженные клинки, впереди — широкая река. Как сообщает ан-Насави, — только что вырвавшийся из самого пекла султан услышал крик обреченных: на палубе гибнущего корабля стояли мать и жены султана и зывали о помощи; женщины умоляли убить их, ибо смерть предпочитали монгольскому плену... Так пишет ан-Насави, но кто

мог в пылу боя разобрать, о чем молили попавшие в страшную беду люди.

У Джелал-ад-Дина не было времени вникать в мольбы обреченных, вопли преследователей приближались с неумолимой быстротой. Он рукой дал знать, чтобы корабль потопили, а сам вместе с конем ринулся в воду. Мать, жены и дети султана скрылись в бурных волнах могучей реки...

Не утонул лишь один сын Джелал-ад-Дина, мальчик 7—8 лет, которого постигла иная смерть: его захватили еще во время боя и доставили Чингис-хану. Ребенка разрубили на части на глазах у грозного владетелина: жаждавший крови отца, Чингис-хан утолил свою жажду мщения кровью сына...

Однако вернемся к Джелал-ад-Дину.

Султан и его конь мужественно сражались с волнами. Конь был под стать всаднику, смелый и отважный. Величественная картина открывалась взору — борющиеся со стихией, ставшие единым целым, одним существом конь и всадник; словно создатель специально решил испытать силу и стойкость им же самим порожденных существ... В древних мифах такая схватка со стихией происходит обычно на глазах у богов по их же воле...

Чингис-хан стоял на берегу и удивленно взирал на это поразительное зрелище, наверное, единственное и в своем роде неповторимое. Однако, потрясенный этим зрелищем, он не произнес тех слов, которые нам известны из летописей: «Вот какой сын должен быть у отца... От того, кто выдержит столь страшное испытание, можно ждать чего угодно».

Эти слова повторяются во многих трудах и исследованиях. Некоторые ученые толкуют их как достойную оценку достойного соперника. Тогда чем же объяснить, что почти в ту же минуту Чингис-хан велел изрубить сына султана!.. В действительности, и один, и другой — и Чингис-хан, и Джелал-ад-Дин были злобными тиранами, сердца их не знали милосердия, жалости, они истребляли всех без разбору, подобная жестокость далеко отстоит от истинного благородства и отваги. Вышеприведенные слова Чингис-хан мог произнести с холодным и практичным расчетом и в назидание собственным сыновьям, которые враждовали друг

с другом (чем наносили серьезный урон Чингис-хану) и втайне к отцу относились недоброжелательно. До него доходили слухи, что один из сыновей — Джучи собирался его убить; впоследствии этот Джучи так быстро исчез, что некоторые не без основания предполагают, что отец велел его отравить...

Преследовать султана, кинувшегося в реку, сейчас не имело смысла, чуть позднее Чингис-хан отправил в Индию 20.000 воинов, чтобы они схватили султана. Он не мог быть спокоен, пока не узнал бы о смерти Джелал-ад-Дина или не захватил бы его в плен. Однако экспедиция оказалась безрезультатной.

Читателя, возможно, заинтересует судьба султанского коня, проявившего не меньше смелости и отваги и спасшего своего хозяина... В знак благодарности хозяин решил не расставаться с конем, повсюду брать его с собой, никогда на него не садясь. Как свидетельствует ан-Насави, Джелал-ад-Дин доставил коня и в Тбилиси...

Итак, на сей раз Чингис-хан не сумел схватить султана, и чтобы утолить свою жажду мести, нашел более легкий путь — он объехал те города и крепости, где скрывались сбежавшие от Джелал-ад-Дина разобитые военачальники, и разрушил их до основания.

* * *

Еще несколько лет разорял Чингис-хан города и области Средней Азии, истреблял население, оставляя повсюду за собой реки крови... Сколько сабель поднималось на него, сколько стрел нацеливалось, сколько копий, пик, мечей заносилось над ним, чтобы убить его, но он оставался невредим, словно не имел плоти... От сеятеля смерти бежала сама смерть, и вот ирония судьбы — пал он жертвой слепого случая. Чингис-хан любил охоту, и это увлечение оказалось роковым. Возвращаясь из Хорезма в свои родные края, он упал на охоте с лошади, и его чуть не разорвал дикий кабан. Однако, несмотря на то, что дни его были сочтены, жажда крови не утихала в нем и сейчас — каждый его приказ обрекал на гибель все новые и новые жертвы...

Предание гласит, что при рождении Чингис-хан сжимал в правой руке сгусток запекшейся крови. И 72-летний старец был застигнут смертью в тот момент,

когда руки у него были в крови. Уже тяжелобольной, он все же отправился в свой последний бой. Возможно, предчувствуя кончину, он нарочно пошел на войну, чтобы не умереть дома... В этой последней битве ему стало плохо и, уже испуская дух, он приказал истребить все население города, чтобы по улицам текли реки крови... Хотя ему доложили заранее, что неприятельский город сдается на милость победителя.

Скончался Чингис-хан в августе 1227 года.

* * *

Джелал-ад-Дин провел в Индии несколько лет. И, видимо, не случайно его отбытие оттуда совпало с возвращением Чингис-хана в Монголию. Это произошло в 1225 году. Султан явно не посмел покинуть пределы Индии, пока в его собственном царстве хозяйничал Чингис-хан.

После той роковой схватки и поражения, как видно, он стал бояться монголов. 2.000 воинов было при султани, когда он прибыл из Индии в Керман. Интересно отметить, что не все воины имели коней, некоторые ехали на ослах и коровах...

Таково было положение хорезмшаха, когда он вернулся из Индии, но вскоре он уже был предводителем огромного, великолепно вооруженного войска. С удивительной быстротой обошел он города Ирана, почти везде встречая полную покорность. Султану подносили богатые дары. Если кто-либо осмеливался проявить непокорность, того он легко подчинял себе, а земли его разорял в назидание другим строптивцам... Когда султан прибыл из Кермана в Шираз (как видите, Джелал-ад-Дин движется к западу), тамошний атабаг в знак полной покорности выслал ему навстречу 500 коней, золото, серебро, парчу, рабов и рабынь... Отдал он ему в жены и свою дочь. Поспешил изъявить свою покорность и атабаг Йезда, заявивший, что он приветствует восхождение в зенит звезды хорезмшаха. Он поднес султану огромное множество слуг и подарков.

Султан, со своей стороны, награждает их различными почетными прозваниями: одного называет «Кариндаш-ханом» (что означает «брат-хан»), другого — «Ата-ханом» («отец-хан»)... Прозвания и титулы эти ничего ему не стоят, и он раздает их щедро. Когда

Джелал-ад-Дин прибыл из Шираза в Исфахан, тамонный кадий встретил его и изъявил ему покорность так же, как встречали его в других городах. Самый желанный подарок — в котором султан в ту пору особенно нуждался — ему подготовил именно правитель Исфахана: многочисленное воинское снаряжение. Теперь воины были и вооружены, замечает летописец, а один из атабагов прилежащей области, узнав о затруднениях Джелал-ад-Дина, отдал в его распоряжение 30.000 воинов...

Таким образом, хорезмшах восстановил свое прежнее положение и былое величие. Ханы и эмиры являлись с покаянием (просили прощения за измену и невольное, порой вынужденное отступничество). Они низко кланялись, покрывая в знак признания своей вины лицо грязью... Страх заставил их покинуть свои крепости.

Так постепенно росло войско Джелал-ад-Дина и вскоре оно уже представляло собой огромную и грозную силу.

Читатель, естественно, ждет, что хорезмшах, считающий себя покровителем и защитником всего мусульманского Востока, двинет свои силы на монголов, разрушивших его страну. Таким должно было быть логическое продолжение его жизни и деятельности...

Но этого не произошло, и возможно, не только потому, что битва у берегов Инда навсегда лишила Джелал-ад-Дина желания и надежды сквитаться с Чингисханом... Предводитель такой армии, который к тому же надеялся на поддержку населения, на наш взгляд, был обязан пересилить себя и вступить в решающую схватку с врагом...

Это, наверное, случилось бы, если бы султан был истинным патриотом, верным и любящим сыном отечества. Однако этого благороднейшего чувства у Джелал-ад-Дина, как видно, не оказалось. Мгновенный взлет, возвышение и обогащение развили в нем совершенно иные устремления и повернули его мысли в другом направлении...

Ведь здесь уже было сказано, что Джелал-ад-Дин не проявил мужества, равного его храбрости и отваге.

С удивительной точностью и выразительностью передает уровень его рассуждений Жамтаагмцереги: обесиленный безуспешными схватками с монгольским вой-

ском, — отмечает летописец, — султан Джелал-ад-Дин собрал своих воинов и обратился к ним с речью. В своей речи он напомнил присутствующим о величии своих предков — повелителей Хорезма, об их постоянной «заботе» о своих верноподданных. Напомнил также о многочисленных сражениях своих с монголами, подчеркнув, что несмотря на отчаянные попытки, ему так и не удалось отразить натиск «чужеродных татар» и он потерпел поражение, ниспосланное ему самим провидением. «Ныне он (т. е. Чингис-хан) уже подошел к берегам Джеона и выслал вперед (войско под предводительством) своего старшего сына. Мое же решение теперь таково: поскольку Бог даровал ему победу..., оставим ему страну эту, а сами захватим с собой свои семьи, все свое имущество и скот и переберемся в Грецию, чтобы там обосноваться. Уж если татары побеждают нас, то мы впредь будем побеждать все другие народы».

Обратите внимание, каким ядовитым цинизмом пропитаны эти слова и с какой горькой иронией передает их нам грузинский летописец.

Дескать, если нас разгромили и разорили монголы, то мы в свою очередь будем громить другие народы!

Вряд ли истинному патриоту такое придет в голову. Вышеприведенная цитата дает точное представление о настроениях и намерениях султана. Сомнений в том, что приведенные Жамтаагмцереги слова на редкость точно отражают мысли и настроение султана Джелал-ад-Дина, не возникает еще и потому, что вся его дальнейшая деятельность их подтверждает.

Итак, Джелал-ад-Дин все дальше и глубже продвигается к западу, постепенно приближаясь к Азербайджану. Совсем рядом с Грузией скапливается до зубов вооруженное войско, возглавляемое прославленным своей отвагой предводителем.

Горькая насмешка судьбы — сын завоеванной врагом страны поворачивается спиной к страждущему под гнетом родному народу и заносит свой меч над другими странами и народами, желая завоевать их и разорить.

Что же происходит в Грузии в этот период? О чем думают при дворе? Как оценивают тогдашние наши политики и военачальники события, происходящие на Востоке? С какой регулярностью и точностью поступают сведения о разыгравшейся там кровавой трагедии?

Было бы неверным утверждать, что при грузинском дворе не имели систематической информации о положении дел на Востоке. Грузия представляла собой крупное государство с богатой традицией международных отношений. И традиция эта продолжалась... Столь крепкий и хорошо налаженный государственный аппарат получило новое правительство, что даже если бы оно очень старалось, так быстро разрушить его все равно бы не удалось. Невозможно представить себе, чтобы правящие круги Грузии, и прежде всего военные чины, подробнейшим образом не были осведомлены об отношениях между Чингис-ханом и Джелал-ад-Дином, не знали о том, когда отправился Чингис-хан в Монголию и когда вернулся из Индии хорезмшах, захвативший один за другим города Ирана.

Другой вопрос — как оценивали в Грузии создавшуюся ситуацию, как смотрели на близящуюся с Востока большую опасность. Главная ошибка грузинских политиков и военачальников заключалась в том, что они переоценивали собственный военный потенциал, преуменьшая при этом силу и возможности противника и глядя на него свысока... Былое величие и славные победы избаловали грузинских деятелей сверх меры, создается впечатление, что они даже не пытаются восстановить добрососедские отношения с небольшими пограничными царствами на юге и на востоке, а также завязать новые союзнические связи. Казалось, они не чувствуют, что грозная лавина, двинувшаяся с Востока, разрасталась и становилась все страшнее, приближаясь к Закавказью...

Может, они надеялись, что ураган, нагрянувший на Хорезмийское царство, постепенно утихнет, уляжется и рассеется в огромном пространстве и не достигнет Грузии...

И в самом деле, было очень трудно представить себе, что столь сильная держава, владевшая огромным военным потенциалом, почти без борьбы и сопротивле-

ния впустил захватчиков (фактически сопротивление оказывали лишь неорганизованные массы населения городов и деревень — стихийно, бессистемно, разрозненно... это лишь увеличивало размеры понесенного урона).

Тем более трудно было им представить себе то, что случилось позднее, после возвращения Джелал-ад-Дина из Индии.

Все это приходится бережно анализировать и иметь в виду, когда речь идет о деятельности тогдашних правителей Грузии.

В высшей степени досадно, что грузинские исторические источники той эпохи, хроники, писавшиеся по горячим следам событий, погибли или были утрачены в последующие века, сохранилась очень незначительная их часть... Однако те материалы, которые собирались исследователями в течение долгих лет, помогают нам все же составить общее представление... Если судить по этим материалам, то мы никак не можем утверждать, что грузинские правители хорошо учли создавшуюся на Востоке ситуацию и придерживались далеко нацеленной, тщательно обдуманной политики. Напротив, когда мы анализируем то, что произошло, то видим скорее растерянность и стихийность, недооценку реальной обстановки и политическую близорукость.

Мы помним, как высоко ценил Давид Строитель западную культуру, как способствовал всячески распространению очагов грузинской культуры в западных странах... Как посылал талантливую молодежь в Византию для тщательного ознакомления с византийской культурой и для дальнейшего укрепления культурных связей с этой страной. Это, разумеется, лишь одна из прогрессивных сторон его многогранной деятельности. Однако он не забывал также укреплять связи со странами Востока. Деятели мусульманской культуры не раз отмечали его религиозную веротерпимость, уважительное отношение к исламу... Символично и то, что одну дочь он выдал замуж в Византии, а вторую — в Ширване; этот, казалось бы, сугубо личный факт наглядное свидетельство его политического чутья и дальновидности.

Однако с той поры много воды утекло, и ныне, как уже было сказано, грузинские правители не могут удерживать мудрого равновесия в делах.

Выше мы уже говорили о том, как стремился Георгий Лаша к дальнейшему укреплению связей с Западом. Тогда все-таки было сравнительно иное положение. Тогда еще не двинулись несметные полчища с Востока. Когда же у границ Грузии появились первые предвестники грядущей беды, царь уже не успел принять необходимые меры, ибо вскоре скончался.

Впоследствии же, в течение того небольшого отрезка времени, о котором у нас шла речь выше, на основании дошедших до нас документов создается такое впечатление, что царский двор слишком много внимания уделял выяснению отношений с крестоносцами, отношений, уже не имевших прежней перспективы. Грузины готовились к крестовому походу, снаряжали войско, коней, запасались оружием... Теперь во всем этом больше романтики, чем дальновидной политики... И в то же время правители как будто совершенно не думают приводить в порядок свои отношения с мусульманскими странами, т. е. с непосредственными своими соседями — южными и восточными.

Это было явной беспечностью. Трижды подряд понесенное от монголов поражение, естественно, должно было озадачить и царицу, и ее военачальников. Они же, наоборот, посчитали себя почему-то победителями и, не сумев вначале по достоинству оценить монголов, теперь словно нарочно закрывали глаза, когда не менее грозный противник двигался к границам Грузии.

Как мы видели, вернувшийся из Индии Джелал-ад-Дин стоял во главе сильно сократившейся, ослабленной армии, где часть воинов восседала на ослах и коровах... Создается впечатление, что грузинские правители именно по этой смехотворной армии оценивали силу хорезмшаха. Во всяком случае, совершенно очевидно, что Джелал-ад-Дин казался им не более опасным, чем те соседние атабаги, которых они легко побеждали. Грузины не заметили, упустили из виду, что вернувшийся из Индии султан в очень короткий срок фантастически умножил, укрепил и вооружил свое войско.

Вторжению Джелал-ад-Дина в Азербайджан предшествовало несколько примечательных событий. В 1225 году грузины вновь выступили походом на Гянджу

(это был один из тех разорительных набегов, о которых у нас шла речь выше в связи с правлением Русудан). Гянджинцы на сей раз держались стойко и грузин в город не впустили, правда, они и сами не вышли за городские стены, изнутри осыпая противника дождем стрел... Грузины, судя по всему, не ждали такого упорного сопротивления. Несколько дней они стояли возле городских стен, но так ничего и не добившись, повернули назад.

В том же 1225 году крайне обострились отношения между ширваншахом и его сыном. Жители, возмущенные несправедливым и жестоким обращением, восстали против ширваншаха, этим воспользовался царевич и по подстрекательству бунтовщиков сверг отца и захватил власть. Отцу не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к грузинам: дескать, если можете мне вернуть престол, уступлю половину своего царства.

Собственно, не так много он терял — ведь сейчас он был лишен всего и надеяться ему было не на что. Грузинский двор охотно откликнулся на выгодное предложение и поспешно выслал вспомогательные войска.

Однако и сын ширваншаха был начеку, внимательно следил за действиями отца. Он быстро распустил по стране слухи о сговоре отца с грузинами: дескать, он согласился на оскорбительные условия, не посчитавшись ни со мной, ни с народом. Естественно, утверждал он, теперь здесь будут властвовать грузины и, не ограничась половиной царства, захватят весь Ширван. После такого внушения он вышел со своим войском навстречу отрядам грузин и преждевременно возрадовался отцу. Понятно, что узурпатор не успел за такой короткий срок собрать большое войско. Он встретил трехтысячное грузинское войско с 1.000 воинов, но последние сражались так самоотверженно, что заставили отступить грузин, захватив многих в плен.

В том же 1225 году грузинское царское войско вторглось во владения атабага Узбека. «Грузины держались смело и дерзко, действовали решительно, ибо мусульман считали трусами и ни во что их не ставили», — приводит И. А. Джавахишвили слова Ибн-ал-Асира. Здесь мы не будем подробно описывать эту бит-

ву, нам важно то, что и на сей раз грузины потерпели поражение.

Мы специально задержали внимание читателя на этих сведениях: три раза подряд грузины вкусили горечь поражения в совершенно бессмысленных и бесцельных баталиях, и случилось это в 1225 году, как раз накануне появления войска Джелал-ад-Дина.

Яснее ясного, что этими бессмысленными сражениями царский двор облегчал врагу задачу, лил воду на его мельницу.

* * *

И вот до зубов вооруженное войско Джелал-ад-Дина подошло к Азербайджану. Впереди развевалось черное знамя, раздавались крики: мы идем, чтобы освободить собратьев-мусульман от неверных грузин.

Едва ступившего на землю Азербайджана султана ждал такой сюрприз, о котором он и мечтать не мог. Жители города Мараги прислали гонца с письмом: помоги, освободи нас от постыдного гнета подручных местного шаха и вызволи из-под власти грузин, которые держат наш город в своих когтях и не дают нам дышать.

Джелал-ад-Дин ждал от жителей Мараги сопротивления и был готов к бою. Неожиданно получив такое письмо, он, естественно, обрадовался. Вошел в город, основательно расположился, временно устроил тут штаб и разослал письма окрестным султанам и правителям — в Иконию, Египет, Дамаск и т. д. Предлагал дружбу и солидарность этим мусульманским правителям, призывал их к священной войне... Причем эти письма он отправил не с обычными гонцами, а с опытным дипломатом, чиновником особых поручений—с кадием Муджир ад-Дином Умаром ал-Хорезми. Письмо было довольно подробное, в нем всем султанам сообщалось, что Азербайджан ныне в руках хорезмшаха, который «намерен совершить поход на грузин, ожесточенно сразиться с ними и показать им, что в доме есть хозяин».

Наряду с отвагой хорезмшах не лишен был и коварства, письма его так и дышали медоточивой лестью, он клялся всем султанам в братстве и дружбе. Кого же любить, как не тех, кто исповедует твою веру и говорит на твоём языке. На западе (в Магрибе), писал

он, вы являетесь самоотверженными защитниками ислама, на востоке же (в Машрике) я поднял свой могучий меч, чтобы покарать неверных. Если такие близкие народы, как мы, живущие одной судьбой, не перебросим между собой моста дружбы, если не будем идти одним путем, с кем же тогда нам дружить и брататься. Еще и еще раз призывал он единомышленников к священной войне.

Коварный хорезмшах не ограничился одними словами, он пожелал скрепить дружбу с некоторыми правителями узами родства: к примеру, за сына Иконийского султана он выдал сестру Ширазского атабага, которая приходилась родственницей самому Джелал-ад-Дину.

Видите, как осторожно действует хорезмшах, не смотря на то, что в его распоряжении находится многочисленная и прекрасно снаряженная армия. Это указывает на два важных обстоятельства: во-первых, на то, что отважный и храбрый в бою Джелал-ад-Дин коварен и предусмотрителен; и во-вторых, все эти предосторожности еще раз доказывают, как велика была слава о могуществе Грузинского царства.

С помощью важного посла и писем хорезмшах вовремя позаботился о том, чтобы, двинув войско на Грузию, не иметь недругов в тылу и с флангов.

Соседние же султаны поверили медоточивым обещаниям хорезмшаха, и ниже мы увидим, как жестоко они ошиблись. Вскоре они начали горько сожалеть о содеянном, поняли, кто был их истинным врагом, но было поздно...

После Мараги Джелал-ад-Дин захватил Уджан (Учан), дальше подступил к Тебризу, атабагом которого был кутила, любитель веселого времяпрепровождения. Он не беспокоил себя государственными делами, и страной фактически правила его жена. Узнав о приближении хорезмшаха, атабаг сбежал. В городе осталась его жена Малика — дочь султана Тогрула. Джелал-ад-Дин тщательно готовился к взятию большого и богатого города, подвел к стенам города катапульты и осадные машины, вокруг велел вырубить и сжечь все леса.

Вначале горожане оказали сопротивление (город

семь дней находился в осаде), но когда они поняли, что силы слишком неравны, дочь Тогрула тайно послала к Джелал-ад-Дину гонца и велела ему передать: «я сама ненавижу своего мужа, атабага Узбека, так чего же нам враждовать, давай заключим мирное соглашение».

Так Тебриз сдался султану. Это произошло 25 июля 1225 года.

Окрыленный успехами, Джелал-ад-Дин быстро захватил весь Азербайджан и затем потребовал от грузин, чтобы они безоговорочно покорились его власти.

Это означало объявление войны.

Показателен ответ грузинского царского двора: отец твой был отважнее тебя и воинов у него было больше, однако вспомни, что сделали с ним татары! Отняли обширное царство и полностью подчинили себе... Те же татары явились и к нам, но чего добились — с чем пришли, с тем и ушли...

Это сообщает нам Ибн ал-Асир.

Обратите внимание на последнюю фразу ответа (правильность этих сведений подтверждают упоминавшиеся нами выше письма папе римскому).

Совершенно очевидно, что в Грузии было распространено мнение (и соответствующее настроение царя и двора), будто грузины сами трижды победили монголов и обратили их в бегство; тех самых монголов, перед которыми не устояло даже обширное и могущественное государство хорезмшахов.

Грузинские полководцы и предводитель войск все три битвы с монголами считали выигранными и чрезмерно этим гордились... В самонадеянности им не откажешь. Если бы такие победы были одержаны, то, естественно, было бы чем гордиться. Но ведь мы с вами прекрасно знаем, что произошло на самом деле. Вот откуда идет эта беспечность, эта чрезмерная спесь и высокомерие, которые окончательно загубили дело. Кого же винить в создании подобных беспочвенных иллюзий, как не царский двор и царских полководцев.

Трудно сказать, удалось бы, пусть ненадолго, остановить хорезмское войско, если бы вместо вышеупомянутого ответа царский двор вступил бы с Джелал-ад-Дином в дипломатические переговоры.

По свидетельству Жамтаагмцерели, царица и предводитель войск лишь тогда начали собирать войска, когда Джелал-ад-Дин со своими полчищами уже вторгся в пределы Грузии. Иностранные источники несколько иначе толкуют случившееся (Жамтаагмцерели вообще не упоминает угроз Джелал-ад-Дина и ответа грузинской стороны): по их данным грузины начали созывать войска сразу, как узнали об угрозах султана. Это сообщение кажется более достоверным, такой же позиции придерживаются и грузинские ученые. И. А. Джавахишвили пишет:

«Отправив ответ, грузины приступили к созыву своих войск».

Достоинно внимания соображение Н. А. Бердзенишвили. Он разделяет мнение, высказанное в иностранных источниках, но там же замечает, что при дворе не сумели оценить всей опасности создавшегося положения, пренебрегая угрозами султана, войско собирали медленно и лениво.

«Грузинский царский двор не придавал особого значения угрозам султана, султанского гонца отпустил ни с чем и, не торопясь, стал готовиться к предстоящей войне. Джелал-ад-Дин же решил опередить противника, не мешкая, вторгся в пределы Грузии с огромным войском, разорил окрестности Двина и направился к Гарни, куда уже подошло грузинское войско...»

Здесь важно не столько то, достаточно ли оперативно готовились к битве грузинские военачальники, сколько другое. Приведенные нами слова ученого очень точно и емко выражают ту трудно объяснимую беспечность, то благодушие, которые охватили царский двор и в первую очередь военное командование.

Итак, грузинские полководцы получили сведения о размере войска хорезмшаха, его снаряжении, расположении... Они поняли, что война была не только неизбежна, но близилась с минуты на минуту. И вот наконец дарбази принял решение о крупномасштабной мобилизации войска. Царица «призвала воинов имерских и амерских, подняла царское знамя и призвала атабага Иванэ, который в ту пору был уже стар, и не явно, но тайно был пострижен в монахи, поставила его царица Русудан во главе ратей своих и передала ему

знамя славное и отправила на битву с султаном Джелладином»...

Так лаконично излагает грузинский летописец историю принятия важного решения и созыва войска. Но даже в этих скупых строках он не забывает сообщить нам, что атабаг Иванэ к тому времени был уже глубоким стариком и, кроме того, тайно постригся в монахи. Эти сведения невольно обращают на себя наше внимание. В этом серьезном — как мы убедимся далее — даже роковом (в смысле национальном и государственном) сообщении, отличающемся удивительным лаконизмом, казалось бы, не должно быть места для таких, на первый взгляд, не столь существенных указаний... Не дает ли это нам основания предполагать, что на заседании дарбази было высказано пожелание — напрямик или обиняками, — чтобы войска возглавил кто-то другой? Не на этом ли заседании начался тот раскол между военачальниками, который впоследствии стал очевидным и ныне уже ни у кого не вызывает сомнений? Правда, лишь после решения дарбази царь обычно «созывает войска» и назначает полководца. Но коли уж возникли у нас по этому поводу сомнения, то естественно поставить вопрос: так ли было на сей раз? Не указывает ли сообщение летописца на то, что внушительная часть дарбази была против кандидатуры Иванэ Мхаргрдзели, но царица не посчиталась с мнением дарбази и воспользовалась для решения этого вопроса своей августейшей властью?

Возможно, наши сомнения и не имеют под собой твердой почвы, но они тем не менее снова и снова возникают наряду с другими вопросами, когда мы знакомимся с последующими событиями. Однако об этом ниже.

Ныне же грузинское войско под предводительством Иванэ Мхаргрдзели двинулось на юг, а навстречу ему, к северо-западу движется троекратно превышающее его численностью войско султана Джелал-ад-Дина.

Вот-вот они должны встретиться.

Стоит август 1225 года.

* * *

Об этой битве сообщают нам как грузинский летописец, так и иностранные источники: Жамтаагмцереги — сравнительно кратко, некоторые иностранные источники — более подробно. И несмотря на то, что сведения не всегда совпадают, они хорошо дополняют друг друга, дают нам возможность ясно представить себе подготовку к бою и само сражение.

Уже было сказано, что войско хорезмийцев по численности втрое превосходило грузинское. Жамтаагмцереги не указывает число грузинских воинов, он сообщает лишь в общих чертах, что «Русудан призвала воинов амерских и имерских». По свидетельству ан-Насави, что подтверждается и другими иностранными источниками, у грузин было 60.000 воинов, согласно же грузинской хронике, число хорезмийцев было равно 140.000. По другим источникам их было 200.000. Оба войска расположились недалеко друг от друга, в окрестностях Гарни, примерно в 25 км от нынешнего Еревана, к юго-востоку от него. Битва вошла в историю под названием битвы при Гарни. Какое из войск прибыло раньше и кто именно выбрал окрестности Гарни местом сражения, уточнить это сейчас сложно, источники по-разному освещают этот факт. Правда, все авторы утверждают одно — что грузины укрепились на «одной из вершин, высившихся среди гор». («Когда он (т. е. Джелал-ад-Дин) достиг Гарни, то увидел, что грузины расположились на возвышенности как высокая гора на горе, сплошной черной массой, как беспросветная ночь», — пишет ан-Насави).

Армия же Джелал-ад-Дина стала лагерем в долине, но так близко от грузин, что противники могли слышать все, что происходило в другом лагере. Ан-Насави специально подчеркивает, что из лагеря грузин доносились крики и шум, которые «могли разорвать звездные покрывала, их слышали бы и уши глухого»... Не хочется верить словам Джувеини о том, что грузины были пьяны вдребезги (ведь фактически об этом же говорят и слова ан-Насави). Деталь эта примечательна и заслуживает внимания. Боевой клич непосредственно перед битвой, который должен ободрить воинов и вдохновить их на бой, наводя страх на противника, — разумеется, ни у кого удивления не вызовет... Однако крики

и шум в лагере, в двух шагах от неприятеля, когда еще не известно время атаки, прямо скажем, неожиданны и неуместны; к тому же, наверное, еще и опасны, хотя бы с той точки зрения, что такой разброд может нарушить воинскую дисциплину и вызвать брожение в рядах бойцов...

И все-таки чем можно объяснить подобные действия грузинского войска?

Может, своеобразной тактикой — допустим, грузины решили напугать врага, стараясь шумом и криком создать впечатление многочисленности...

А может, это обычная беспечность излишне уверенных в себе военачальников?

Когда мы все это хорошенько проанализируем, когда вспомним и недавние угрозы в адрес Джелал-ад-Дина со стороны грузинской царицы и полководцев, когда примем к сведению все, случившееся позднее, то после этого всего у нас будет право предполагать, что это бесспорно тоже было признаком непростительной беспечности.

Невольно вспоминаются события столетней давности. Тогда тоже стоял август, и 60.000-ное войско грузин ждало жестокой схватки с численно превосходящим их противником. Эта битва решала судьбу страны, ее будущее...

С какой поразительной точностью повторяются иногда события!..

Но сейчас мы вспомнили о битве столетней давности потому, что она имела совершенно иной результат... Та же битва, которая предстоит грузинам сейчас, будет развиваться иначе и приведет к другому финалу...

Упрямо врывается в память событие, имевшее место сто лет назад. Лицом к лицу стоят войска, и зловещая могильная тишина смущает даже неприятельских полководцев. Вспоминается краткая речь, с которой царь обратился к своим воинам — как к собственным детям — речь, сказанная с мудрым спокойствием и твердостью... Не забыть нам и того, как развивалось сражение в согласии с заранее продуманным планом; причем с такой точностью и сначала же определившейся последовательностью, словно обе стороны

— и грузины, и их противники следовали одному общему плану, стараясь ни в чем от него не отступить. Однако, это было 100 лет назад, ведь мы говорим о знаменитой Дидгорской битве, случившейся в августе 1122 года, сейчас же — август 1225 года, и, как мы вскоре убедимся, события развиваются совсем по-другому.

Сейчас можно смело утверждать, что ни грузинский военачальник, ни воины не понимают решающего и рокового характера предстоящей битвы. Впрочем, за это, наверное, не следует упрекать наших далеких предков. Трудно определить заранее характер и значение предстоящей битвы. Для этого нужна особая мудрость, ниспосланное свыше чутье, опыт... Далеко не у всех имеются такие качества. И даже мудрый политик и закаленный в боях полководец не всегда могут предсказать ход событий...

Должно быть, не в этом упрекает Жамтаагмцери своих совсем не далеких предков, когда именно с битвой при Гарни связывает «полное уничтожение Грузии» и с беспощадной суровостью выносит приговор тогдашним военачальникам.

Упрекать их следует за другое, за отношение к делу, за ту беспечность, которая явно просвечивает во всех действиях полководцев.

Беспечность!.. Что-то часто стало встречаться у нас это неприятное слово. Вторглось назойливым гостем и укоренилось опасным недугом... На первый взгляд, беспечность как будто не так уж и страшна, скорее говорит о пассивном отношении к делу и не заслуживает такого жестокого приговора, как, допустим, потрясающая своей страшной активностью измена. Но посмотрите, как близко друг к другу стоят эти понятия, когда речь идет о судьбе и достоинстве народа и страны. Они словно близнецы: одно — зло само по себе, другое — источник зла. И по отношению к добру оба действуют согласованно — одно со злобной яростью тащит страну к пропасти, другое — со спокойным равнодушием ведет все к той же гибели...

Однако не будем забегать вперед.

Итак, два войска стоят друг против друга в окрестностях Гарни и, судя по всему, ни грузины, ни хорез-

мийцы не решаются начать, словно чего-то ждут, словно предпочитают, чтобы первый шаг сделал противник.

Грузинский полководец атабаг Иванэ, согласно ставшему уже традицией правилу, назначил предводителями передовых частей Торели и двух братьев Ахалцихели — Шалву и Иванэ. Сообщая об этом, Жамтагмцерели торопится тут же добавить, что братья являются прославленными воинами. Впрочем, мы их уже знаем еще со времен царицы Тамар, где мы их только ни встречали — в Шамхорской и Басианской битвах, в битве за Карс. В Шамхорской битве Шалва Ахалцихели захватил знамя халифа и доставил его грузинской царице. Это было последним аккордом выигранной баталии и выглядело столь эффектно, что весть о том облетела всю страну, все только об этом и говорили. Тамар пожертвовала это трофейное знамя Хахульской иконе Богоматери. Тем самым в грузинской истории был увековечен подвиг замечательного полководца: при Басиани, в самом начале боя, под Шалвой убили коня, и он продолжал самоотверженно сражаться пешим; как видим, и этот факт история сохранила как пример воинской отваги и самоотверженной любви к родине... Везде они были первыми, во всех сражениях вели за собой войска, первыми отводили занесенную вражью саблю... Не удивительно, что и на сей раз мы видим этих героев во главе передового отряда грузинского войска...

Передовой отряд, судя по всему, находился на изрядном расстоянии от основных сил. Должно быть, из-за особенностей рельефа. Поэтому мы можем предположить, что в этом шуме и гаме, о котором с горькой иронией пишет чужеземный историк, передовой отряд участия не принимал. Он находился в засаде и ждал — во-первых, приказа верховного командования, если будет решено первыми вступать в бой, и во-вторых — в случае, если враг возьмет инициативу на себя, засечь сразу же передовой отряд неприятеля, который находился в двух шагах от них, гораздо ближе, чем основные силы грузин.

Однако из неприятельского лагеря не слышно было ни звука.

Как была расположена основная часть грузинского войска, мы не знаем, летописцы об этом умалчивают.

Да и какое это могло иметь значение, если, как мы увидим ниже, все закончилось так, что основные силы даже не вступали в бой.

Неприятель, конечно, тоже готовится к бою, но тихо, во всяком случае никакие звуки до грузинского лагеря не доходят. Султан под покровом ночи расположил свое огромное войско следующим образом. В середине он поместил конницу, укрепив центр своими прославленными витязями; на правый фланг он выставил богатырей-защитников, на левый — лучников. И этот фланг он также укрепил верными людьми и опытными воинами. Именно этот фланг должен был завязать бой. Здесь находились брат султана Гийас ад-Дин (Джувейни называет его коварным и беспощадным), известный военачальник Ур-хан, Иган-Таиси... Видимо, опытный полководец к самому рассвету ждал нападения и был начеку... Однако рассвело, августовское солнце уже взошло, а противник все не двигался с места, только крики и шум доносились из лагеря грузин, словно пришли они не воевать, а проводить время.

Целый день прождал султан. Когда стемнело, он перенес свой шатер вперед и поставил как раз посреди конницы, ханам же и эмирам своим приказал ухаживать востро, дежурить всю ночь.

Когда снова рассвело и султан увидел, что грузины и сегодня не собираются ввязываться в бой, он вновь призвал своих военачальников и сказал: грузины подозрительно тянут время, нам же нечего ждать — я решил двигаться немедленно, атакуя противника сразу со всех сторон. Если они попытаются прорвать фронт, лучники должны остановить их градом стрел, лишив их возможности продвигаться вперед...

Так сказал султан и отдал приказ наступать.

От передового отряда грузин не укрылись действия противника. Долго готовиться им не понадобилось — здесь были отборные воины во главе с опытными военачальниками, они так активно вступили в бой, как будто именно в эту минуту ждали неприятельской атаки. К тому же, обратите внимание, Шалва Ахалцихели, видимо, заранее разведаль расположение вражеских войск и, посчитав самым опасным левый фланг, двинулся именно туда. Заблаговременно же он послал человека к атабагу Иванэ с сообщением: «Сблизились мы уже

с султаном и ратями его, нас очень мало, а битва нас ждет суровая. Пусть двинется к нам на помощь отважное царское войско...»

Честно говоря, гонца можно было и не посылать. Опытный полководец сам должен был выслать войска на помощь...

Тем временем битва становилась все яростнее. Султанский летописец старается живо передать нам удивительную динамичность битвы: «стрелы летели так, словно это падают метеоры или летят снега, гонимые ветром. Муслим смешался с кафиром, выигрывающий — с тем, кто терпит убыток, поднимающийся — со спускающимся, конный — с пешим...»

Но, как уже было сказано, передовой отряд грузин встретил этот натиск во всеоружии, прекрасные кольчуги и панцири надежно защищали их от вражеских стрел, и поэтому далеко не все стрелы достигали цели.

В таких обстоятельствах каждая минута могла стать решающей и роковой... Вспомогательные силы с тыла запаздывали, но ждать было нельзя, всяческое промедление и колебания были губительными. Меч войны был занесен, и неприятельские стрелы летели со свистом, словно усиливающийся снегопад... Небольшой отряд славных воинов Ахалцихели отважно ринулся на атакующего врага: «...Не побоялись многочисленности султанских ратей, словно звери, ринулись на них...»

Главным было — до прибытия помощи остановить первую волну, преградить путь к вершине, не дать врагу развернуть свои несметные полчища и тем самым как можно более затруднить им борьбу. Если удастся остановить первую волну, дальше будет легче сражаться, поскольку подоспеют и основные силы...

Но помощи из тыла все не было видно. Основные силы запаздывали. Шалва отправил второго гонца, за ним третьего. «И дважды отрядили, и трижды», — сообщает летописец. Хотя, — повторим еще раз, — грузинский полководец в гонцах не нуждался, он прекрасно слышал пронзительный свист стрел и звон сабель.

Уже давно шел рукопашный бой. Вначале как будто неприятель терпел большой урон, но султанским войнам крепко вбили в головы, что им необходимо захватить вершину, что только тогда они будут победи-

телями, в противном случае битву можно считать проигранной... И они, не отдавая себе отчета, рвались вперед. Грузинский же предводитель войск стоял как вкопанный. Произошло невероятное — такое редко случается в истории! Основное войско стоит здесь же, в двух шагах, воины слышат шум битвы, звон сабель, даже видят обреченных на гибель собратьев, и... все же войско не двигается с места. Даже если отбросить строжайший закон войны, обязывающий хранить верность в бою и оказывать поддержку собрату, то предводитель знает, должен знать, что его промедление пагубно. Буквально через несколько минут уже никто не оставит упоенного легкой победой врага, кто сможет противостоять натиску несметных полчищ...

Военачальники знают это, должны знать, и все же стоят на месте, как зачарованные, стоят упрямо, не двигаясь с места...

«Атабаг Иванэ и грузинские рати видели эту беспощадную битву и не сжалились над своими соотечественниками и единоверцами, (не смилостивились) над исповедующими Христа Торели и многими другими прославленными... и не пожелал помочь им атабаг Иванэ...»

Что же случилось, какой дьявол попутал грузинского полководца?!

«И здесь не двинулся с места атабаг Иванэ!..»

С такой горечью восклицает Жамтаагмцерели, словно не миновал целый век после той страшной битвы, словно не зажили раны, а сию минуту, на его глазах вершилась измена, которая перевернула судьбу страны и народа...

И снова с прежней пророческой силой звучат слова летописца:

«Гой, зависть — источник всех зол, проклятье и погибель рода человеческого...»

Какими бы отважными воинами ни были братья Ахалцихели, как бы самоотверженно они ни сражались вместе с передовым отрядом, разумеется, все равно они не смогли бы удержать несметных хорезмийских ратей. Несмотря на понесенный урон, неприятельские ряды пополнялись новыми силами. К тому же, враг приободрился, видя, что малочисленному и попавшему в окружение отряду никто не спешит на помощь. Так неужи-

данно их предали и, можно сказать, принесли в жертву.

Грузины все же не бросали оружия, не сдавались. «Продолжалась жестокая сеча... Под обоими братьями Ахалцихели убили коней».

Они стали сражаться пешими.

«С обеих сторон было истреблено множество (воинов)...»

В невероятно «жестокой схватке» не выдержали и сабли — «и сабли (братьев) Ахалцихели (под конец) сломались о шлемы и кольчуги...»

Сопrotивляться далее не имело смысла, да и не было возможности — не оставалось никого, кто мог бы оказать сопротивление. Нельзя забывать, что битва происходила на подступах к скалистой вершине. Один брат — Иванэ Ахалцихели — был убит скатившимся с высоты камнем... Быть может, неприятельский воин, взобравшись ввысь, столкнул сверху огромный валун (поскольку кольчуга делала доблестного воина неуязвимым для стрел и сабель, его решили убить таким способом), или же он пал жертвой предательского убийства!.. Так было или иначе, одного из братьев Ахалцихели уже нет в живых. Передовой отряд грузин практически полностью перебит... Шалву захватили живым... Нашли его среди трупов, пишет ан-Насави, он специально вымазал лицо кровью, может, для того, чтобы не быть узнанным и избежать пыток (так объясняет слова ан-Насави в своем романе Григол Абашидзе)...

Но его все равно узнали. Ан-Насави пишет, что обнаружил и узнал его сын няни Гийас ад-Дина. Жамтагмцерели объясняет это несколько иначе: «...Узнали его нахичеванцы и адарбадаганцы и доложили султану о его доблести в бою...»

Одним словом, горькая судьба брата скоро Шалве покажется завидной — его схватили и привели к султану. Но с его последующими злоключениями мы познакомимся ниже. Теперь же вернемся на поле битвы...

Впрочем, битва уже закончилась. Такого страшного поражения грузины не испытывали уже давно.

Трудно сказать, как поступил после всего случившегося атабаг Иванэ (грузинский летописец и иностранные источники об этом молчат). Мы не знаем, двинул ли он в конечном итоге свои войска или отступил

без боя. Да это уже и не столь важно. Важно то, что он не пришел на помощь в нужный момент, когда еще можно было изменить исход битвы. «В большом и сложном сражении самое главное и трудное для главнокомандующего дело — улучшить подходящий момент, когда атака всего войска принесет самый быстрый и лучший результат; может, в этом заключалась ошибка атабага Иванэ», — пишет И. А. Джавахишвили, которому, по-видимому, трудно поверить в тяжелое обвинение, выдвинутое Жамтаагмцереги в адрес Иванэ Мхаргдзели. Хотя в данном случае полководцу нетрудно было «улучшить подходящий момент», ибо к нему три раза присылали гонца с просьбой о помощи.

Так или иначе, само собой разумеется, что победитель не ограничился уничтожением передового отряда. Хорезмийцы кинулись вдогонку за основными силами и многих истребили, сбросили со скалы, захватили в плен. Кому-то удалось бежать, кому-то — укрыться в ущельях и близлежащих крепостях. Это не наши предположения, на это указывают различные источники. «Как безумные, не вступая в бой, вскочили они на коней и ринулись прямо в Гарнийское ущелье», — пишет один армянский хронист... А вот свидетельство другого: «Часть укрылась в крепости Гегард близ Гарни».

Если учесть все вышеизложенное, то вряд ли покажется преувеличением сообщение Ибн ал-Асира о том, что в тот день грузины потеряли 20.000 воинов. Хотя если верить ан-Насави, то погибло всего лишь 4.000 воинов. Скорее всего, эти сведения не противоречат друг другу. Из 4.000 месхов состоял передовой отряд, который героически сражался и погиб.¹ Далее же султанские воины продолжали преследовать и истреблять уже основные войска грузин — тогда, возможно, и погибло еще 15.000. Ибн ал-Асир, очевидно, имеет в виду общее число погибших.

Разумеется, такую победу Джелал-ад-Дин отметил бы особо, разослав повсюду вести о ней. Часть плен-

¹ Вспомните одну примечательную деталь: из четырех тысяч месхов состоял тот отряд, с которым Георгий Лаша брал Гянджу... Поскольку и этот отряд состоял из месхов, то, видно, он тоже являлся передовым отрядом грузинского войска.

ных — знать и военачальников — он сразу же отправил в Тебриз, следом послал туда же и отрубленные головы. Сам же он никуда ехать не собирался. Победу надо было довести до конца — пока грузинская столица не покорена, султан не мог считать себя победителем.

Атабаг Иванэ ускользнул и с малой группой приближенных укрылся в Бджни (Степанос Орбелян пишет: атабаг Иванэ сбежал со свитой из десяти человек и вошел в одно укрепленное село). Это село было расположено к северу от Гарни, на небольшом сравнительно расстоянии.

После этого случая мы больше не встречаем Иванэ Мхаргрдзели на военно-политической арене, хотя он прожил еще года два. Битва при Гарни бросила, понятно, тень на авторитет когда-то прославленного воина и полководца. Выше мы уже приводили сообщение Жамтаагмцереги о том, что он тайно постригся в монахи. Возможно, горькие остатки своих дней он провел в монастыре — в молитве и покаянии... Но сколько же надо было молиться, чтобы искупить тот страшный грех или ту роковую ошибку!

Что же все-таки произошло, какой дьявол его попутал!

Если верить Жамтаагмцереги и армянским летописцам (а, собственно, почему мы не должны им верить), то трудно избежать соблазна и не вспомнить известную поговорку: как дьявол состарится, так в монахи пострижется...

Джелал-ад-Дин направился к Двину. «Сражение докатилось до города Двина», пишет ан-Насави, и в самом деле, это походило на продолжение начавшейся битвы.

Взять Двин не составляло труда, войдя в город, султан приказал местному кадию отделить мусульманское население с имуществом, чадами и домочадцами: он делал это якобы для того, чтобы по ошибке не ограбить вместе с христианами и мусульман. Султан действовал осторожно, делал вид, что в самом деле пришел лишь для того, чтобы защитить ислам. Факт этот интересен нам еще и потому, что дает представление о том, как безжалостно грабил и истреблял султан мирных

жителей: «Аллах щедро даровал султану и его сторонникам обильные богатства и неограниченное количество добычи», — пишет секретарь Джелал-ад-Дина. Но это не более, чем словесный оборот, мы уже имели возможность убедиться, что не тот человек был Джелал-ад-Дин, чтобы положиться лишь на милость Аллаха.

Когда на юге султан хорошенько отвел душу и, главное, убедился, что с тыла ничего ему не грозит, со всей своей огромной армией приготовился он к штурму Тбилиси.

Однако в это время пришла из Тебриза весть: преданный везир сообщал, что против султана зреет заговор и его, везира, тоже собираются убить.

Мы уже убеждались не раз, что вместе с удивительной смелостью Джелал-ад-Дину была присуща осторожность и предусмотрительность. Велико, конечно, было желание завладеть городом, известным всему Востоку богатством и красотой. И исполнению этого желания, казалось бы, ничего не препятствовало. Однако, получив из Тебриза тревожную весть, султан отложил поход на Тбилиси и вернулся в Азербайджан.

Прежде чем вернуться, Джелал-ад-Дин вызвал эмиров, руководивших правым крылом его войска, и обвинил их в измене: мне известно, сказал он, что вы сговорились бежать при первом же натиске грузин. Поскольку мы одержали блестящую победу, я прощаю вас при одном условии — разорить те местности до моего возвращения из Тебриза, да так, чтобы камня на камне там не осталось.

Интересно также, в какой обстановке отдавал султан это распоряжение. Он не впустил в свой шатер вызванных военачальников, не соизволил сам с ними беседовать. Поручение было передано прислужнику, который, выйдя из шатра, оповестил всех собравшихся о решении султана.

Удивительный цинизм! Натравить на потерпевшую поражение страну алкавших добычи и обогащения воинов и выдавать этот разгул силы за наказание этих вояк. Как видно, Джелал-ад-Дин придумал себе такое развлечение...

«Провинившиеся» эмиры поклялись выполнить приказ, султан дал им в проводники перешедших на его сторону двух правителей Сурмари, чтобы они не сби-

лись с дороги и не пропускали на своем пути ни города, ни деревни.

Вышеприведенное сообщение ан-Насави подтверждает грузинский летописец: после Гарниской битвы «султан повернул к Адарбадагану и Нахичевану. И разорял он Грузию, громил и захватывал пленных, безжалостно истреблял всех, и некому было их утешить».

Такого страшного испытания не выпадало на долю вот уже нескольких поколений грузин... Истребляли, разоряли, громили... Неописуемую жестокость проявляли по отношению к населению и этой жестокостью кичились. Рассказ одного из таких погромщиков дословно передает секретарь Джелал-ад-Дина ан-Насави. По словам этого рассказчика, они разоряли Грузию «три месяца, непрерывно совершая набеги до тех пор, пока не опустошили ее совершенно и не испытали ее жителей великими бедами, и стали дешевы грузинские невольники: каждый их невольник продавался за два или три динара». Некоторые из жителей попытались убежать, они угоняли скот и спасались за перевалами, но мы добирались и до них, — продолжал очевидец и участник этих погромов. — Мы не давали им передохнуть, люди старались перебежать из одного ущелья в другое, но разве от нас убежишь — мы повсюду проливали их кровь, настигали их в таких местах, где еще не развевалось знамя ислама и где не была прочитана ни одна сура и ни один стих из Корана.

* * *

А султан тем временем улаживал свои внутренние дела в Тебризе, хотя, как видно, его не переставала мучить мысль о незавершенном походе на запад, о невзятом Тбилиси, о непокоренной Грузии и ее вассалах. Из Тебриза, видя, что сам задерживается, Джелал-ад-Дин посылает на запад опытного военачальника Ур-хана. На сей раз — с целью взятия Гянджи. Ур-хан, судя по всему, отправился с большим войском, потому что ему оказалось несложно выполнить порученное дело. В скором времени он захватил и Гянджу, и соседние области — Байлакан, Барда, Шамхор, Шутур. Ур-хан при этом завладел большими богатствами, однако возгордившийся из-за родства с султаном (по сведениям Киракоса Гандзакеци, Ур-хан был женат на

матери Джелал-ад-Дина) проявил чрезмерную алчность, он повздорил с султанским прислужником, присланным специально для описания собранных богатств. Дело дошло до того, что родственнику султана пришлось обнажить саблю...

Такой была на самом деле истинная суть „священных войн» Джелал-ад-Дина.

В декабре 1225 года султан, наконец, выбрал время для того, чтобы продолжить свой западный поход. Он вышел из Тебриза и подступил к берегу реки Аракс; здесь он стал лагерем, здесь собирался готовиться к взятию Тбилиси. Надо было приготовить войска к зиме, решить, какой дорогой вести столь многочисленную армию, где легче будет раздобыть провиант, где будет меньше препятствий и сопротивления, где легче перевалы и переходы... Поскольку дело было зимой, то все проблемы выростали в десять раз. Выбор правильного пути был равен одной выигранной битве. Это, конечно, хорошо понимал Джелал-ад-Дин, сам прекрасный воин и полководец. До Тбилиси лежал долгий путь, и двигать с места такую огромную армию «на авось» было нельзя. Султан нуждался в совете, нужны были люди, хорошо знающие дороги и местность... Думая об этом, султан невольно вспоминал Шалву Ахалцихели, ибо знал ему цену. Лучшего совета, чем он, никто дать не сможет, если, конечно, грузинский военачальник не окажется неблагодарным, если обнаружит преданность по отношению к тому, кто поступил с ним великодушно — сохранил жизнь обреченному на смерть пленнику. Так думал Джелал-ад-Дин...

И вот он велит привести к нему пленного грузинского военачальника.

* * *

С Шалвой Ахалцихели мы не встречались с тех пор, как он попал в плен. Сейчас вкратце сообщим читателю, какая судьба его постигла. Как уже было сказано, его нашли в Гарни на поле битвы, среди убитых воинов, и, несмотря на то, что лицо его было вымазано кровью, его узнали: его могучее телосложение сразу обращало на себя внимание. Джувеини специально подчеркивает: ростом, силой и благородством он похо-

дил на отпрыска племени ад (это высокая оценка, если принять во внимание, что богатырскую внешность, силу и отвагу легендарного арабского племени ал-мусульмане почитали примером).

Пленника привели к султану. Джелал-ал-Дин не нуждался в пояснениях, он хорошо знал, кто перед ним. В смелости и таланте грузинского военачальника он имел возможность убедиться совсем недавно, во время битвы под Гарни. Хорошо знал султан и то, каким влиянием пользовался Ахалцихели при грузинском дворе и в войске... Победа, разумеется, была большой радостью для султана, не менее радостной оказалась весть о пленении Шалвы.

Опытный полководец Джелал-ад-Дин сразу решил сладкими речами завлечь Шалву, переманить его на свою сторону и использовать в битвах против грузин.

Диалог этот тоже интересен, он показывает характер грузинского военачальника — и вообще характер грузина (диалог приводится в сочинении Джувеини).

— Так куда же подевалась твоя ярость? Ты же похвалялся — дескать, где же хозяин Зуль-Фикара, я покажу ему удар моего отточенного стального меча?

С такими словами обратился султан к Шалве Ахалцихели. Одно это уже свидетельствует о том, что молва о мужестве и отваге героя разнеслась далеко, даже враги знали о его подвигах. В частности, султан слышал о том маленьком эпизоде, о котором он сейчас напомнил грузинскому военачальнику (между прочим, об этом эпизоде нам сообщает в своей книге секретарь султана ан-Насави)...

«Зуль-Фикар» — название меча четвертого халифа Али ибн-Талиба.

По свидетельству ан-Насави, Шалва Ахалцихели похвастался перед подручным атабага Узбека, присланным к нему по какому-то делу: «Я хотел бы, чтобы Али ибн Абу Талиб, то есть эмир верующих... был бы жив и в мое время. Тогда я показал бы ему такую силу, которая заставила бы его позабыть и день Бадра, и день Хайбара» (здесь Шалва называет места сражений, в которых в 624 и 628 гг. мусульмане, сподвижники Мухаммада, одержали победу; мусульмане и в последующие века гордились этими давними победами). Видимо, слова Ахалцихели показались подручному Узбека

таким кощунством, что, удивленный, он стал всем о них рассказывать, способствуя тем самым распространению молвы (он, оказывается, так и сказал ан-Насави: «На словах Шалва обошелся со мной по-хорошему, но в хвастовстве преступил границы приличия»), но мы-то с вами знаем, что это было не кощунством, а свидетельством простоты и непосредственности Шалвы Ахалцихели. Подручный атабага явился как лицо официальное, грузинский же военачальник принял его запросто, по-домашнему, шуткой попытался с самого же начала развеять неловкость. Он попытался на равных говорить с посланцем, но у того, к сожалению, не оказалось чувства юмора, и он счел Ахалцихели заносчивым... Так в свое время и доложили обо всем султану — как свидетельство, самоуверенности и спеси грузинского военачальника...

И вот теперь Джелал-ад-Дин с иронией и злорадством напоминает Шалве его же собственные слова, желая тем самым унижить его и даже напугать...

Не следует забывать о состоянии Шалвы Ахалцихели — усталый, измученный, вкусивший горечь поражения, измазанный кровью (а возможно и раненый), убитый изменой своих, отягченный мыслями о горьком будущем родины...

— «Это дело совершила счастливая звезда султана!» — таков был ответ Ахалцихели.

Видите, он вроде бы не дает прямого ответа на вызов Джелал-ад-Дина. Здесь тоже проявляется его характер. Если судить по этому ответу, нетрудно убедиться, что у султана не было никакого основания обращаться к грузинскому военачальнику с таким вопросом — дескать, куда подевалась теперь твоя прославленная храбрость!.. Шалва отнюдь не выглядит запуганным и несчастным. Наоборот, внимательно приглядевшись к нему, можно заметить даже присущую ему отвагу («ярость»), отвечает он султану смело и гордо, на ироническое обращение отвечает иронией. Он не собирается ни оправдываться, ни просить пощады, он говорит прямо: дескать, нечего хвастать этой победой, лучше благодарить счастливую звезду.

После этого Шалве предложили отречься от своей веры и принять ислам. Если бы он согласился на это, надо полагать, ему даровали бы не только жизнь, но и

богатство и благоденствие... Естественно, Ахалцихели ждал такого предложения и ответ у него был готов. Персидский летописец в своей книге приводит и этот ответ. Ответ, который тоже раскрывает нам характер грузинского военачальника.

— У дехкан есть обычай выставлять в огородах ослиную голову против дурного глаза. Шалва будет ослиной головой в саду ислама...

Должно быть, Джелал-ад-Дин и не надеялся, что Ахалцихели примет ислам — грузины не отрекались так легко от своей веры; поэтому, очевидно, он не разгневался, а лишь потребовал полной покорности и преданности. На это знатный пленник вынужден был согласиться. Это явствует хотя бы из того, что султан оказал Шалве большие почести, пожаловал несколько городов: Маранд, Салмас, Урмию, Ушну. Разумеется, все это в расчете на то, что в будущем Шалва «поможет ему завладеть Грузией», сообщает Джувейни, не скрывая корыстных и коварных планов султана...

Для таких надежд у Джелал-ад-Дина были достаточно веские основания: в конце концов он сам был свидетелем того, как предательски был покинут во время битвы отважный передовой отряд и его прославленный предводитель...

Султану этого было достаточно, чтобы поверить, что оскорбленный и предательски брошенный собратьями на верную гибель Ахалцихели не упустит отныне удобного случая, чтобы отомстить...

* * *

Однако то, что мы изложили, произошло в августе 1225 года, сейчас же — начало 1226 года, первые дни января, султан уже побывал в Тебризе, уладил там свои дела и вот — стал лагерем на берегу Аракса, пополнил свое и без того многочисленное войско и, закончив кое-какие необходимые приготовления, собирается двинуть его в наступление.

Мы как раз остановились в тот момент, когда султан вызвал грузинского военачальника, чтобы посоветоваться с ним, какой дорогой лучше идти.

До появления Шалвы Ахалцихели султану доложили новость, которая разгневала его. Специально приставленные к Ахалцихели соглядатаи перехватили

письмо, в котором он подробно сообщал грузинам о планах Джелал-ад-Дина — о числе воинов, о приближительной дате начала похода на Тбилиси...

Неожиданное предательство взбесило султана. Он был убежден, что грузинский военачальник после того, как ему сохранили жизнь, пожаловали города, приняли с почетом, навеки сохранит преданность. В особенности теперь, когда пленник получил возможность отомстить — ведь его в свое время предали, обрекли на гибель... И это было всего несколько месяцев назад! И вот этому человеку выпал случай последовать за своим новым покровителем и расчитаться с теми, кто так жестоко с ним обошелся.

Султан был поражен, не мог себе представить, как такое могло произойти. Удивляла его не столько неблагодарность Ахалцихели, сколько глупая, на его взгляд, забывчивость, необъяснимая терпимость по отношению к личным врагам и всей стране.

Мы уже достаточно хорошо знакомы с молодым хорезмшахом, чтобы не удивляться его непониманию того чувства, которое толкнуло Шалву Ахалцихели на столь отчаянный шаг.

Султан держал в руках тайное послание, и предательство грузинского военачальника и его вина были очевидны. Увидев свое письмо в руках султана, Шалва все понял и с невозмутимостью человека, смирившегося с судьбой, взглянул султану прямо в глаза.

Грузинский летописец коротко сообщает: Шалва был убит султаном... Ан-Насави тоже немногословен: «Султан распорядился, — пишет он, — и он (Шалва) был разорван на две части на берегу реки». Персидский историк дает более подробные и достоверные сведения, здесь мы видим еще и характер султана: султан встал, ударил саблей Ахалцихели, рассек его пополам, окрасив клинок его кровью. Словно он жаждал крови и наконец насытился ею. Не доверил дело палачу, убил сам, отвел душу. И случилось это в начале января 1226 г.

Так погиб замечательный воин и полководец, верный сын отчизны, которой именно сейчас нужны были его отвага, опыт. Здесь мы, к сожалению, должны

проститься с нашим героем — в тех битвах и событиях, о которых у нас пойдет речь ниже, с ним мы уже не встретимся.

Зима выдалась снежная и морозная. Секретарь султана жалуется: даже конские копыта покрывались льдом, что же говорить о наших руках и ногах! Дальние походы в таких условиях совершать нелегко, тем более по незнакомым дорогам, в чужой обстановке, во враждебной стране. Персидский летописец замечает в одном месте (тем самым давая нам почувствовать трудности похода), что они подошли к такому ущелью, через которое разве что орел мог перелететь. Тысячи препятствий могли возникнуть на пути у султана. В этом он убедился сразу же, как только двинулся со своим огромным войском. Разумеется, лучше было захватить Грузию и ее прославленную столицу обманом, без войн и без битв.

Собственно, это и пытался сделать султан.

Прибыв в Бджни, он узнал, что там находится грузинский амирспасалар.

Только сразу заметим, что это был не атабаг Иванэ... Летописец не пишет об этом прямо, но и без того ясно, что после Гарниской битвы Иванэ в скором времени был отстранен, и скорее всего он постригся в монахи. Амирспасаларом же был назначен его сын Аваг.

Из одной армянской надписи явствует, что еще при жизни Иванэ передал бразды правления своему сыну: «Божьей милостью я, атабаг Иванэ, и... Хошак во имя благоденствия наших кровных сыновей — мандатуртухуцеса Шанше и амирспасалара Авага»... Ш. А. Месхиа именно так толкует эту надпись: атабаг Иванэ еще при жизни даровал титул амирспасалара Авагу. И вот султан узнал, что в Бджни находился грузинский военачальник. Он тотчас отправил к нему гонца: дескать, я хочу вступить с тобой в переговоры, встретимся в сопровождении лишь одного человека («встретимся, взяв с собой одного человека, ибо хочу я говорить с тобой»). Встретились они возле ущелья (оврага). Вахушти рисует более живую картину: «С той стороны к оврагу подступил султан с одним рабом, с этой — так же (подступил) Аваг...».

Я пришел в Грузию не как враг, — прямо так на-

чал свою речь Джелал-ад-Дин, — я пришел для согласия и мира. Но в чем моя вина — вы подняли оружие и вступили со мной в единоборство, «поэтому мира не получилось».

Он еще на других сваливал свою вину! Как будто это не он явился с войском, вооруженным до зубов, а грузины вторглись в его страну, нарушив ее покой!

Но не эти слова поразили нового амирспасалара, а то, что было сказано после них.

«Дошло до слуха моего, что правит вами женщина, и (вы должны) признать меня ее мужем и вашим царем...» — так передает слова султана Жамтаагмцерели.

Вот чего он, оказывается, пожелал — стать мужем царицы и править Грузией!

Не дожидаясь ответа, он для усиления эффекта тут же добавил:

«Ежели не сделаете этого, снова разорю вас, а потом схвачусь с татарами... (это уже сообщение Вахушти).

Таких «женихов» Грузия уже знала и прежде — достаточно вспомнить хазарского хана, Руки ад-Дина и многих других...

Чтобы сделать свои слова еще более впечатляющими, султан сказал: все едино, сюда идут наши общие враги — монголы. Не сегодня-завтра они будут здесь и покорят вас — «даже если я уйду, татары уже приближаются и вы не в силах бороться с ними», — т. е., если вы уцелеете от меня, то от них-то уж вам никак не спастись!

Нетрудно было догадаться, что султан требовал полного подчинения и признания власти хорезмийцев... Что мог ответить новый амирспасалар, он только сказал: «Доложу сказанное царице и ее везирам», затем «он быстро отрядил гонца к царице и передал сказанное».

* * *

Прежде чем ознакомиться с ответом двора и с дальнейшим развитием событий, в нескольких словах сообщим читателю о семейном положении царицы Русудан.

Выше мы говорили о том, что она была обручена с ширваншахом. Шла подготовка к свадьбе — как сви-

детельствует грузинская летопись, сам Лаша отправился «снаряжать свою сестру», примечательно, что на той свадьбе он и скончался. Естественно, свадьба распространилась и в связи с трауром была отложена. Однако, как видно, ширваншаху не суждено было стать мужем Русудан. После смерти брата, как мы знаем, трон заняла Русудан, и это сразу все изменило. Если раньше ширваншах мог считаться желанным зятем, то теперь он не казался достойным партнером царицы Грузии. В летописи об этом не сказано прямо, но видимо, Русудан рассталась с ширваншахом, так и не сочетавшись с ним браком. „Поскольку в 1222 году судьба сделала Русудан царицей, ясно, что свадьба ее с ширваншахом должна была расстроиться. Ширваншах был вассалом Грузии и не подобало вассалу находиться на грузинском престоле рядом с царицей», — пишет И. А. Джавахишвили.

Когда закончился траур по усопшему царю, Русудан выбрали другого жениха (хотя точнее было бы сказать, что она сама его выбрала, так говорят некоторые источники). Это был сын Эрзерумского правителя Тогрула — Мугис ад-Дин, «который был благороден, зрел летами, хорош собой, бодр и силен»... Как известно, траур длился год, и 3 февраля 1223 г. Русудан обрела супруга в лице сына Эрзерумского владельца. Правда, царский двор заранее выставил жесткое условие Мугис ад-Дину — отречься от ислама и перейти в христианство. Условие было выполнено. Правда, Эрзерумский султан тоже находился в вассальной зависимости от Грузии, замечает И. А. Джавахишвили, «но здесь не было такой тесной зависимости, как в случае с ширваншахом, и по положению эрзерумский султан имел большой авторитет».

Скажем тут же, что у Русудан родились двое детей: старшая дочь — Тамар и сын Давид...

* * *

Итак, новый амирспасалар передал грузинской царице и двору слова султана. Как и следовало ожидать, царский двор и слышать не пожелал о наглых притязаниях Джелала-ад-Дина: «И велели Авагу даже и не слушать дел его».

Трудно сказать, какого ответа ждал султан от ца-

рицы, но, получив отказ, с усилившейся яростью он двинулся на Тбилиси.

Естественно, что после страшного поражения при Гарни царский двор спешил собрать новое войско, чтобы хоть на сей раз остановить врага, который не сегодня-завтра мог прорваться к сердцу страны. Наверно, оттого и произошла смена военного руководства. И в самом деле, грузины, быстро пополнив свои войска за счет аланов, лезгин и кипчаков, встретили врага почти на границе. Об этом сообщает Ибн ал-Асир, и, должно быть, это произошло вскоре после того, как двор получил вызов Джелал-ад-Дина. Ответив султану отказом, грузины тотчас двинули свои войска к границе.

Несмотря на то, что численность войска выросла, положение его продолжало оставаться тяжелым.

Во-первых, потому что оно уже лишилось нескольких опытных и талантливых полководцев. Во-вторых, полагаться на чужеземных наемников во время таких решающих сражений, когда на весах судьба страны, всегда опасно и рискованно. Мы уже знаем, как осторожно действовал в подобных условиях Давид Строитель. Ведь он располагал огромным войском кипчаков, но в той битве, где решались судьба и будущее страны, он опирался в основном на грузинских воинов, лишь слегка «разбавив» их кипчаками... Так что укрепленное за счет аланов, кипчаков и лезгин войско, надо думать, выросло скорее численно, чем своей боеспособностью.

И третье — паника после роковой Гарниской битвы еще не утихла. Потерять в одной битве 20 000 воинов, т. е. треть войска — да еще в таких обстоятельствах, было такой глубокой раной, исцеление которой требовало времени; времени и спокойного, осторожно-го, умного лечения; надо было внушить молодым воинам веру в свои силы, укрепить в них боевой дух, закалить их морально... Такое было не под силу ни царице, ни ее военачальникам. Напротив, в военной верхушке чувствовалась еще большая неразбериха и растерянность.

Вот почему было тяжелым положение грузинского войска в период, когда после сокрушительного поражения ему предстояла новая схватка с грозным и беспощадным противником.

Это, видимо, хорошо знал Джелал-ад-Дин, имевший прекрасных лазутчиков. Очень простыми военными средствами он внес смуту в неприятельское войско. Султан разделил свою многочисленную армию на несколько частей и устроил в разных местах засады. Когда грузинское войско приблизилось, передовой отряд хорезмийцев после короткого сопротивления отступил, сделав вид, что не может противостоять силам противника. Смешанное войско грузин, окрыленное легкой победой, ринулось преследовать врага... Преследуемые заманив противника глубоко в тыл, с помощью укрывшихся в засаде сил взяли грузин в окружение. Это было полной неожиданностью для грузин. Султан отдал суровое распоряжение — никого не щадить, истреблять всех без разбору.

Теперь путь на Тбилиси Джелал-ад-Дину был открыт.

Несмотря на несметное войско и непрерывный ряд побед, Джелал-ад-Дин действовал продуманно и осторожно. Он хорошо знал «силу и твердость страны (Грузии) и боевую отвагу грузин» (это его слова), поэтому он все тщательно взвешивал заранее. Особенно усилил разведку. И подступив к «Тбилисскому полю», не ринулся в атаку сразу, а расположился на подступах к Тбилиси и послал в город опытных лазутчиков. Султан знал, что в городе достаточно много жителей-мусульман и решил вступить с ними в контакт, переманить на свою сторону и настроить против коренного населения.

Пока же он наблюдал за всем происходящим в городе издали. Он и раньше слышал, а теперь убедился воочию, что взять столицу Грузии действительно очень трудно. Секретарь султана пишет: «Он увидел, что Тбилиси укреплен и неприступен, и его стены большей частью возведены на горах и возвышенностях».

Можно было ждать жестоких боев. Султан очень надеялся на своих лазутчиков, и из города действительно прибывали ободряющие вести. С радостью встретил султан весть о том, что царица перебралась из Тбилиси в Кутаиси. Об этом пишет и грузинский хронист: «Как только царица узнала о прибытии султана, она собралась и отправилась в Кутаиси, а в Тбилиси оста-

вила для охраны войско и во главе войска двух братьев — сыновей Боцо, Мемну и Боцо».

Султан чувствовал, что отбытие из города царицы с семьей и столь дальний переезд, несомненно, окажут сильнейшее моральное воздействие и на защитников города, и на все городское население.

Источники не донесли до нас, при каких обстоятельствах — возможно, таково было решение дарбази — Русудан покинула Тбилиси. Ясно одно, покинуть столицу в минуту такой серьезной опасности было более чем предосудительно. Нетрудно себе представить, как быстро дошли до Тбилиси вести о последнем поражении грузин, с какой ужасающей ясностью воображение рисовало картины жестокостей, творимых хорезмийцами в городах и селах юго-запада Грузии...

Слухи с быстротою ветра распространялись по улицам городов и деревень, проникали во все щели, превращаясь в чудище, наводящее на людей ужас...

С отъездом царицы из города жители лишились последней капли надежды. Вражеские лазутчики и этот факт использовали весьма умело, раздувая пламя страха. Времени на эвакуацию тоже не оставалось, да и как, куда эвакуировать такую массу людей в эту лютую стужу?! Тбилиси к тому времени был уже большим, густонаселенным городом.

Джелал-ад-Дин не спешил начинать атаку, и, возможно не только потому, что в условиях суровой зимы нужна была особенно тщательная подготовка, но еще и потому, что сейчас время работало на него, растущая в городе паника была его союзницей — чем сильнее становился страх, тем легче было султану взять хорошо укрепленный город. Между тем хорезмийские лазутчики не сидели без дела, они сумели проникнуть в город и завербовать агентов из числа местного мусульманского населения. В покинутом царицей городе это было сделать нетрудно, к тому же лазутчики султана нашли опору в самой царской семье: муж Русудан, в свое время отрекшийся от ислама и принявший христианство, желая искупить свой грех и пребывая в страхе, перешел на сторону противника. Его переманили легко, пообещали простить отступничество при условии, что он скажет поддержку людям Джелал-ад-Дина. Переманить

на свою сторону мужа царицы — это вам, разумеется, не приобретение еще одного рядового агента!

Трудно ответить на вопрос, почему муж царицы оказался в Тбилиси, тогда как сама царица искала убежища в Кутаиси. Почему он не последовал за ней? Может, в отношениях между супругами уже возникла трещина, которая неотступно росла и скоро стала очевидной для всех... Может, именно это и подтолкнуло его на путь измены.

Защита города была доверена Мемне и Боцо Джакели. Эти доблестные воины были сыновьями знаменитого Боцо, главы одного из ответвлений¹ рода Джакели, «самцхийского эриставт-эристава и спасалара», который верно служил сначала Георгию III, затем его дочери, но в конце концов отступился от Тamar и примкнул к заговорщикам, за что был наказан и разжалован... Его же сыновья, как мы видим, вновь выдвинулись и верно служат престолу. Одного из братьев — Боцо — летописец называет в отряде Георгия Лаши, когда молодой царь отправлялся в свой первый поход против непокорной Гянджи. Мемна был еще более прославленным воином и государственным деятелем.

И еще одно обстоятельство, которое не может не вызвать удивления. Где в это время находится предводитель грузинского войска — амирспасалар? Когда же он возглавит войско, если покинул его в столь ответственный момент? Что это — все та же беспечность или растерянность? Если он потерпел поражение в предыдущей битве, сейчас-то он должен находиться

---

¹ К другой ветви Джакели принадлежали потомки известного государственного деятеля и воина Иванэ — Кваркваре Цихиджварели. Именно он помог царице Тамар во время большого заговора, когда от нее отошли многие вельможи-дидебулы и присоединились к Юрию. Скорее всего, именно после этого Кваркваре стал спасаларом Самцхе, а затем и министром финансов (мечурчлетухуцеси). Так же преданно служили царю сыновья Кваркваре, в битве при Гяндже один из сыновей возглавлял войско Георгия Лаши, другой сын Бека был убит при первом столкновении с монголами. Об этом сообщает грузинская летопись. Кваркваре в это время был уже министром финансов.

здесь, с пополненным и укрепленным войском? Сейчас, когда к столице подступил опасный враг и будущее страны висело буквально на волоске...

Тем более, что неприятель не торопится, как будто специально дает грузинам возможность собрать свое войско и как следует подготовиться.

Но нет, амирспасалара не видно. Царица же еще раньше покинула город. Нетрудно представить себе, в каком состоянии пребывали жители Тбилиси. Если судить по этому факту, то получается, что ни царица, ни царский двор не придавали особого значения происходящему — словно ожидали они лишь незначительной схватки, результат которой не имел никакого значения для будущего страны.

Вспомнив об амирспасаларе, мы вовсе не собирались принижать боевых талантов тех, кому царица доверила оборону города. Мемна и Боцо, как уже было сказано, — отважные воины и настоящие патриоты... Но нам интересно отношение царицы к этому делу — ведь, судя по всему, именно с ее согласия амирспасалар не принимал участия в решающей битве.

Мы вспомнили этот факт, чтобы показать отношение царицы к событиям, равно как и другой — отъезд из города накануне тягчайшего испытания. И это в то время, как венценосец должен был если не возглавить войско в крупном сражении, то по крайней мере непременно должен был находиться рядом, подбадривая воинов, вселяя одним своим присутствием надежду и твердость...

Невольно вспоминается овейнная славой Тамар — матушка нынешней государыни, вспоминается ее мудрая предусмотрительность во всяком деле; как она готовила войско к каждой битве, как вела за собой, вселяя веру в победу...

Достаточно вспомнить Шамхорскую битву...

Когда войска собрались, «явилась и Тамар, узрела их (осмотрела воинов, их боевую готовность, снаряжение), оставалась там несколько дней, чтобы принять участие в молебствиях».

Перед боем она обратилась к воинам с речью. Какими искренними, даящими силу и бодрость были сказанные ею слова:

«Братья мои, пусть не затрепещут от страха серд-

ца ваши, если их такое множество, а вас мало», — так она начала свою речь, а закончив ее, «сняла обувь и пешком, босая, прибыла в храм...»

Не забывает летописец подчеркнуть, «какую помощь получили наши войска от слез Тamar». Далее он рассказывает, как героически сражались воины...

Битва не выигрывается просто так, каким бы отважным ни было войско, его надо готовить, подготовить все стороны и направить, повести за собой.

Или вспомним битву при Басиани.

Отправившееся в поход войско возглавила сама Тamar, «с босыми ногами, причем слезами оросила она свои ланиты...»

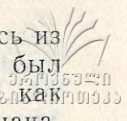
Она буквально за каждого воина молила Господа. «Каждый завещал ей... дом свой, детей своих и души свои». Царица «...благословила им путь и таким образом отправились (они), доверившись богу и слезам Тamar».

Вот так было, так повелось изначально, царь во всех обстоятельствах, в горе и радости, должен стоять рядом с народом, этого требовали правила правления страной, это было узаконено на протяжении веков, и как мы видели, ничего не изменилось и тогда, когда государством стала править женщина.

Молодая царица Русудан имела превосходный пример в лице своей матери. Но то ли забыла это непреложное правило, то ли еще что-то, но позаботилась она лишь о себе: враг был еще далеко, когда она покинула столицу. И этим, как мы уже говорили, усложнила положение, поставила под сомнение исход и без того трудной битвы.

Джелал-ад-Дин взял Тбилиси 9 марта 1226 года. О битве нам сообщают Жамтагмцереги и иностранные источники — одни кратко, другие — сравнительно более подробно. Эти сведения дополняют друг друга и дают нам возможность зримо восстановить случившееся (очень сжато сообщает о битве личный секретарь султана, ибо в эту пору он был болен и не видел всего своими глазами — он передает рассказы очевидцев).

Приблизившись к городу, султан разделил свое большое войско и укрыл в разных местах — причем эти засады он устроил столь искусно, что грузины о них даже не подозревали. Как уже было сказано, сул-

тан не спешил начинать атаку, и грузины не рвались из надежно укрепленного города. Джелал-ад-Дин был опытным стратегом и хотел выманить противника можно дальше (возможно, поэтому он и тянул с началом атаки)... Однако медлить было больше нельзя, сколько же еще ждать — грузины не показывались и хранили упорное молчание, словно не замечали обступившую город неприятельскую армию...

Кончалась морозная зима, близилась весна, и вот в первых числах марта султан двинулся к городским воротам... Но не со всем своим войском, а лишь с одним отрядом в три тысячи человек. Ясно, что он решил таким образом ввести противника в заблуждение. Он надеялся, что воодушевленные малочисленностью врага грузины осмелеют, откроют ворота, выйдут из крепости, и тогда хорезмийцы после небольшого сопротивления начнут отступать, заманивая противника в ловушку. Так, скорее всего, рассуждал султан — взяв неприятеля в окружение, хорезмийцам нетрудно было бы его уничтожить, используя свое численное превосходство.

Однако защитники города проявили осторожность, раскусили хитрость хорезмийцев и вывели не все войско, как предполагал султан, а лишь его часть, и не дали возможности противнику отступить, там же у крепостных стен завязалась схватка.

Разные источники по-разному описывают эту битву — если сравнить друг с другом и проанализировать эти сведения — то получится примерно такая картина...

Защитники города стойко выдержали первый натиск хорезмийцев — «грузины одержали блестящую победу». Как видим, в тот день грузины оказались победителями — никаких оснований у нас нет не верить Жамтаагмцерели. Однако тем временем наступила ночь, которая и «развела сражавшихся».

Таким образом, решающая битва должна была состояться на следующий день, и неизвестно, как обернулось бы дело, если бы верным союзником Джелал-ад-Дина не стала страшная измена. На рассвете султан снова подступил к воротам Тбилиси. На сей раз, очевидно, с ним было все его войско. Он уже знает, что предатель — «некий перс» — житель Тбилиси — вонзит нож в спину предводителя грузинского войска. Так все предусмотрено заранее. За этим, разумеется, пос-

ледует переполох, тем более, если учесть, что все это произойдет в городе, на улицах, переполненных людьми... Суматохой воспользуются внутренние враги, откроют ворота и впустят султанское войско. Все это знает султан и в нетерпении ждет знака: грузины этого не знают, поэтому не принимают никаких мер предосторожности.

Когда Мемна выстроил войско и велел открыть городские ворота — «Гянджийские ворота» — чтобы вывести воинов, когда он стал облачаться в доспехи, он не надел шлема, ибо не спешил, уверенный, что находится среди своих, в хорошо укрепленном городе... В последний раз обошел он готовые к бою ряды воинов, отдал последние распоряжения и, наконец, взялся за шлем. Однако предатель не дал ему надеть его, «сильно ударил по голове без шлема, рассек (мечом), он упал и тотчас умер».

Это послужило знаком. Свора предателей, подняв крик: убили предводителя! — воспользовалась возникшей паникой, «отворила ворота» и пустила в город вражеское войско.

И тут же с минаретов, так и было задумано, понеслась хвала Джелал-ад-Дину. Местное мусульманское население с радостными криками бросилось навстречу султану. Битва была проиграна — множество защитников города было убито, те же, кому удалось спастись, бежали через мост и укрылись в крепости Исани: «...Город был предан изнутри, бежали защитники города и укрылись в Исани; сын Боцо — Боцо укрепил Исани...»

Нетрудно представить, что творили в городе захватчики, истомленные голодом и холодом во время осады. Ан-Насави специально подчеркивает, что первым в город ворвался Гийас-ад-Дин, брат султана, по словам Джувейни, «безжалостный и каменносердный»... Впрочем, и другие не отставали от него — султан отдал специальный приказ не щадить жителей города...

Собственно, и приказ этот был лишним!..

Город был уже захвачен. «И тогда мечи властно распорядились его жителями, а руки (воинов) захватили все их добро», — почти без эмоций констатирует секретарь султана, хотя в другом месте он не стесняется в выражении чувств. «Истребили всех грузин, живших в городе, не пощадили ни стариков, ни

детей» — это слова Ибн ал-Асира. Пожалуй, не стоит после этого подробно описывать те ужасы, которые сопутствовали вторжению врага в город. Нелегко сдаться это и Жамтаагмцереги. Но он все же рассказывает нам об этом, и нам надлежит внимать ему.

«Здесь мне следовало бы замолкнуть, но, увы, придется с болью в сердце рассказать о вещах горестных. Настолько жестоко начали они истреблять (местных жителей), что даже младенцев отрывали от материнской груди и перед глазами матерей бросали их головой об камень... Вслед за ними убивали и самих матерей. Стариков бросали на улицы под копыта коней и безжалостно топтали; молодых хватали и кидали на землю, и текли от них реки крови. И все перемешалось: брызги от мозгов мужчин, матерей, стариков, волосы и кровь младенцев... отрубленные головы, кишки, вывернутые и раздавленные конскими копытами...»

Это трудно слушать и трудно об этом говорить — дыхание у летописца перехватывает, его душат слезы, сердце подступает к самому горлу... И он в отчаянии восклицает: «О, сердобольные взывания и стенания слезные!..»

Эти строки писались спустя век после трагедии, разыгравшейся в Тбилиси. Но когда мы их читаем, словно видим горючие слезы очевидца, словно слышим его горький стон, вырвавшийся вместе с трудно рождающимися на свет словами... «Весь город сотрясился от криков, плача и ужасных звуков рыданий, ибо большинство жителей, согнанных подобно овцам, видели — одни любимых детей своих, другие — братьев и отцов, жены — мужей и мужья — жен, обесчещенных и умерщвленных, растоптанных конями и растасканных собаками по улицам...»

* * *

Миновала первая волна, жаждавший крови враг натешился вдоволь, и читатель, наверно, надеется, что хотя бы теперь улягутся эти трудно объяснимые ярость и жестокость... Но нет, не утихли, не улеглись... Ведь часть грузинских воинов укрылась в крепости Исани, там был брат Мемны — Боцо, сын Боцо. Джелал-ад-Дин знал, что победа не будет окончательной, пока не взята Исанская крепость. Однако ее защитники не со-

бирались сдаваться. Это были отборные воины, и предводитель у них был достойный — держались они стойко... Но долго ли так могло продолжаться, мог ли малочисленный и неуклонно рedeющий отряд сдерживать натиск бесчисленных вражеских ратей... Это было похоже на бесцельную и безнадежную борьбу, зря проливалось море крови...

Разумеется, понимал это и опытный грузинский предводитель, но он надеялся, что царица быстро соберет в Западной Грузии войско и подоспеет на помощь. При этом условии укрепившийся в Исани отряд мог сделать много... Однако об этом, наверное, думал только Боцо...

Русудан же, как видно, не собиралась созывать войско, исполняя долг царицы, она лишь велела защитникам крепости покинуть ее.

Наконец, когда Боцо Джакели лишился последней надежды, когда он убедился, что им все равно не справиться с многочисленным врагом, когда он увидел, что их сопротивление лишь ожесточает хорезмийцев по отношению к мирным жителям, он решил сдаться... Грузинский летописец сообщает, что царица несколько раз велела Боцо покинуть крепость и сдаться врагу. Но он продолжал колебаться, очевидно, выжидая момента, наиболее благоприятного для сдачи крепости... И такой момент наступил.

Деревянный мост, перекинутый с одного скалистого берега на другой и соединявший две части города, был сожжен еще раньше. И теперь Джелал-ад-Дину невероятных трудов стоила переправка войск на другую сторону, чтобы взять в кольцо Исанскую крепость.

Как уже было сказано, это случилось в начале марта. В Тбилиси это время обычно ненастное и ветреное. А в тот год еще выдались и холода. Когда хорезмийцы переправились через Куру и нацелили свои камнеметы на крепость, ветер, видимо, усилился, так похолодало, словно снова наступила зима. Об эту пору погода всегда меняется внезапно — внезапно налетает и мороз. Ан-Насави так и пишет — «зима взъярилась». Султанским воинам прямо в лицо дул ледяной ветер, они глаз не могли открыть, мерзли лица... Они изнемогали от усталости и непогоды, а ненастье все усиливалось, крепчал ветер, становилось все холоднее... И в

это время вдруг открылись крепостные ворота и появился гонец с предложением сдать крепость. Султан не мог скрыть радости — продолжать осаду не было больше сил — поэтому он без колебаний согласился на условия Боцо.

Умный и отважный страж крепости добился того, чтобы всем уцелевшим защитникам Исани была сохранена жизнь.

Теперь весь город с крепостями оказался в руках султана. По законам войны и согласно человеческой морали, захватчики хотя бы теперь должны были умерить свою жестокость.

Но для Джелал-ад-Дина этих законов не существовало. Посчитав себя полноправным хозяином города, он обрушил на горожан новый шквал своей ярости. «Снова стал вершить он еще более злую расправу над христианами и уничтожал их столь яростно, что улицы, канавы и рвы были полны убитыми, и множество мертвых уносила Кура...»

Избежавшим смерти грозило насильное обращение в магометанство.

Ни одной церкви не оставили неразрушенной — «Начал он крушить церкви, пока не уничтожил их до основания», — пишет Жамтаагмцерели и там же сообщает нам удивительные сведения: Сионский собор был разрушен не полностью, над оставшимся без купола храмом Джелал-ад-Дин велел поставить странный престол («странный и смехотворный», как пишет И. А. Джавахишвили). Он приказал вынести из храма икону Богородицы и велел всем горожанам осквернять ее — «всех захваченных им христиан — мужчин и женщин, силой принуждал он попирать святые иконы и отрекаться от веры...» Сам же в это время восседал на своем странном троне, взирал сверху и наслаждался; «ежели кто не делал этого (т. е. оказывал сопротивление) — тому отсекали голову», — продолжает Жамтаагмцерели. Царевич Вахушти подтверждает: «Кто не плевал (на икону), того лишали жизни»...

Большинство жителей, конечно, оказывали сопротивление, и их убивали. Слова ан-Насави о том, что фактически все население города было истреблено, подтверждает Жамтаагмцерели: «...Счесть убитых невозможно из-за их множества, ибо, думаю, число их до-

стигало десяти по десять тысяч», — т. е. было убито почти 100.000 человек.

Джелал-ад-Дин не пощадил и своих единоверцев, тех, которые ради него предали город и перешли на его сторону: часть из них он жестоко истребил, часть бесовестно обобрал.

Это было первым признаком того, что заверения хорезмшаха, будто воюет он за мусульманскую веру, на самом деле были пустыми словами.

Но в этом пока могли убедиться лишь тбилисские мусульмане, население же соседних султанатов все еще верило в истинность посулов Джелал-ад-Дина.

Личный секретарь султана хвастливо пишет о том, что в Тбилиси султан завладел такими сокровищами, копившимися там веками, что специальные чиновники не в состоянии были вести этому богатству учет.

Тбилиси был большим городом, прославленным своей красотой и богатством. Естественно, что слух о его взятии и разорении быстро достиг ближних и дальних стран. И. А. Джавахишвили приводит свидетельство зарубежного хрониста о том, как радовались взятию Тбилиси мусульманские страны. Но мы уже говорили — это происходило оттого, что они еще не испытали на себе страшной жестокости Джелал-ад-Дина, продолжали считать его своим защитником и покровителем; подлинные же цели султана очень скоро откроются и им...

Джелал-ад-Дин не изменил правилу всех захватчиков: надежно укрепившись в Тбилиси, он начал с такою же беспощадностью и жестокостью разорять другие области Грузии. «Разорив Тбилиси, начали совершать набеги, истреблять и уничтожать Сомхити и Камбечовани, берега Иори, Картли и Триалети, Джавахети и Артаани, Самцхе и Тао, Корнифору и прилегающие к Ани области».

Как вы догадываетесь, это слова грузинского летописца, и о том же самом говорит и ан-Насави: захватив Тбилиси, султан принялся разорять всю Грузию, карательные отряды достигали самых дальних границ страны.

* * *

Захватчики схожи друг с другом не только своей жестокостью и алчностью, у них и судьба общая — и

каждый из них, рано или поздно, эту судьбу разделяет. Джелал-ад-Дин сравнительно рано познал горечь этой общей участи... Однако об этом мы поговорим ниже. Теперь же мы должны сказать о том, что подобно другим захватчикам, у него тоже не было прочного положения. Несмотря на то, что он покорил столько стран и считался самым могущественным правителем мусульманского мира, всем внушал страх, крушил на своем пути все и сеял смерть, его могущество было лишь видимым.

Прочного положения у Джелал-ад-Дина не было с самого начала, даже во время его быстрого возвышения. Когда же он так яростно разорял и разрушал Грузию, из Азии одно за другим поступали сведения об измене: отсутствием султана воспользовался Барак-Хаджиб и вступил в переговоры с монголами. Джелал-ад-Дину сообщали, что Барак подстрекает против него монголов. Султану об этом писал его же везир в Ираке. Джелал-ад-Дин несколько раз получал такие письма, но ему пока было не до того, ему надо было покончить с Грузией. Но получив известия о том, что Барак собрал войско и готовится к походу на Ирак, да еще узнав, что он послал к монголам гонца с вестью, что в Кирмане султан не оставил большого войска и взять его ничего не стоит, — султан понял, что медлить больше нельзя, предателя надо наказать. Он отобрал 6.000 лучших воинов, поставил во главе одной части войска брата своего Гийас-ад-Дина и отправил в путь. Однако примечательно, что даже родному брату султан не доверял, подумал — а вдруг тот перейдет на сторону Барака. И тогда он пообещал ему Кирман, когда он будет освобожден от Барака. Отправив вперед брата с тысячным войском, султан отправился следом за ним и сам с основным войском — с 5.000 воинов.

* * *

Только не думайте, что с его уходом Тбилиси или другие уголки Грузии хотя бы на время почувствовали облегчение. В Тбилиси султан оставил своего везира Шараф ал-Мулька, который жестокостью и бездушием не уступал Джелал-ад-Дину, а коварством, пожалуй, даже превосходил его. Здесь я должен привести со всей

точностью слова ан-Насави, чтобы вы могли ярче представить тогдашнее положение нашего народа.

«Шараф ал-Мульк в это время находился в Тбилиси, сделав его центром, откуда посылались беды на остатки грузин, и его отряды наносили удары налево и направо, увеличивая их горе».

По дороге в Кирман Джелал-ад-Дин завернул в Сурмари, где по его же повелению строили мост через Аракс. Сам ан-Насави в это время тоже находится в Сурмари (оставался он там по болезни), и вот теперь, как видно, поправился, и узнав о прибытии патрона, поспешил к нему. Султанское войско перешло по новому мосту на другой берег и расположилось на восточной окраине города. Об этом сообщает нам ан-Насави, секретарь султана, и там же приводит один интересный случай.

Джелал-ад-Дину сообщили о доставке в Сурмари трех пленных грузинских князей, пользовавшихся на родине большим почетом. Шараф ал-Мульк дал разрешение на их выкуп. Ан-Насави не называет пленников, но об их знатности и влиятельности красноречиво говорит его ссылка на двадцать тысяч динаров, как на сумму, которую потребовал везир султана и большую часть которой уже получил. Это была фантастическая цена, ибо по свидетельству того же ан-Насави, хорезмшах захватил такое количество пленников, что цена на них резко упала и за одного грузинского воина платили всего два динара... В таких обстоятельствах двадцать тысяч динаров за одного пленного говорят нам о многом; мы можем предположить, каким влиянием пользовались пленные вельможи в самой Грузии. Кто знает, может, они были членами царского совета-дарбази, может, известными военачальниками. Не исключено, что мы даже знаем их, но секретарь султана не называет их имен, и мы можем поэтому строить лишь общие предположения...

Шараф ал-Мульк уже получил, как было сказано, большую часть выкупа и, судя по всему, не собирался нарушать данного слова — он как раз должен был отпустить пленников на свободу, как им на беду прибыл в Сурмари Джелал-ад-Дин. Услышав, что речь идет об освобождении грузинских князей, султан страшно разгневался. И не только потому, что знал: каждый гру-

зинский князь — это тот же полководец, а в такое напряженное время опускать военачальников, какой бы выкуп за них ни давали, было равносильно изменению. Если бы причина заключалась только в этом, султан бы не впал в такой гнев... Он тотчас вызвал ан-Насави и заявил, чтобы никто не смел выпускать знатных пленников. «Он сказал: «Если бы я хотел продать своего врага, то я взял бы с грузин столько добра, что его не сожрал бы огонь и не погубило бы время».

Еще не было случая, чтобы алкавший денег и сокровищ султан отказался от выкупа за пленных — причем от такой сказочной суммы! Столь необычное поведение султана для его подданных оказалось неожиданностью. Они, напротив, рассчитывали обрадовать повелителя, заслужить похвалу. Мысленно они допускали и то, что султан, возможно, отнимет эти деньги у своего первого везира и оставит его с носом... Но этого не произошло, султан даже не прикоснулся к деньгам, — это особо подчеркивает его секретарь и историк. Вот это-то и было необычным и удивительным, это и поразило подданных султана...

Смотрите, как взбесило султана известие об освобождении грузинских князей! Если бы я желал их свободы, я бы такие богатства стяжал!.. — это ведь его слова... Видимо, очень богатыми казались ему грузины. Поглядите, как ненавидит он всю Грузию, какой гнев его переполняет. Он готов уничтожить весь народ. Он уже успел узнать, как живут грузины — и в городах, и в деревнях, познакомиться с их нравами и обычаями, он успел оценить стойкость и свободолюбие грузин, их жизнелюбие и врожденное чувство прекрасного, искренность и непосредственность их характера, был знаком с красотой их юношей и девушек, с ухоженными домами, любовно возвращенными садами и виноградниками, с благополучием, созданным неутомимым трудом. И вместо того, чтобы проникнуться к такому народу хотя бы уважением, он пылал ненавистью, злобой и завистью...

Действительно, непонятно — если он был достойным и отважным воином, как поддался таким низменным чувствам... Он прямо взбесился, когда услышал о пленных военачальниках. Вспомнил Шалву Ахалцихели, даже смерти его позавидовал — тот встретил ее со

спокойствием человека, выполнившего долг перед родиной. Предпочел смерть богатству и наслаждениям. Сам же Джелал-ад-Дин оставил свою родину в пору тяжких испытаний, убежал от врага, разорявшего его страну и народ, ища утешения в завоевании чужих земель... Воспоминания об Ахалцихели вызвали в султана еще большую ярость. В глазах у него потемнело, он стал кричать... Ан-Насави больше ничего не говорит о дальнейшей судьбе попавших в плен князей; видимо, он не считал нужным писать о том, что и без того было ясно — грузинам-пленникам скорее всего отрубили головы. Сначала предложили отречься от веры, а получив отказ, убили. Разве не так же поступили с Шалвой Ахалцихели?.. Так теряло грузинское войско лучших своих предводителей, и сейчас, в годину страшных испытаний, эти потери были особенно чувствительны и достойны глубокой скорби.

* * *

Прежде чем осуществить свое заветное желание — покорить крупный Хилатский султанат, султану необходимо было полностью завладеть Грузией. Большие города на юге — Ани и Карс, находящиеся в руках грузин, пока еще не взяты и, хотя активного сопротивления хорезмшаху не оказывают, являются потенциально довольно грозной силой.

И вот когда султан наконец решил, что остальная часть Грузии уже покорена им основательно, обескровлена и разорена, он двинул свои войска к Ани. (Согласно некоторым иностранным источникам, в Ани в это время находился атабаг Иванэ). Карс расположен не очень далеко от Ани, и султан надеялся одним выстрелом убить двух зайцев. Это объясняется не только его жадностью и торопливостью: одновременное нападение на два крупных города, расположенных по соседству, должно было морально сломить их защитников; при этом исключалась возможность их взаимопомощи, что делало победу над ними более легкой.

Наверное, так рассуждал султан, когда разделил свое многочисленное войско пополам — часть оставил при себе для взятия Ани, часть отправил к Карсу.

Однако эта военная операция оказалась не такой простой, как это казалось султану вначале. Горький

спыт Тбилиси многому научил защитников этих городов, они успели укрепить подступы к крепостным стенам — и как ни старались султан и его военачальники, даже стенобитные машины подогнали, все тщетно, города не сдавались.

Здесь же следует отметить, что и султан, и его войско уже не располагали той первоначальной силой, а может быть, и тем боевым духом, с которыми они подступали к границам Азербайджана и Грузии...

Да и откуда было взяться силам? Взгляните на карту — сколько передвигаться приходится войскам, какие делать концы, причем с какой скоростью! Когда из Кирмана пришла весть об измене, султан с пятидесятым войском одолел огромное расстояние всего за 17 дней. Посмотрите, как пишет об этом ан-Насави: султан, отправившийся в Кирман для того, чтобы покарать предателя Барака, «мчался быстрее порывов ветра, не отделяя ночь ото дня, не наслаждаясь ни вкусом еды, ни покоем сна».

Устали, утомились... Впрочем, это не пригасило жестокость, напротив — еще злее стали захватчики.

Почти месяц безрезультатно простоял у стен Ани Джелал-ад-Дин. потом внезапно собрался и с частью воинов поворотил на Тбилиси, вновь (в который раз!) разоряя уже разоренные области. Казалось, он стремился создать впечатление, что, разъяренный неприступностью Ани и Карса, вымещает злобу на других уголках Грузии.

Частично, возможно, так оно и было, но в основном дело заключалось в следующем: мы уже говорили, что после захвата Тбилиси и опустошения других грузинских земель главной целью Джелал-ад-Дина было взятие Хилата. И как сообщает Ибн ал-Асир, султан на сей раз прибегнул к небольшой военной хитрости — чтобы обмануть правителя Хилата, он направился к Тбилиси, словно отказавшись от идеи взятия Хилата. На самом же деле он пополнил войско (как мы увидим ниже, он даже тем самым, пожалуй, ослабил тбилисский гарнизон) и вскоре двинулся к Хилату.

По свидетельству ан-Насави, султан пытался захватить Хилат еще раньше, до того, как ему пришлось отправиться в Кирман, чтобы покарать Барака, но тогда операция не удалась, и он вернулся ни с чем.

Теперь он хорошенько подготовился и к тому же был уверен, что для хилатцев на сей раз его появление будет полной неожиданностью; и он не сомневался в том, что наконец-то с легкостью завладеет этой крупной и желанной добычей.

Султанское войско двигалось быстро и остановилось лишь у Манаскерте. Хорезмийцы осадили этот древний знакомый нам город в надежде, что легко захватят его и используют как плацдарм для нападения на расположенный неподалеку Хилат.

Однако для правителя Хилата вовсе не оказался неожиданностью «внезапный бросок» Джелал-ад-Дина. С помощью лазутчиков он обо всем был прекрасно осведомлен и встретил врага во всеоружии. Он остановил войско противника на дальних подступах к городу и нанес им чувствительный урон.

Тем не менее желание Джелал-ад-Дина захватить этот богатый и в стратегическом отношении очень важный город было столь сильным, что он не соизмерил своих возможностей, не понял, что его замысел неосуществим на данчом этапе, что со своим утомленным и уже потерявшим веру в победу войском он не сможет завладеть хорошо укрепленным городом. Он еще некоторое время переждал (тем самым дал противнику возможность собраться с силами и еще лучше подготовиться к отражению нового удара, хорезмийское же войско, и без того утомленное дальним переходом, устало и озлобилось еще больше) и вновь пошел на приступ.

И вот тут он потерпел сокрушительное поражение, хотя и хилатцам нанес немалый урон — хорезмийцы практически проникли в город, достигли даже знаменитого базара Сук-ад-Дакика... Но оттуда им пришлось повернуть назад. Жители Хилата самоотверженно сражались.

Султан же выдал себя окончательно — никто уже не верил его высокопарным заявлениям о том, что он призван защищать веру, за нее и сражается. Все — и мусульмане, и христиане — поняли, что Джелал-ад-Дин был обычным захватчиком, беспощадным и кровожадным, охочим до чужих земель и богатств. Для утоления алчности и корыстолюбия он никого и ничего не щадил, ничем не брезговал; куда бы ни пришел, везде сеял смерть, проливал реки крови, крушил на

своем пути все, что создавали целые поколения на протяжении многих веков; он не жалел никого — не считал ребял женщин, стариков и детей, слабых и сильных.

Этим и объясняется самоотверженная борьба жителей Хилата.

Однако Джелал-ад-Дин не сдавался, упрямо не отступал, готовился к новой атаке.

А время шло. Когда Джелал-ад-Дин начинал Хилатскую кампанию в расчете на молниеносную победу, стояла глубокая осень, теперь же наступила зима (почти полтора месяца осаждали хорезмийцы город), выпал снег, ударили морозы... Туго пришлось захватчикам, прибывшим издалека.

Возможно, в глубине души Джелал-ад-Дин даже обрадовался, когда получил от своего везира Шараф ал-Мулька неприятные известия — это давало ему повод быстро снять осаду и ретироваться, будучи оправданным и в глазах хилатцев и перед собственным войском.

А везир сообщал вот о чем.

Нетрудно представить, что в Грузии внимательно следили за передвижением и битвами Джелал-ад-Дина. Быстро разнесся и слух о поражении хорезмийцев под Хилатом. Нетрудно представить также, что для покоренного и разоренного народа эти слухи были источником радости и надежды.

Весть о поражении Джелал-ад-Дина, очевидно, до Тбилиси дошла в сильно преувеличенном виде. Главные силы хорезмийцев были далеко, и в таких условиях грузинам нетрудно было перебить стоявший в Тбилиси гарнизон; это не вызывало у них ни сомнений, ни колебаний. Поскольку султан с разбитым войском стоял под Хилатом и не мог оказать никакой помощи тбилисскому гарнизону, грузины считали, что победа им гарантирована, если они сейчас же, в отсутствие Джелал-ад-Дина поднимают восстание.

К этому прибавилось еще одно важное обстоятельство, хотя и окутанное тайной, либо просто туманное, о котором мы узнаем из иностранных источников. Муж царницы, сын Эрзерумского владетеля, Мугис ад-Дин, который совсем недавно изменил грузинам и перешел на сторону султана, сейчас будто бы сообщил грузинам, что тбилисский гарнизон малочислен и ослаблен и ес-

ли войско подоспеет вовремя, Мугис ад-Дин со своей стороны его поддержит.

Эти сведения доносят до нас, как мы говорили, зарубежные авторы, и в них ничего невероятного нет. Так, собственно, и должно было быть. Удивительно другое — зачем стал на такой скользкий путь Мугис ад-Дин! Допустим, в первом случае он искупил свой грех — вернулся от христианства к вере предков. Это понятно. Тем более, если мы примем во внимание, что на этот покаянный поступок его толкнуло раздражение против венценосной супруги.

Но что же произошло теперь? Прошло едва ли два месяца после возвращения в лоно мусульманства, и опять новое раскаяние?!

Опять чистосердечное?!

Трудно в это поверить.

Тогда чем же объяснить столь внезапную метаморфозу?

Исследователи считают, что Мугис ад-Дин, так же как и прочие тбилисские мусульмане, окончательно убедился в жестокости и алчности Джелал-ад-Дина. Все поняли, что слова о защите ислама были ложью и лишь прикрывали его захватнические намерения.

Как уже было сказано, мусульманское население Тбилиси и соседних султанатов, в самом деле, убедилось в этом — именно этим объясняется самоотверженная борьба хилатцев и сокрушительное поражение султанского войска. Но насколько искренним было раскаяние Мугис ад-Дина, категорически ответить на этот вопрос, наверное, будет нелегко. Предательство — тяжкий грех и необоснованно предъявлять человеку столь серьезное обвинение столько веков спустя, предосудительно и нехорошо, как бы самим при этом не совершить невольного греха и не обвинить невинового!.. Поэтому следует воздержаться от категорических заявлений. Тогда невольно возникает совсем иное предположение, и об этом нельзя умолчать. Мугис ад-Дин перед этим совершил недостойный поступок — в момент тяжкого испытания предал свою супругу, детей, весь народ, свою новую веру... Вера ведь не одежда, чтобы менять ее в зависимости от перемены погоды... То он искренне раскаивается в отступничестве от веры предков, то вновь его охватывает преданность новой вере!.. Ан-На-

сави очень просто объясняет тяжелое душевное состояние молодого правителя. «В этот момент (т. е. в период борьбы Джелал-ад-Дина за Хилат) над юношей (т. е. над Мугис ад-Дином) возобладал сатана, он вернулся к прежнему безбожию — и бежал к грузинам».

Может, так оно и есть? и во всем повинен сатана?.. Или Мугис ад-Дин поддался обыкновенной человеческой слабости — сначала испугался султана, когда он с огромным войском подступил к воротам Тбилиси, а теперь, когда могущество султана оказалось под сомнением (а слухи из Хилата говорили именно об этом) — юноша испугался мести грузинской родни и решил поддержать их и тем самым искупить свою вину... Тому, кто однажды уже ступил на скользкий путь измены, нетрудно изменить еще раз... Если мы согласимся с этой версией, то поведение Мугис ад-Дина получит объяснение и станет нам вполне понятным.

Так было или иначе, факт остается фактом: грузины поспешно собрали войско. И. А. Джавахишвили приводит слова Ибн ал-Асира: «Грузины вывели часть войск, стоявших в Ани, Карсе и других крепостях, и прислали их на помощь». Это очень важное сообщение, оно говорит о том, что поход грузин на Тбилиси не был стихийным, он готовился по заранее обдуманному плану и имел своих руководителей.

Тем более странно в таком случае, что все произошло как бы случайно, без учета многих обстоятельств... Снова проявилась халатность военного командования... хотя трудно сказать, кто руководил этим походом... Мы уже знаем, что в предыдущих битвах грузины потеряли много опытных военачальников... К сожалению, источники не называют имени предводителя битвы за Тбилиси.

Вначале все шло как будто гладко: хорезмийский гарнизон не выдержал натиска и отступил, покинув город.

Да, мы забыли сказать, что гарнизоном в это время руководил не Шараф ал-Мульк — как раз перед этим султан отправил его в Гянджу и он должен был оставаться там в течение зимы — а Кир-Малик, именно трусостью Кир-Малика ан-Насави объясняет поражение тбилисского гарнизона: „Кир-Малик и эмиры, бывшие с ним, покинули город из-за трусости, ко-

торой Кир-Малик и ранее славился, и из-за хорошо известной его нерадивости в делах», с жесткой иронией рассерженного человека замечает секретарь султана.

Я полагаю, что ан-Насави здесь немного преувеличивает — боевая закалка и отвага грузинских воинов были повсеместно известны, и совсем неудивительно, что они разгромили хорезмийский гарнизон.

А когда мы говорим о неподготовленности грузин к битве, то имеем в виду то обстоятельство, что им вскоре пришлось оставить Тбилиси. Недаром говорится: семь раз отмерь, один отрежь. Как мы уже отмечали, видимо, не все с самого же начала было продумано и предусмотрено; судя по развитию событий, взятие Тбилиси походило скорее на стихийный натиск (хотя, как мы уже упоминали, в действительности было не так), не чувствовалось руки и глаза опытного военачальника...

Однако рассмотрим события в их последовательности.

Подготовка взятия Тбилиси получила сначала же такую огласку, что о ней узнал даже Шараф ал-Мульк, находившийся в Гяндже (одно это уже говорит о несерьезном отношении к предстоящей битве!). Везир поспешил уведомить Джелал-ад-Дина. Но первоначально султан либо не поверил, либо не посчитал угрозу достаточно серьезной и не обратил на нее должного внимания. Во всяком случае, двинуться сразу он не мог, как мы знаем, он готовился к новой атаке на Хилат и отказываться от его захвата не собирался. Но когда за первым письмом везира последовали и второе, и третье, и положение, судя по этим письмам, становилось все более серьезным, султан не на шутку встревожился.

К этому добавилась и непогода — как будто нарочно именно теперь пошел снег и наступили холода. Султан никак не думал, что осада Хилата затянется до зимы, и войско даже психологически было к зиме не готово. Недовольство и без того разочарованных воинов росло, и новое послание Шараф ал-Мулька послужило последним толчком для того, чтобы собрать войско и двинуться на Тбилиси. Мы заметили выше, что в душе Джелал-ад-Дин, возможно, даже обрадовался столь серьезной причине и снял с Хилата неудачную

осаду: Даже перед самим собой у него теперь было оправдание (в таких обстоятельствах человек легко обманывает себя) — подвернулся удобный повод не считать поражением плохо подготовленную и неудавшуюся осаду Хилата.

Султан шел с твердым намерением во что бы то ни стало вернуть столицу Грузии, строго покарать грузин. Уступать Тбилиси было никак нельзя — тогда пришлось бы покинуть Кавказ и уйти вообще.

Но куда уйти? Смелый и бесстрашный Джелал-ад-Дин был не на шутку напуган монголами. А к этому времени положение и вовсе осложнилось — монголы двинулись с востока с новыми силами. Поэтому Тбилиси было никак нельзя терять — предстояла ожесточенная борьба за этот город.

Но султану, как видно, не пришлось выдержать большой борьбы. А если верить некоторым иностранным источникам, то битвы не было вообще — как пишут Ибн ал-Асир и ан-Насави, грузины, узнав о том, что Джелал-ад-Дин из Хилата направляется в Тбилиси, сожгли город и ушли, не дожидаясь встречи с врагом.

А жаль — подходящее было время для того, чтобы сокрушить и изгнать хорезмийцев. Джелал-ад-Дин располагал далеко не той силой, что вначале. Его войско, словно бы искусственно слепленное из разных частей, было утомлено и морально сломлено в результате нескольких безуспешных походов на юг. Между военачальниками разгорались зависть и соперничество... Положение хорезмшаха и в политическом смысле было непрочным — как мы уже говорили, его успели хорошо узнать все вокруг, всем были очевидны его грубые и низменные устремления. Теперь и в мусульманском мире, среди соседних султанатов он не имел никакой поддержки и опоры, Джелал-ад-Дина уже ненавидели все.

И такой благоприятной ситуацией грузины — если бы они имели правильное руководство — могли воспользоваться. Тем более, что главного они достигли — Тбилиси принадлежал им. Основная часть контрудара была выиграна, теперь оставалось удержать за собой этот хорошо укрепленный город.

Но этого не случилось, отважному, самоотверженно боровшемуся за свою отчизну народу не доставало

ведущей, направляющей силы. Страна не имела уверенного ни политического, ни военного руководства.

Дело снова обернулось в пользу Джелал-ад-Дина. И нужно ли говорить о том, каким огнем и мечом прошлось по Грузии жаждавшее крови войско и его остревенелый предводитель.

Сокрушительной волной пронеслись хорезмийцы по городам и селам, уже неоднократно ими же разореным.

Летописцы, видимо, не считают нужным специально перечислять бедствия, обрушившиеся на Тбилиси и всю Грузию после вторичного захвата города султаном. Это само собой подразумевалось.

Тбилиси был сожжен в феврале-марте 1227 года, и тогда же там снова водворились хорезмийцы.

С той поры прошло немного времени, и султан был вынужден направиться в Ирак, чтобы сразиться там с монголами. «...Покинул он Тбилиси... направился сразиться с татарами», сообщает Жамтагмцерели, подтверждая тем самым соответствующие свидетельства иностранных источников.

И на сей раз султан терпит поражение за поражением. В борьбе с монголами фортуна явно не на его стороне.

Увидев, что положение безвыходное, Джелал-ад-Дин обратился за помощью к соседним султанатам: «Послал гонцов к Хилатскому султану и халифу, владельцу Багдада, чтобы помогли они ему и себе. И султану Ирака сообщил: «Коли сам не желаешь сражаться с татарами, пришли войско, и я буду сражаться, поскольку ведом мне их строй». Согласно другому варианту этого сочинения, «написал он иракскому султану: «Ежели сам не сможешь выступить, хотя бы пришли на подмогу войско и тогда я смогу сразиться с татарами, ибо я хорошо знаю их строй и правила их сражений; если же вы не послушаете меня, один я противостоять им не смогу и отступлю, а вы также не способны оказать им противодействие».

Опоздал хорезмшах со своим рвением. Если он в самом деле собирался выступить против монголов с объединенными силами, ему следовало сначала же об этом позаботиться, прежде чем он успел к себе внушить ненависть. Теперь никто ему не доверял, все его боялись

и ненавидели... И неудивительно, что на этот его призыв все ответили отказом: „Когда прибыл гонец султана, они не пожелали сражаться с татарами» (или в другом варианте: «Как только прибыл султанский гонец, они отправили его ни с чем, не вняли ему»).

В сложном положении оказался хорезмшах. Ведь он не справился с монголами с самого начала — когда был сильнее и в перспективе еще мог надеяться на помощь других мусульманских стран. Так чего можно было ожидать теперь, когда он попусту растратил столько сил и энергии, ослабел и к тому же потерял всякую надежду на помощь и поддержку.

Как сообщает нам Жамтаагмцереги, и на сей раз Джелал-ад-Дин нашел очень простой выход из положения (ведь опыт такого рода у него уже был!). Понимая, что с монголами ему не справиться, он решил, как и прежде, избежать столкновения с ними и сорвать зло на других: «Поскольку войска его и Адарбадагана не могли противостоять (монголам), он покинул Адарбадаган и вновь двинулся на Тбилиси».

Царевич Вахушти более развернуто пишет об этом факте: «Султан отправил послов к багдадскому халифу и к султану Саладину, чтобы они оказали ему помощь против татар, однако они не пожелали. Услышав это, потерявший надежду на их помощь Джелал-ад-Дин, видя приближение татар, направился снова в Тбилиси».

О последующих событиях грузинские летописи прямых данных не сохранили, но если принять во внимание случившееся далее и дополнить картину сведениями, почерпнутыми из некоторых иностранных источников, то можно предположить, что как раз в это время грузинский царский двор ведет переговоры с соседними султанатами относительно создания коалиции против Джелал-ад-Дина.

Мы уже неоднократно упоминали о том, что с некоторых пор грузинам было нетрудно склонить на свою сторону соседних мусульманских правителей, т. к. они наконец убедились в том, что хорезмшах явился с враждебными намерениями, хотел их завоевать и поработить, что он и для них являлся таким же лютым врагом, как для Грузии и Армении... Одним словом, хотя в грузинских источниках прямых указаний на этот счет не имеется, мы можем со всей уверенностью утверж-

дать, что была создана военная коалиция против Джелал-ад-Дина... Это подтверждают, к примеру, слова Джувейни: «Поскольку султаны Рума, Шама, Армении и других тех стран боялись его (Джелал-ад-Дина) жестокости и мщениия... они пришли к согласию и объединились для его изгнания»...

Однако времени для основательной подготовки было явно недостаточно: потерпевший поражение в борьбе с монголами, «лишившийся надежды» Джелал-ад-Дин быстро повернул свои войска и „снова направился к Тбилиси».

Этот маневр не укрылся от внимания грузинского царского двора, и царица тотчас «созвала свои рати — имеров и амеров, мандатуртухуцеса Шанше, амир-спасалара Авага, мсахуртухуцеса Варама, эров и кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Дадиани, мужа знатного и добродетельного, абхазов, джикийцев...»

Как видите, царица призвала войска из всех уголков Грузии. Но и этим она не ограничилась: открыла также «ворота Дарьяльские» и оттуда привела кипчаков, осетин, дзурдзуков и «с ними всех горцев». Грузинский летописец не называет общего числа воинов, но мы и сами видим, что войско было велико — «собрали несчетное множество», — пишет он. По одному перечню уже видно, что так оно и было.

Войско собралось в Начармагеви. Отсюда «отправила царица (войско) на борьбу с хорезмийцами».

Как видим, царский двор достаточно серьезно подготовился к встрече с врагом.

И тем более странным кажется одно обстоятельство, на которое указывает нам летописец.

Русудан послала это огромное войско без царского знамени — „только самого царского знамени не послала она из-за атабага Иванэ» (или согласно другому варианту того же сочинения: «только царское знамя не отправили из-за дела, совершенного Иванэ атабагом»).

Странное, прямо скажем, решение!.. Из-за того, что в предыдущих битвах войско потерпело поражение (пусть даже из-за беспечности или бессилия предводителя войск), царица посылает воинов на решающий бой без знамени!..

Кого она этим наказывает?

Или как еще можно объяснить этот ее поступок?

Не отправив знамя, она тем самым лишила воинов твердости и отваги, поколебала в них веру в победу. Выразила свое недоверие, унизила...

Обратите внимание, как подчеркивает это обстоятельство летописец. Какое оправдание можно найти этому странному решению царицы?!

Короче говоря, грузинское войско двинулось. Джелал-ад-Дин в это время стоит лагерем в Мугане, готовится к серьезной битве... Узнав о приближении грузин, он немедленно пошел им навстречу с явным намерением опередить противника.

И опередил. Грузинское войско было еще далеко не в полном составе. Не только войны соседних мусульманских султанатов, но, как видно, и основные силы грузин еще не успели собраться. По свидетельству ан-Насави, в этой битве участвовало 40.000 грузинских воинов, это сообщение явно противоречит данным Жамтаагмцерели, который представляет нам грузинское войско значительно более многочисленным («несчетное множество», — пишет он, хотя конкретной цифры не называет, но одно лишь перечисление мест, откуда собраны войска, говорит нам об их многочисленности); получается, что либо ошибается ан-Насави, либо преувеличивает Жамтаагмцерели.

Однако на поверку эти сведения совсем не противоречат друг другу. Грузины действительно собрали огромное войско и тщательно подготовились к решающей схватке. Но та часть, на которую напал Джелал-ад-Дин и которую он разбил, действительно насчитывала 40.000 человек; И. А. Джавахишвили прямо пишет об этом: «Хорезмшах со всем своим войском напал на Грузию и завязал у Болниси большое сражение в такой момент, когда вспомогательные войска союзников еще не подошли и не успели оказать поддержки. Опередив (грузин), Джелал-ад-Дин одержал победу».

Мы еще раньше познакомились с сообщением Джувейни о военном союзе грузин с соседними султанами.

О Болнисском сражении Джувейни рассказывает более подробно. Он сообщает об одном примечательном факте, определившем исход сражения.

Перед боем Джелал-ад-Дин поднялся на высокий холм и стал разглядывать противника, стоявшего неподалеку лагерем. (Грузины, как мы помним, ждали союзных войск). Коварному и опытному полководцу тотчас бросились в глаза «знамена и стяги кипчаков...» Мы же помним, что грузины были без знамени, естественно, от этого еще больше внимания привлекали кипчакские стяги; может, нарочно развернутые, они вызывающе развевались.

Заметив кипчаков в грузинском войске, Джелал-ад-Дин тайно подослал к ним человека с хлебом-солью. Не забыли ли вы добра, — спрашивал султан, — которое я сделал вам при жизни батюшки моего Мухаммада? Неужто вы окажетесь теперь столь неблагодарными, что поддержите грузин и обнажите ваши мечи против меня?!

Султан не преувеличивал — он действительно однажды оказал им услугу и сейчас напоминал о ней. Но будучи сам человеком расчетливым и своекорыстным, он, разумеется, не полагался на память кипчаков, а постарался освежить ее деньгами и богатыми дарами.

Кипчаки, составлявшие половину передовой части грузинского войска (Джувеини пишет, что с грузинами пришло двадцать тысяч отборных кипчакских воинов), то ли отстранились, то ли повернули назад, и султан, по словам Джувеини, страшившийся «многочисленности врага и коварства судьбы», поспешил напасть на ополовиненное грузинское войско.

Источники не сохранили подробного описания битвы. А впрочем, зачем оно нам — все и без того ясно, нетрудно представить, в каком положении оказался оглушенный неожиданной изменой передовой отряд, находившийся в ожидании вспомогательных сил; возможно, те прославленные военачальники, которых перечисляет грузинский летописец, еще и не прибыли... Многочисленному султанскому войску не составило большого труда одержать верх над оказавшимся в столь тяжком положении передовым отрядом.

Султан, естественно, не стал возвращаться назад, он снова двинулся к сердцу Грузии со своим огромным войском. Прислушайтесь, какой горькой иронией проникнуты слова Жамтагмцереги: «Султан снова под-

ступил к Тбилиси, и если где-нибудь находил кого-нибудь, кого можно разорить, то разорял...»

Если где-нибудь кого-нибудь находил!

Эти слова помогают представить, в каком состоянии находилась вот уже в который раз разоряемая страна! Да разве только Тбилиси! Всюду, куда могли дотянуться руки захватчиков, царили разбой и грабеж.

И лишь как следует отведя душу разорением столицы и других грузинских земель, султан снова направился к Хилату. На сей раз с более многочисленным войском и более уверенный в себе.

Однако хилатцы встретили врага еще более стойко. Предполагая, что хорезмшах не оставит их в покое, они серьезно готовились к новому натиску. Джувейни отмечает, что они восстановили разрушенную в предыдущей битве крепостную ограду.

Тем не менее султана не смутило упорное сопротивление хилатцев. Он надеялся на свое многочисленное войско. Теперь у него было больше и стенобитных и огнеметательных орудий, ими был окружен город, и султан был уверен, что скоро сломит сопротивление защитников Хилата.

Но этого не случилось. Проходили дни... месяцы. Город не сдавался, несмотря на все старания хорезмийцев.

Легко сказать, проходили месяцы... Терпение истощалось и у тех, кто осаждал город... «Хилат стал тягостью для того, кто его брал, и несчастьем для того, кто им владел», — пишет ан-Насави... Воины устали. Свирепствовал голод. Люди стали есть собак и кошек. Но где было взять столько собак и кошек? Откуда было взяться терпению!

Обычно говорят, что время мчится с безжалостной быстротой. Но для них оно, напротив, тащилось с мучительной медлительностью. Чередование времен года, обычно приносящее радость, превратилось в муку...

Миновало почти полтора года!

И снова мы удивляемся... И не столько защитникам города, сколько незванным пришельцам — ведь из какой дали они явились, какой долгий путь проделали, через сколько гор перевалили, сколько непроходимых ущелий прошли. Если уж они обладали такой силой и

несгибаемостью, то встретили бы так стойко своих врагов и захватчиков!

Но нет. Это другая стойкость. Когда свою страну защищаешь с такой стойкостью — это героизм. Стойкость же захватчика называется по-другому.

Джелал-ад-Дин спешил. Казалось бы, по отношению к такому смельчаку слово «страх» неуместно, но действительно в сердце его прокрался страх. Отсюда монголы были очень далеко, но тайный страх лишал властителя покоя. Он словно чувствовал приближение конца, видел преследовавший его призрак смерти... Страх заставлял его метаться из стороны в сторону...

Сердцем он как будто чуял, что должен пасть жертвой монголов, что они несли ему смерть... И все внимание его было обращено к ним.

Вот и теперь прибыло письмо от сестры — Хан-Султан, попавшей несколько лет назад вместе с Теркен-хатун в плен к Чингисхану. Тогда же сын Чингисхана Джучи взял ее себе то ли в жены, то ли в наложницы... Хан-Султан тайно сообщала брату о местных новостях: слух о твоём могуществе, — писала она, — разнесся по свету, здесь все знают, как могущественно твое войско, сколько стран ты покорил... Сейчас монголы решили договориться с тобой — все земли по ту сторону Джейхуна будут принадлежать тебе, по эту сторону — им. Если ты действительно обладаешь силой, достаточной, чтобы с ними помериться, выступай немедленно, если же нет — воспользуйся этим случаем, и пока тут есть сторонники этого, заключай с ними соглашение, договаривайся о мире...

Совет сестры был и своевременным и разумным — в конце концов когда-то должны были кончиться неслыханное кровопролитие и разрушения, должны были получить передышку измученные страна и народ... Однако султан повел себя так, словно не обратил на письмо никакого внимания, словно его голова целиком была занята только осадой Хилата. Именно так пишет ан-Насави: «Султан сделал вид, что занят осадой Хилата, и не обратил на это внимания».

Близкий и преданный человек — личный секретарь султана ставит в вину правителю бездействие, порицает за то, что он покинул без присмотра свои родовые владения. Нетрудно себе представить, какие настроения ца-

рили среди подданных, терпевших постоянные притеснения и набеги монголов, не менее жестокие и безжалостные, чем те, которым подвергались другие народы от их султана. И вот сестра призывает Джелал-ад-Дина к решительным действиям, он же уклоняется от прямого ответа.

Чем это можно объяснить: он с нетерпением ждет вестей из Монголии, получает их. Следует ждать от него немедленного и прямого ответа, он же от такого ответа уклоняется. Он даже думать об этом не хочет... Отгоняет от себя самую мысль... Потому что боится... Страх закрался в его душу и пустил там глубокие корни. И нас не должна вводить в заблуждение та удивительная отвага, которую султан только что проявил при взятии Хилата, а чуть раньше — в нападениях на Грузию. Это не отвага. Это жестокость. Жестокость человека, чью душу гложет страх.

Этим можно объяснить те странности, которые стали замечать за Джелал-ад-Дином в последнее время... Он чаще стал пить, стремясь забыться...

Во время осады Хилата у султана умер трехлетний сын, находившийся при нем. Не приходится удивляться смерти ребенка в полевых условиях, при затянувшейся осаде... Но и это показалось султану знаком божьего гнева, небесной карой. Видимо, именно это несчастье вдруг напомнило ему об отце, скончавшемся десять лет назад хорезмшахе Мухаммаде... Он вообразил, что в свое время оказал покойнику недостаточно почестей и теперь небеса карают его за это!

Это, разумеется, наши предположения, однако они оказываются достаточно убедительными и обоснованными, когда мы рассматриваем, сопоставляем и сравниваем друг с другом события, описанные в разных источниках вне всякой взаимной связи.

Одним словом, чтобы снять с себя тяжесть греха, султан решает срочно построить в Исфахане величественное медресе и перенести останки отца с каспийского острова... Он послал человека с тридцатью тысячами динаров, повелев немедленно приступить к строительству. Иракскому везиру было приказано выдать деньги, необходимые для окончания строительства, при этом всю утварь изготовить из золота: и подсвечники, и тазы, и кувшины. Такое величественное медресе построить в

кратчайшие сроки было невозможно, для его возведения нужно было время. Султан же, как мы видели, спешил, торопился освободить душу от тяжких грехов. Он решил немедленно перенести останки отца и вперёд до окончания строительства медресе в Исфахане упокоить их в крепости Ардах.

Ан-Насави не одобряет этого внезапного решения своего патрона; в самом деле, оно было сомнительным и достойным порицания. Дело в том, что монголы враждовали не только с живыми правителями, ненавидели они и мертвых и тщательно разыскивали места их захоронений — находя же, разрушали гробницы и сжигали останки. Тем более вряд ли бы они пощадили прах хорезмшаха Мухаммада, которого так ненавидели и преследовали при жизни. И прах его уцелел до сих пор лишь благодаря удаленности и неприступности острова. В таких обстоятельствах спешка была более чем неуместной, поэтому и не одобрял решения султана ан-Насави.

Так к чему же стремился султан? Если он так тревожился о покойнике, то где был до сих пор? А если уже десять лет ждал, почему не подождал еще немного? Разрешил бы вопрос с Хилатом — в ту или другую сторону — и тогда позаботился о прахе отца. Ан-Насави руководствовался здравым смыслом — кстати, предчувствие его не обмануло, в Ардахне монголы захоронение обнаружили и сожгли...

Однако, как мы уже говорили, султан был обуреваем нетерпением...

Как и следовало ожидать, измученный голодом и долгой осадой Хилат в конце концов сдался. Согласно источникам, это произошло в апреле 1230 г. Если верить ан-Насави, вначале султан не хотел грабить и разорять город и разрешил это своим воинам лишь под давлением эмиров и ханов.

Если мы вспомним, что ан-Насави был преданным слугой султана, то нам будет легче отклонить эту неправдоподобную версию. В течение трех дней хорезмийцы нещадно грабили и разоряли измученный город. Даже ан-Насави не находит оправдания этой страшной жестокости и свое отношение к происходящему выражает очень точно: «...и это было то же, что

335940
3025010033

бередить рану и сыпать на нее соль»... По приказу султана убивали всех, кто попадался под руку. Ан-Насаби пытается этот факт отрицать — дескать, ложь, не отдавал такого приказа султан. Однако, если даже мы поверим секретарю Джелал-ад-Дина, это не послужит утешением истребленному населению Хилата!..

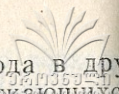
Здесь мы не можем не вспомнить с сожалением о горькой участи знатной грузинки, которую сначала отдали в жены правителю Хилата в качестве выкупа за попавшего в плен отца, а теперь, после взятия Хилата, Джелал-ад-Дин взял ее себе. Нетрудно представить себе душевное состояние женщины, которая пала жертвой сурового рока и беспечности отца. Читатель, должно быть, уже догадался, что речь идет о дочери Ивана Мхаргрдзели — Тамте.

Взятие Хилата было последней победой Джелал-ад-Дина, колесо судьбы отныне закрутилось в обратную сторону, пишет И. А. Джавахишвили. Естественно, султан не удовлетворился одним Хилатом — он разорил также близлежащие города, однако, как пишет исследователь З. М. Буниятов, ни взятие Хилата, ни последующие сражения не укрепили политического престижа Джелал-ад-Дина. Иконийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад заключил союз с ал-Малик ал-Ашрафом, они перетянули на свою сторону правителей соседних областей, и объединенное войско в августе того же 1230 г. нанесло хорезмшаху жестокое поражение.

* * *

Джелал-ад-Дин, узнавший заблаговременно о создании коалиции против него, хотел опередить их союз и перебить врагов поодиночке. Однако не успел, не смог. Помешала болезнь, как сообщают хронисты. Действительно, о его болезни нам уже известно. Примечательно, что во время решающей битвы султан проявил малодушие, недостойное такого смелого человека и опытного военачальника: в тяжелый момент покинув свое войско, он бежал к Хилату.

Монголы, видимо, следили за передвижениями хорезмшаха. Как сообщает Ибн ал-Асир, они тотчас узнали о проигранной битве и, не мешкая, двинули свои несметные войска. Султан в это время находился в

Азербайджане, он переезжал из одного города в другой, получая сведения о неуклонно приближающихся монголах. Он мечется, словно загнанный зверь, пытается собрать последние силы, чтобы остановить врага. Однако не может придумать ничего лучше, чем обратиться к правителям Иконии и Сирии за помощью — поддержите меня, просил он, иначе если монголы разобьют меня, потом и вам несдобровать... Однако это была призрачная надежда — кто стал бы доверять хорезмшаху, повсюду обретавшему врагов! О беспочвенности упований и бессилии султана пишет и ан-Насави; сообщая о том, как Джелал-ад-Дин обратился за помощью к Иконии и Сирии, он заключает, что это было подобно тому, как человек, спасаясь от невыносимого зноя, прыгает в огонь.

Так закончился 1230 год. Монголы с «невероятной быстротой» приближались к Азербайджану. Сведения иностранных хроник подтверждает Жамтаагмцереги: повелитель монголов, «когда узнал о полном бегстве султана Джалалдина, призвал четырех эрисмтаваров... Пришли эти четыре нойона — Чормаган, Чагатай, Иосур и Бичой — перешли через (реку) Джеон (Джейхун) и через Хорасан... Прибыли в страну Аламут... И пошли в страну Ирак и разорили его... Потом вступили в Адарбадаган, который есть Табриз... (Далее) прибыли в Ардабиль... Переправились через Аракс и прибыли в Гянджу...»

Столь лаконичным перечислением маршрута Жамтаагмцереги подчеркивает необычайно быстрый темп передвижения этого войска.

Как видим, хорезмшах не может оказать монголам серьезного сопротивления. Он встревожен, в смятении кидается то туда, то сюда, рассылает во все концы послов, что-то старается сделать... Но тщетно. Его верные подданные считают, что участь их повелителя уже решена.

Приближался конец Джелал-ад-Дина... Он не нашел лучшего выхода, чем «быстро собраться в путь с женами и детьми и устремиться в Грецию».

Это слова Жамтаагмцереги.

В Грецию! Можно подумать, что там его ждали, распахнув объятия!

Монголы изо всех сил старались захватить в плен

самого султана — это облегчало им дальнейшую задачу. И они гнали его, как зверя, поднятого из логова. Когда-то они с тем же упорством преследовали отца, теперь — сына.

Султана нагнали в Амиде. Он разбил свой шатер у моста близ города. «Его можно было сравнить с утопающим, который, не умея плавать, хватается за соломинку», — пишет ан-Насави. Султан, наверное, сам чувствовал обреченность своего положения, поэтому пил всю ночь, словно в вине можно было обрести спасение. «У него из-за опьянения закружилась голова и затруднилось дыхание».

В полночь к нему пришел один туркмен и сообщил, что на вчерашней стоянке султана он видел монгольские войска. Очевидно, разум султана был помрачен вином, он закричал: «Это выдумки моих врагов», — и продолжал пить.

Ночь была на исходе, когда монголы окружили лагерь. Бесчувственного султана слуги с трудом вынесли из шатра. Как пишет ан-Насави, «он был в белой рубашке, его усадили на коня и ускакали».

Султан все еще ничего не понимает, в полудреме его посещают блаженные видения — он видит прекрасную царицу Фарса, дочь атабека Са'да и приказывает эмирам, его сопровождавшим, узнать, где она, и отправиться, чтобы служить ей.

Сладкое видение было прервано стуком копыт монгольских коней. Султан как будто пришел в себя и велел Ур-хану отделиться от него со своими войсками, чтобы монголы последовали за ними, а султан смог уйти от погони.

Это было последнее распоряжение султана, и оно оказалось неразумным: когда Ур-хан отделился от него, к нему присоединилось большое число спасающихся бегством воинов и с ними вместе он благополучно достиг Исфахана.

Султан же с несколькими приближенными направился в Амид. Однако в город его не пустили — горожане закидали его камнями, и он вынужден был повернуть назад. Затем страх забросил его к пределам Джазиры. По дороге к султану присоединяется небольшой отряд всадников. Преследователи к тому времени сблизись с пути, и у беглецов появилась призрачная надежда.

да на спасение, однако повсюду местное население встречает их враждебно, и султану с малыми силами приходится то и дело участвовать в стычках. Султан добрался до одного селения и остановился на току (дело происходило в августе, когда только что закончилась молотьба). Наступил вечер, и усталые путники уснули, наслаждаясь прохладой...

На рассвете султан услышал конский топот, вскочил на коня и ускакал. Приближенные его, не успев проснуться, были перебиты монголами, часть же из них попала в плен, они и сообщили, что султан сбежал. В погоню отрядили пятнадцать всадников, двое из них догнали его, но он убил обоих, остальные, потеряв надежду схватить султана, возвратились назад.

Тем временем султан оказался возле одной горы. Не слыша шума погони, он решил, что спасен, надеясь переждать опасность в лесу, а потом перебраться в Грецию. Однако Джелал-ад-Дин был обречен, призрак Смерти мчался за ним по пятам. Когда он посчитал себя в безопасности, его схватили курды, промышлявшие разбоем, и ограбили. Когда они собирались его убить, Джелал-ад-Дин сказал главарю: «Не убивай меня, я — султан, и если ты доставишь меня в безопасное место, будешь щедро вознагражден.»

Поверить пленнику было нетрудно, хотя бы из-за богатства, отнятого при пленении: пояс, украшенный драгоценными камнями, седло и колчан для стрел стояли целого города — это слова грузинского летописца. Убедившись, что пленник действительно султан, главарь не стал убивать его, отвел к себе в шатер — оставил там в ожидании выкупа, сам же пошел в горы, чтобы привести лошадей.

До его возвращения к шатру подступил сосед, у которого в Хилате убили брата. Недаром говорится, что содеянное зло всегда достигнет того, кто его совершил. При виде пленного хорезмийца курда, потерявшего брата, охватила жажда мщения. Что здесь делает хорезмиец? — вскричал он. Жена главаря, которой было поручено охранять знатного пленника, при виде разъяренного соседа объявила ему, что этот пленник — султан. Вряд ли она могла представить себе, что ее предупреждение лишь ускорит гибель Джелал-ад-Дина.

Курд ударил его копьем и убил, прежде чем султан успел пошевелить рукой.

Так бесславно и бессмысленно закончилась жизнь правителя огромной страны, «высокого и прославленного государя», как пишет о нем Жамтагмцереги. Как мы уже видели, вся его деятельность имела большое влияние на дальнейшую судьбу Грузии. Поэтому мы так детально описали его жизнь. Мы столько говорили о нём, что, возможно, читателя заинтересует и его внешность. Приведем здесь описание, которым практически завершается удивительная книга ан-Насави: «Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то чтобы сказать о ней, достаточно упомянутых мною его битв. Это был лев среди львов, и был самым отважным среди смельчаков-всадников. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался, и не был многословен. Он любил справедливость. Однако время смуты, с которой он встретился, возоблада-дало, (изменив его характер). Он любил облегчать жизнь подданных, но правил в период упадка и поэтому прибегал к насилию...»

Прервем здесь описание ан-Насави... Нам было интересно именно то, что мы здесь процитировали — эти слова прекрасно дополняют портрет очень своеобразного завоевателя... Остальное мы уже знаем (многое — из рассказа того же ан-Насави)... Мы можем только добавить, что судьба Джелал-ад-Дина со столь бессмысленным и бесславным концом этого безжалостного завоевателя закономерна и естественна. Это судьба оторванного от родины человека, который, оставив свой народ и землю врагу на поругание, сам увлекся завоеванием и разорением других стран и народов.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Комната

Рыдала женщина. Снаружи
снежок клубился. И сиротство
той женщины и краткость стужи
какое-то имели сходство.

И стены мучились законным
сочувствием, хоть не касались
рыдания их.

На законном
свету скорбящими казались
столы и стулья вместе с нишей...

И в женщине, лицо склонившей,
себя слезами обогрешей,
все больше было сходства с нищей
землей, от снега побелевшей.

Тень

О тень, не позволяй оглядываться мне!
Скитальцу все равно: конец иль середина
дороги перед ним! Ты с жизнью по длине
совпала и сейчас, наверно, воедино

сливаешься уже с ней сзади и, поди,
чернишь ее собой. Я сам — тому виною:
чем больший свет порой я вижу впереди,
тем гуще ваш союз крошечный за спиною!

Что ж, царствуй на земле, о тень от моего
отсюда в лучший мир стремящегося тела,
которому, увы, отныне больше дела
не будет до тебя. Поскольку Естество

способно обратить грехи минувших лет
 в воскрылья и, презрев знакомую поверхность,
 взлететь, как мотылек на керосинный свет,
 приметив страсть вдали... А если я низвергнусь,

то все равно земля, где буду я сокрыт,
 — хоть тень мою почти до полюса растянет —
 свой голод по телам моим не утолит.
 А слез моих, увы, на кубок не достанет.

Ожидание

Скрывая труб огрызки и кусты,
 полночный мрак за окнами витает.
 И телефон — осколок темноты —
 безмолвно громоздится и не тает,
 как черный айсберг.

Комнаты пусты.
 Зрочки бутылок смотрят в потолок.
 Молчанье распадается. И в этом
 распаде возникает диалог
 стены с окном, паркета с табуретом,
 угла с углом.

И все это — залог
 того, что я отсутствие твое
 не вправе ощущать, что устыдиться
 я должен слез и прекратить ныть...
 Как пыль на кубок выпитый, садится
 на сердце страсть.

Впадая в забытье,
 то клятвы, то упреки бормочу.
 Стараюсь как-то справиться. Поскольку
 коль к нашей жизни душу приучу,
 то уж ее посмертному осколку
 небытие придется по плечу.

Прощание

К. Л.

Что с того, если здесь мы не свидимся больше?
 Прощай!
 Все на свете случайно. Но это — не выход в
 беспечность,

коль разлука навечно случайнее встреч невзначай.
Лишь она мне дает ощутить натуральную вечность.
Лишь сейчас я могу перед ней, как пред ликом небес,
вместо жизни твоей мне открытых, застыть истуканом
и сказать: «Я люблю» — хоть от этих великих словес
слишком сильно несет в наши дни площадным

балаганом.

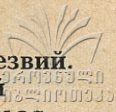
Раскрываю уста, невзирая на это, чтоб ты
не смогла позабыть ни мой голос — как стражу при
наших
разбежавшихся днях, — ни мои столь земные черты,
словно слепок с тебя, от тебя столько боли принявших.
Пусть же будет наш путь, раздвоившийся в сплетню и
грех,
многолетним, чтоб ты — Боже правый, чем я озабочен! —
шла дорогой страданья так долго, что стало б для всех
молодящихся сук и седых кобелей у обочин
несомненным, что боль — это только твоя колея,
твой единственный путь — только боль. И на этом
спасибо!

Ибо с этого дня я — твой голос скорбящий. А я
натерел в восклицаньях, тебя призывающих. Ибо,
словно бог афинян, я привык превращаться в тебя.
Быть тобой. И, от жизни почти что двуличной,
мне в твоей колее ошиваться, рассудок губя,
и скорбеть о тебе, чем проклятьями сыпать, привычней.

Но отныне мой гнев, разгромивший запруды в уме,
захлестнув мелкоту наших мужеств, замужеств,
содружеств,
будет мчать за тобой по следам, как стремнина во
тьме,
у тебя за спиной возникать, как сновидческий ужас.
Он разрушит твой сон в самом дальнем из выбранных
гнезд,
и с подбитым крылом ты отстанешь от стаи вороньей,
и не сможешь над ним ты возвыситься в сонмище
звезд
ни презреньем своим, ни оглядкой на глаз

посторонний.

Мой рассудок сейчас, как сосуд до краев. И любой
проходимец, бесспорно, способен ухмылкой нетрезвой
полоснуть по сердцам нас, пригубив прощанья с тобой,

словно самым тупым из зазубренных подлостью лезвий.
Что с того! Все равно — помяни мой пророческий

глас—

ты нигде не найдешь избавленья от этого гнева.
Я — распятые твое, эшафот и костер! И сейчас,
как безумный слепец шаря пальцами справа и слева,
я собираю во тьме скрупулезно все щепы души
для костра, на который ты всходишь по собственной
воле.

Ибо ночь вокруг меня! А во тьме — все огни хороши
от небесных светил до занявшейся шапки на воре.
Только имя твое я хотел бы спасти от огня,
даже зная, что ты тем-то мщение мне и готовишь,
что, когда ты сгоришь, твое имя задушит меня,
как одно из живых стоголосых, сторуких чудовищ.

Перевод Иосифа БРОДСКОГО*

* Перевод выполнен И. Бродским в 70-ые годы.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Имерети

Темнозеленые дубравы,
Орешник, лавры и ольха,
На пне столетнем и корявом
Покров белесоватый мха,

А под сплошной зеленой аркой,
Где с камня падает ручей,
Ютится мельничья хибарка —
Приют и чей-то и ничей.

Крутые в рытвинах дороги,
И не скрипит — поет арба!
И бык плетется мелкорогий
С глазами сонного раба.

Початки спелой кукурузы
С еще не убранных полей
Отяжеляют сладким грузом
Шеренги стройные стеблей.

А утром синим, утром ранним,
Над красным глянцем черепиц,
Над крышами из легкой драни
Не умолкает щебет птиц.

И в синеве глаза слипает
Лучей бесчисленных поток,
Рокочет, глухо закипая,
Реки холодный кипяток.

Над виноградниками шелест
Под вечер будит тишину...
Благослови, любой пришелец,
Обетованную страну!

Весна на Мтацминда

Извилины крутых дорог
И сланцев ломкие ступени.
В медвяном, золотом кипеньи
Растет на склонах буйный дрок.

Пьянящий запах вожделений
Таит раскрывшийся цветок,
Его благоуханный ток
Струится в зелени весенней.

Стоит незыблемый дымок
Над исчезающею гранью...
Любовью первой пахнет дрок.

И, обогретый солнцем ранним,
В нем каждый сочный стебелек
Дрожит от скрытого желанья.

Памяти А. Джапаридзе

Тяжелых туч сиреневая мгла,
И сквозь нее — туманные виденья,
Как будто дэвов траурное бденье
В краю молчанья, холода и зла.

Меж пиками — изогнутость седла,
На щебне — крыл размашистые тени,
Седых потоков хладное кипенье,
Нависшая над пропастью скала.

На дне глубокой щели ледника
Журчит вода. А под обломок льдины
Подогнута застывшая рука.

И в пальцах — крепко сжатый ледоруб,
И обметали снежные седины
Черты навеки онемевших губ.

* * *

От неизбежности событий
Нет ни молитвы, ни щита.
В тревожном, торопливом быте
Нас всех сравняла нищета.
Мы маемся в пучине страшных,
Неиссякаемых невзгод,
И за заботою всегдашней —
Год — словно день, и день — как год.
Но за далекими годами
Недосягаемый предел
Цветет роскошными садами
Сегодня делаемых дел.
И, как бесценная награда,
Тем, кто пронес огонь в груди,
Цветок из призрачного сада
Вдруг расцветает на пути.

В Чаргали

Здесь он творил. Бревенчатая крыша,
Пол глинобитный. Скромное жильё!
Рога оленьи, старое ружье,
Над очагом облупленная ниша...

Но все здесь оживает и поет,
И отзвук песни поколения слышат,
Как будто ветер прошлого колышет
И дальний лес, и ближнее жнивье.

В ущелье долго замирает нота...
И кажется, что вот сейчас войдет он
И сбросит бурку с богатырских плеч.

Слышны в Чаргали седовласом снова
Народный сказ, его живое слово
И мудростью отточенная речь...

Вечер в Латакии

Из сирийской тетради

На горах Ливана пятна снега,
Словно манна, посланная с неба.

Обещают буйные спектакли
Многослойных облаков кулисы.

С моря, потемневшего за мысом,
Сдули ветры ключья серой пакли,

И, тускнея, медленно иссякли
Блики солнца на вершине лысой.

Серебристый иней лег на прожелти...
Вот и осень на чужбине прожил ты.

Незримая лестница

По ступеням незримой лестницы
Каждый вечер восходят месяцы.
И давно забытые образы
Ждут иных, небывалых слов.

По ступеням незримой лестницы
К нам спускаются счастья вестницы,
К нам приходят порывы добрые
И с небес нисходит любовь.

По ступеням незримой лестницы
Каждый месяц уходят месяцы.
По ступеням незримой лестницы
Убегают от нас года.

По ступеням незримой лестницы
Сходят сверстники, сходят сверстницы...
По ступеням незримой лестницы
Мы сойдем в никуда... Навсегда.

ВАСЯ САВЧЕНКО

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

— Фамилия!

Я называю.

— Имя, отчество!

Говорю.

— На выход. Быстро. С вещами!

Дрожь охватывает меня, знакомая дрожь. Она возникает всякий раз, когда я жду главного, жду освобождения.

Десять месяцев пребывания в одиночке, бесконечные допросы днем и ночью, вся глубина подлости и злодейства, обрушенная на меня, вся эта бездна, клубящаяся прахом и пеплом раздавленных человеческих судеб, не отучили от мысли, что я выйду отсюда, что моя правда восторжествует.

Трясущимися руками я собираю свое барахло, завязываю в узел столько уже повидавший плед и действительно очень быстро оказываюсь готовым. А ведь сколько раз я говорил себе, что спешить мне некуда, они не спешат, и это вечное «быстро!» вертухаев всего лишь способ не дать заключенному времени подумать, сообразить, предпринять что-то в свою защиту.

И вот меня ведут вон из моего спецрежимного коридора.

Переходы, повороты, шкафы, куда всовывают заключенного, чтобы пропустить ведомого навстречу, это непрерывное «ш...ш...ш» конвойных, оповещающих друг друга, когда приближаешься к повороту, чтоб государственные преступники, не дай Бог, не увидели, кого еще постигла подобная же участь. На лестницах — стальные сетки, чтоб нельзя было выброситься и тем сразу избавиться от всего, что тебе они уготовили.

Волнение мое усиливается, — мы уже внизу, в полуподвальном этаже, где находится комендатура. Ниже есть еще один этаж, там и расположен главный ад. Но сейчас меня явно ведут не туда. С вещами туда не водят...

Но комендатура осталась в стороне, а мы свернули направо. Мы опять в коридоре внутренней тюрьмы: по обе стороны обитые железом двери с глазками, с форточками для получения баланды, с массивным засовом. И фигуры дежурных, приникших к глазкам и наблюдающих, что делают люди, находящиеся за этими дверьми. Символ эпохи, символ режима.

Мой вертухай останавливается перед дверью № 12, побряцав ключами, отпирает и, распахнув, командует: — Иди!

Я переступаю порог: Бог ты мой! Не сон ли это? Большая камера, три окна (конечно, с ежовскими ширмами), свежий воздух. Я уже забыл, что воздух бывает свеж и прохладен. У меня даже голова начинает кружиться. В камере сумрачно, уже близится вечер, короток ноябрьский день, а лампа еще не зажжена. Подумать только! Здесь, оказывается, бывают часы, когда лампа не горит. Не то что в покинутой мною безоконной камере особого режима.

Я, все еще стоя у порога и держа свой узел, осматриваюсь. На двух соседних койках, коленями друг к другу, сидят трое: двое на одной койке, третий — на другой. Они, видимо, беседовали, но теперь их лица обращены ко мне с характерным для заключенного нетерпеливым, но сдерживаемым любопытством. Еще один — пожилой, грузный, рыжеватый полулежит на второй от левой стены койке, да не на голых досках, а на подстилке. Вот это да... Житуха...

— Что же вы стоите? Проходите, занимайте койку. Эти все свободные.

Ко мне обращается маленький лысый человек с очень выразительным, некрасивым лицом, которое все время находится в движении, впрочем, как и сам человек.

Не давая времени одуматься и расположиться, он сразу засыпает меня вопросами: сколько времени я здесь нахожусь, где меня взяли, кто мой следователь, какую статью шьют, из какой я камеры.

Отвечая по мере возможности, я продолжаю осматриваться. Те, что сидят лицом друг к другу, оказываются, играют в шахматы. На длинном столе на лево от двери лежит несколько книг. Да ведь я в рай попал! Я уже забыл о надежде, что меня ведут в комендатуру освобождать. Освобождение — это из области фантастики, несерьезно даже думать о таком. А вот это — реальность: сокамерники, шахматы, книги. Какое счастье! Хоть бы подольше меня отсюда не забирали. Здесь ведь даже прогуляться можно будет. Не три шага от стены до двери. Шагов двенадцать, пожалуй, а то и все четырнадцать.

Те, что играли в шахматы, теперь тоже подошли ко мне. Один с круглой головой и усами щеточкой, лет сорока пяти — человек интеллигентный и серьезный. Чувствуется, что я возбуждаю в нем интерес, но он предпочитает, чтоб вопросы задавали другие.

Второй — высокий, худой, лет тридцати, с красивым, типично грузинским лицом и немного мрачным взглядом антрацитово-черных глаз. Третий — тоже высокий, тоже худощавый, светлый шатен с острым, чуть вздернутым носом, из тех, что принято называть птичьими, довольно широкими скулами и голубыми глазами — лицо, носящее следы смешения рас славянской и монгольской.

Пока я отвечал на расспросы, знакомился с моими новыми товарищами по камере, узнавал кое-какие новости (некоторые тут сравнительно недавно с воли — кто два, кто три месяца), открылась дверь, и вошел еще один человек, без вещей, без головного убора — явно с допроса и явно всем остальным знакомый.

Да, так и есть: он уверенно прошел к одной из дальних коек, уселся и попросил закурить у круглоголового. Интерес ко мне сразу остыл, и все перешли к вновь вошедшему. Не зная, как мне поступить, я остался на месте, все еще пребывая в блаженстве: вокруг меня люди, такие же, как я. Не следователи, не вертухаи. Люди. С ними можно будет общаться, можно будет им рассказывать о себе, спросить их мнения о том, что меня ждет, просто обменяться мыслями. Впрочем — осторожно... Бог знает, кто они, почему меня поместили к ним?

— Что вы там сидите? Присоединяйтесь к нам, —

это обращается ко мне круглоголовый. Его зовут Иван Михайлович, мы уже представились друг другу.

Я подхожу. Тот, который вернулся с допроса, пожилой, невысокий, очень подтянутый человек с тонкими чертами лица и пронизательным взглядом серых глаз, внимательно и с любопытством оглядывает меня. Видимо, интересно взглянуть на человека, по собственной воле приехавшего из тридевятого царства, чтобы напрямик попасть в это учреждение. Как я потом узнаю, он — троцкист, грузинский троцкист, довольно редкая людская разновидность. Троцкизм его заключается в том, что в конце двадцатых годов, будучи московским студентом, он распространял письмо Ленина о Сталине. С тех пор прошло около двадцати пяти лет, и он почти все время сидит. Посидит несколько лет, потом выпустят. А там снова посадят. Лишь во время войны его оставили в покое. Это парадокс только внешний. Ведь те, кому надо, прекрасно понимают, что такие, как он, — к врагу не перейдут.

Он всегда бывает доволен, когда открывается дверь и вводят нового, который оказывается членом партии. «Поднимали руку? Давали ему большинство? Вот теперь идите сюда...». Сам он непоколебим. Он здесь единственный из тех, кто считает себя коммунистом, кто ни разу не поддался слабости и не впал в истерику, не выразил желаний быть освобожденным кем угодно, пусть даже американцами, лишь бы только освободиться, избавиться от этого ужаса.

Слушая подобные причитания, он презрительно кривит рот и цедит сквозь зубы, стараясь, чтоб слышал только я: «Вот, это его коммунисты. Он их воспитал».

Лучшее время в камере следственной тюрьмы МГБ — период после вечерней оправки. Только что отошел ужин. Ужин это, конечно, пышно сказано, просто выпита кружка темного пойла, которое по привычке или за отсутствием специального слова и мы, и администрация называем чаем, доедена полученная утром пятисотграммовая пайка черного хлеба — и благодушное настроение охватывает всех. До отбоя часа два, до возможного вызова на ночной допрос и того больше. Они слетаются вечером к десяти часам и, конечно, никогда не вызывают сразу. Сперва дают человеку заснуть, потом его резко и торопливо будят: «Одеваться!

Быстро!» После трех-четырёхчасового сеанса оскорблений, издевательств, а порой чего-нибудь и более осязаемого, уже не заснешь, а если заснешь, то под утро, ровно в шесть будешь разбужен резким электрическим звонком, стуком ключа о стекло глазка и неизменным окриком: «...Быстро!». Вот так и спешишь все время. То: «Подъем! Быстро!», то: «Оправка! Быстро!», то: «Отбой! Быстро!» Хотя впереди двадцать пять лет, на которые тебя изо всех сил старается окрутить твой следователь — существо с человеческим обликом, владеющее членораздельной речью (в ограниченных, правда, пределах), с погонами старшего лейтенанта. И притом — заместитель начальника следственного отдела. Фигура!

Итак, до отбоя два часа, два безмятежных часа, когда ты никому из них не нужен. Целая уйма времени, а его никто так не умеет ценить, как заключенный, тот именно заключенный, который находится в следственной тюрьме. Время задушевных бесед и долгих, обстоятельных рассказов бывалых людей.

А таких у нас в камере двое. Уже упомянутый грузин-троцкист, зовут его Харламбий Челидзе, и Вася Савченко. Тот самый голубоглазый, широкоскулый, который был здесь уже в первый вечер. Сейчас-то нас уже больше. За месяц, что я здесь сижу, подбросили еще несколько человек. Чтоб веселее было.

Но Харламбий немногословен и замкнут, рассказывает мало и сухо. Более разговорчивым он становится с глазу на глаз, и тогда от него можно узнать много интересного. А Вася Савченко — прирожденный рассказчик и душа общества.

Собственно, доподлинно неизвестно Вася ли он, и Савченко ли, и уж точно известно, что имя Василий не приходится у него на фамилию Савченко. Но почему-то уж так сложилось: для нас он Вася Савченко.

Как-то в воскресенье входит помопера, пожилой майор, неизвестно по какой причине при довольно высоком звании пребывающий на столь мизерной должности, и делает переключку. Здесь она производится особым способом. Видимо, существует инструкция, что ни малейшая информация не должна исходить от администрации к заключенному. Поэтому при переключке майор просто тычет пальцем в сторону то одного, то

другого и спрашивает: «Фамилия? Имя, отчество?», и когда заключенный отвечает, делает пометку в списке.

Так он ткнул и в сторону Васи: «Фамилия? Имя, отчество?»

— Никифоров, Николай Борисович, — ответил Вася, и, к моему удивлению, майор принял этот ответ как должное, продолжая, однако, смотреть в сторону Васи:

— Еще?

— Синицын Петр Степанович, — спокойно продолжал Вася.

Я прислушивался и ничего не понимал. Майор, между тем заглянув в свой лист, повторил:

— Еще?

— Савченко Василий Васильевич...

Вот тут майор отрицательно покачал головой и пробормотал что-то вроде:

— Нет, не то.

— Ах да, — тотчас согласился Вася. — Василий Васильевич — это Лиходеев. Вы сказали — Савченко?

Майор кивнул.

— Тогда Алексей Фомич.

Все уже смеялись, даже майор улыбнулся и кивнул головой: правильно, мол.

Из дальнейшего выяснилось, что у Васи шесть фамилий и соответственно шесть имен-отчеств, и он порой путает их.

Ну дела... Мне даже немного легче стало. Я понимал, что это нехорошее, эгоистическое чувство, но отделаться от него не мог. А суть этого чувства заключалась в том соображении, что уж коли здесь сидят люди с шестью фамилиями, то есть явные правонарушители, которым есть что скрывать, то не могут же вершители наших судеб тратить попусту время на таких божьих коровок, как ваш покорный слуга. Какой им смысл заниматься таким человеком, как я. Вот уже год сижу, проверяли-перепроверяли, пора убедиться, что за мной ничего нет.

С того дня Вася Савченко стал вызывать во мне повышенный интерес. Человек всегда остается самим собой даже во внутренней тюрьме МГБ и, несмотря на то, что в моем положении ничего веселого и утешительного не было (разве только смутно ощущаемое созна-

ние того, что дело мое выдыхается, изживает себя, ничего у них со мной не получилось, вот ведь о связях с иностранными разведками допытываться перестали), я сохранял все присущие человеческому характеру черты, в том числе любопытство и тщеславие. А тщеславие подчас приобретает своеобразные формы: если уж болеть, так чтоб температура была под сорок, если уж сидеть в МГБ, так, чтоб рядом сидел не какой-нибудь рассказчик анекдотов или человек неосторожно сравнивший, скажем, чехословацкую обувь с отечественной не в пользу последней (что квалифицируется как анти-советская пропаганда и подпадает под статью 58/10), а крупный шпион или диверсант. А мне и в одиночках, и здесь, в 12-й камере, попадались все люди вполне благопристойные, в большинстве своем так же, как и я, не знавшие толком, за что их посадили. И вдруг, рядом — можно сказать из одной миски баланду хлебаем — человек с шестью фамилиями. Интересно и лестно.

И еще один эпизод способствовал нашему с Васей Савченко сближению.

По сохранившейся с детства привычке и по внутренней потребности я по утрам и вечерам молился. Утром неизбежно молитва была краткая, вечером же я отводил душу, как и у всех моих товарищей по несчастью, истерзанную в течение долгого тревожного дня, и просил Создателя отворотить от меня хотя бы на предстоящие часы новый вызов наверх. Нет ничего страшнее ночного допроса...

И вот, когда однажды я стал, сложив руки, перед окном, в которое все же, несмотря на ежовскую ширму, была видна узкая полоса вечернего неба, и шептал свои молитвы, в дверной глазок раздался резкий стук ключом. Так обычно дежурные вертухаи извещали о нарушении кем-нибудь из заключенных внутреннего распорядка. Вероятно, он стучал уже не первый раз, а я не услышал или не обратил внимания, но только спустя несколько мгновений в замочной скважине щелкнул ключ и дверь распахнулась. В тот вечер в нашем коридоре дежурил злобный карлик, которого за тонкий горбатый нос и шмыгающие черные глазки мы прозвали Крысой.

Я продолжал молиться не оборачиваясь. В тот вечер я читал Символ Веры, молитва длинная.

Надзиратель резко обратился ко мне:

— Ну, ты... Ложись! Чего нарушаешь?

Несколько минут назад прозвучал отбой, и все, кроме меня, уже лежали.

— Ну, ты... — повысил он голос. — Тебе говорят! Ложись!

Я всеми силами старался не отвлекаться и закончить молитву, но не сумел и сбился. Что делать? Из-за этой мелкой нечисти прервать вечернюю молитву и повиноваться? В нашем положении победа даже в такой незначительной стычке, даже над таким ничтожным противником давала некоторое облегчение. Я понимал, что ничего Крыса сделать не может. Дочитаю молитву и лягу. Просидев столько месяцев, я уже разобрался, кого и насколько нужно бояться, а всех бояться — страхи не хватит.

Я продолжал молиться, а Крыса — шипеть у дверей.

И тут произошло неожиданное: вдруг вскочил со своей койки Вася Савченко и с иступленной ненавистью бросился к Крысе.

— Что ты от него хочешь? Чем он тебе мешает? Ты что, не видишь, что человек молится? Богу молится. Понимаешь? Не матерится, не доносит. Молится. На небо смотрит... Вон туда, наверх, на небо. А ты за всю жизнь посмотрел хоть раз на небо? Ты, змея подколодная, ты хоть раз за свою подлую жизнь посмотрел на небо? Подумал о нем?

Я уже кончил молиться, обернулся и вижу: Вася потрясает кулаками перед лицом Крысы. Чувствовалось, что ему стоит огромных усилий не заехать надзирателю по физиономии. Тот, испуганно тараща глаза, шагнул вспять и резко захлопнул за собой дверь. Послышался звук задвигаемого болта, поворачиваемого ключа — и все затихло.

Все молчали, хотя никто не спал. Я подошел к Васе, обнял за плечи и сказал:

— Спасибо, Вася. Ложись. А то он сейчас помопера приведет.

Савченко, знавший все правила внутреннего распорядка, как и статьи Кодекса, презрительно махнул рукой:

— Не приведет. Побойтся. Сам нарушил распорядок — зашел в камеру. А ведь при нем связка ключей была.

Как всегда, во всем, что касалось тюремных обстоятельств, Вася оказался прав. С ним был опыт всей его проведенной в тюрьмах и лагерях жизни. Обошлось без последствий.

А жизнь свою — ему было в тот период лет сорок — действительно всю, за исключением самых первых лет и лет военных, Вася провел в заключении или бегах.

В момент, когда судьба свела меня с ним в 12-й камере внутренней тюрьмы тбилисского МГБ, это был опытный, матерый, как сказали бы про него официальные журналисты, правонарушитель, за которым числилось немало грехов и который даже в странах с совершенно иным строем не избежал бы сурового наказания.

В чем теперь его обвиняли, он нам не говорил, а в тюрьме не принято рассиравивать: слушай, что рассказывают, а лишних вопросов не задавай. Да бывают к тому же такие дела, о которых безопаснее знать поменьше. Что можно было, что он находил допустимым, — Вася рассказывал сам, опуская при этом какие-то моменты, которые, видимо, считал ключевыми, на тот случай, если кто-нибудь из нас захотел бы его заложить.

Многое из того, что он нам поведал, казалось совершенно невероятным, но впоследствии всегда чем-то или кем-то подтверждалось. Я хорошо помню один такой эпизод. Как обычно, вечером собрались мы возле его койки, и Вася рассказывал, как в годы коллективизации, когда и на воле сотни тысяч людей погибали от голода, в лагерях творилось нечто невообразимое. Вася знал о случаях людоедства, причем съедали не только умерших, но, бывало, ночью заключенные, доведенные голодом до полной утраты человеческого облика, убивали кого-нибудь в бараке и съедали.

Среди слушавших этот рассказ Васи был кондитер из Кутаиси Петр Степанович Осипов, человек пожилой, очень полный, сангвинического склада, даже здесь находивший время и предлоги для шуток.

Петр Степанович недоверчиво переспросил:

— Неужели живых людей съедали?

Вася не обиделся. Он оценивающе посмотрел на большой живот Петра Степановича и спокойно, как-то очень обыденно ответил:

— Вас бы непременно съели. В первую же ночь.

Я обернулся на Харлампия, сидевшего тут же. Он, встретившись со мной взглядом, со значением опустил веки: да, мол, не преувеличивает.

Постепенно из разрозненных рассказов Васи сложилась история его жизни. Я повторяю, что о многом он умалчивал, никогда ни одного географического пункта, кроме нескольких последних, не назвал, упоминая какие-нибудь фамилии, предупреждал, что они вымышленные («Назовем его Куницыным», — говорил он в таких случаях с легкой усмешкой). Так что в моем рассказе о нем будут белые пятна, недоговоренности, неясности. Единственно, чего в нем не будет, — это вымысла. Ни одного слова, ни одного факта я не выдумываю. Эта жизнь слишком трагична и было бы кощунством беллетризировать ее. Я буду излагать только то, что услышал от него своими ушами и что, помимо меня, слышали другие. Во всех случаях, когда повествование будет требовать того и я позволю себе элемент догадки, — я это специально и тут же оговорю.

Место своего рождения тот, кого мы называли Васей Савченко, естественно, не указывал, но по каким-то не вполне ясным для меня самого признакам у меня сложилось мнение, что это был приморский южный город, но не Одесса. Скорее всего город на Азовском море — Таганрог, Мариуполь, Бердянск.

Кто были его родители, он тоже не указывал, но, судя по тому, что семья его попала в категорию «лишенцев», отец его в царское время должен был быть или служителем церкви, или купцом, или служащим полиции, но, кто бы он ни был, — человек не крупный, не в больших чинах и не большого достатка. Это явствовало из описания их быта.

Кстати, люди младших поколений уже, к счастью, не знают слова «лишенец», поэтому не лишне пояснить его.

В «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, читаем: «Лишенец — в СССР до принятия Конституции 1936 г.; человек, лишенный избирательных

и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу». В смысл этих скупых слов стоит вдуматься, стоит мысленно представить себе, что за этим таится, на какую жизнь обрекает того, кто попал в названную категорию, и не только того, кто сам «принадлежал к эксплуататорскому классу», но и всех членов его семьи. Ведь «лишение гражданских прав» подразумевает лишение права на лечение, на работу, на образование, на защиту.

Выходцем из такой вот семьи и был Вася Савченко, причем отца «ликвидировали» еще в первые годы после гражданской войны.

Скрыв свое преступное происхождение, Вася сумел поступить в какое-то учебное заведение. Он не упоминал какое, но опять же по каким-то признакам у меня составилось мнение, что это был техникум. Во всяком случае, не высшее учебное заведение, потому что в момент, когда Васю разоблачили, ему было лет четырнадцать. Почему я считаю, что четырнадцать? По его рассказам о том, какие у него были в то время интересы, какие книги читал, в какие игры играл со сверстниками.

В родном городе ему оставаться было невозможно, все от него отступились, и он перебрался в другой. Какой, он, естественно, не говорил, а у меня никакого определенного мнения не создалось. Там он сперва работал не то подмастерьем, не то чернорабочим, потом сумел устроиться в какое-то учебное заведение («Очень хотелось образованным человеком быть», — ответил он на чей-то вопрос) и снова был разоблачен, правда, на этот раз не как лишенец и сын лишенцев, а как человек, не имеющий всех необходимых документов. Его исключили.

Остаться в этом городе было опасно — могли докопаться и до происхождения, и Вася перебрался в третий. Тут мне снова кажется, что это был какой-то южный город, но опять же не Одесса, не Киев и не Харьков, словом, не очень большой. Снова он где-то работал, но об учении думать не приходилось, да и возраст был уже не для средней школы.

И вот здесь-то и сошла окончательно и покатилась под откос его жизнь.

Чем он занимался в этом третьем городе, мне неиз-

1
10-1110000

вестно, — где-то работал, как-то зарабатывал на свой горький хлеб, но не воровал, не грабил. «Уголовником никогда не был», — скажет он позднее без всякой рисовки, без желания как-то обелить себя, показать в лучшем свете, — и я ему верю. Мы все ему верили. Была некая высшая правдивость в его словах, он никогда не пытался обелить себя в том, в чем признавал свою вину.

Вася Савченко — человек общительный. В третьем городе он обзавелся знакомыми, его окружали сверстники. У них образовался кружок, настроенный резко оппозиционно.

— Мы все их ненавидели и боролись с ними, как могли, — кратко сообщил Вася об этом. Слово «они» было самым мягким в его устах, когда речь шла о власти, остальные его выражения неудобопроизносимы.

Была ли это четко оформленная организация или компания единомышленников, Вася не говорил, но, конечно, ни та, ни другая просуществовать долго не могли. Васю арестовали (он не упоминал, были ли арестованы другие), и он получил двадцать пять лет заключения в лагере строгого режима.

Помню, в этом месте кто-то прервал рассказчика репликой:

— Но ведь тогда таких сроков не было.

Савченко, не отвлекаясь от основной нити повествования, бросил мимоходом:

— В особых случаях давали.

Я тоже, засомневавшись, искоса взглянул на Харлампию. Тот слегка наклонил голову. А уж Харламбий-то, у которого стаж не меньше Васиного, знает все и зря подтверждать не будет. Серьезный человек.

Васе Савченко по моим вычислениям было тогда лет двадцать, а он упоминал про голод в стране, про коллективизацию, следовательно, это должен был быть год 30-й или 31-й. Он оказался в спецрежимном лагере где-то на севере, но не в Сибири. Сибирь ГУЛАГом тогда еще не была, так как освоена позднее, после убийства Кирова и массовых репрессий середины и конца 30-х годов, когда места для врагов народа на территории европейской России стало не хватать.

Думаю, что это были Соловки, потому что Вася не

раз упоминал о них, рассказывая про знаменитого Курилко, начальника одного из самых страшных лагерей. Приведу здесь коротко один из поведенных Васей эпизодов:

«Идем мы как-то колонной, возвращаемся с торфяных разработок. Навстречу — пьяный Курилко с группой своих б....., подобранных из числа лагерниц, заключенных. Эти тоже все пьяные, бесстыдные. Ругаются — хуже мужиков. «Машка! — обращается Курилко к одной из них. — Какая морда не нравится?» — И тычет в сторону нашей колонны. «Вот эта», — показывает Машка. Курилко вынимает из кобуры наган и в упор стреляет одному в лоб. Мы идем, не оборачиваемся. Обернешься, схлопочешь пулю и себе. Стараясь держать строй, идем дальше. Убитого ночью съедят собаки, их у Курилко было множество».

Просидел в этом лагере Вася несколько лет и понял, что долго так не выдержит. Был у него к тому времени немалый жизненный опыт, была хватка, знание специфических особенностей той жизни, которая его окружала. И он решил бежать. Но при существующей в стране системе бегство было практически невозможно. То есть бежать-то из лагеря можно, но потом куда денешься, что делать будешь? Ведь вся жизнь пронизана всевидящим оком карательных органов. Выход один: надо было, как он выразился, «разменять» свой чудовищный срок — двадцать пять лет — на меньший, на такой, конец которого все же виден. И при этом замести следы.

И это ему удалось. Удалось блистательно. Вася «разменял» свой «четвертак» на три года и так замел следы, что...

Впрочем, все по порядку.

К великому сожалению, у меня тогда не было карандаша и бумаги, а если б и были, все равно нельзя было бы записывать, а я дал слово не выдумывать ни одной детали, ни одной мелочи. Сохранить же в памяти все хитрейшие уловки, все искусные ходы, на которые способен лишь изощренный ум заключенного, да и то не всякого, мне не удалось. Я запомнил лишь схему этой операции (читатель, надеюсь, простит мне это надоевшее детективное слово, но какое еще употребить?).

16035348
810-111033

Итак, тщательно подготовившись, дождавшись подходящего времени года, Вася бежал из спецрежимного лагеря. Он не говорил, но у меня сложилось впечатление, что кто-то извне ему помогал: он где-то переделался в заранее приготовленную одежду, у него оказалась незначительная сумма денег и первые, хоть и не слишком надежные, документы.

Но человек опытный, Вася Савченко прекрасно понимал, что долго пробыть на свободе ему не удастся. Случаи побегов из лагерей были достаточно редки, система работала весьма эффективно — и на него, конечно, уже объявлен всесоюзный розыск. И Вася делает гениальный ход: он совершает какое-то уголовное преступление, наказание за которое предусматривает не свыше десяти лет заключения. Его арестовывают под вымышленным именем (какое оно по счету?) и где-то в далеком от первого заключения месте он попадает в другой лагерь. Кому же придет в голову искать человека, совершившего побег из лагеря — в лагере же?

Но сидеть десять лет он отнюдь не собирается. Спустя некоторое время (по каким-то соображениям, Вася не сообщил, какое) он снова бежал, снова скитался, заматывая следы, и снова дал себя арестовать за бродяжничество. За это полагалось три года, которые он исправно отсидивал. Настолько исправно, что был освобожден из лагеря досрочно, получил документы и даже хорошую характеристику от лагерного начальства. В лагере он сумел освоить специальность — бухгалтерию. Сомневаюсь, чтоб заключенным ее преподавали, но Вася был человек смывленный, неглупый и, возможно, кто-нибудь из зеков помог ему овладеть тонкостями бухгалтерской науки. Во всяком случае, после освобождения он обосновался в Ташкенте, работал там бухгалтером, жил неплохо и на том, может статься, кончились бы злоключения этого человека. Ибо во всех рассказах Васи, и до и после этого момента, всегда проглядывало никогда, однако, не высказываемое прямо — он не любил сантиментов — стремление порвать с той жизнью, которая ему была навязана судьбой и не зависевшими от него обстоятельствами. Чувствовалось, что ему хочется бросить где-то якорь и зажить оседло, спокойно, семейно.

Но, к несчастью, разразилась война.

Его призвали в армию. К тому времени он был на таком хорошем счету, что его направили в специальную школу в Москве. По окончании этой спецшколы, его забросили в тыл к немцам. Что он там делал, Вася не очень распространялся, однако не скрывал, что был знаком с генералом Власовым. В конце 1943 года Вася Савченко окончил специальную школу где-то под Берлином и был заброшен в тыл Красной Армии.

Но как он не стал работать на советскую разведку, будучи заброшен в тыл к немцам, так не стал работать на немецкую, оказавшись по эту сторону фронта.

— К тому времени я знал цену и тем, и другим, — объяснил он.

Что было ему делать? Для человека с его опытом легализировать свое положение во взбаламученной стране было делом несложным. Он обзавелся документами и вскоре снова был мобилизован в армию, но теперь уже боялся попасть к немцам и воевал хорошо. Его несколько раз награждали боевыми орденами и медалями. Воевал он в корпусе генерала Батова, и от Васи я впервые узнал, что, оказывается, еще в 1944 году в Восточной Пруссии немцы сражались так, что корпус попал в окружение и был сильно потрепан прежде, чем его вызволили другие части.

Кончилась война, Васю демобилизовали, и он осел в Сочи, женился. Работать стал по специальности, то есть бухгалтером в одном крупном тресте. Здесь он и совершил ту роковую для себя ошибку, которая привела его в тбилисское МГБ.

В тресте орудовала группа махинаторов — руководства треста — и, конечно, без главного бухгалтера осуществлять махинации было невозможно.

— И ведь не хотел я в этом участвовать, — не раз повторял Вася с явным сожалением. — Нас было двое, у меня была приличная зарплата, жена тоже неплохо зарабатывала в своей женской парикмахерской. Нам вполне хватало. Но вот не сумел отстраниться, а это можно было сделать только одним способом: вывести их всех на чистую воду.

Конечно, старый, так сказать, кадровый лагерник донести не мог. Это было понятно всем слушавшим.

— В конце концов их накрыли, взяли и меня. Что ж, тут все правильно, участвовал в ихних комбинациях? Участвовал. Значит, должны были замести

Он рассказывал про многие свои беды, но всегда с другой интонацией. А тут чувствовалось, что он не оспаривает правомерность своего последнего ареста.

Но катастрофа для Васи заключалась в том, что дело было крупное, все участники проходили по Указу от 7 августа 1932, по статье, которая квалифицировала подобные преступления (хищение социалистической собственности в особо крупных масштабах) как контрреволюционные и делом занялось МГБ. По географической принадлежности, из-за связи треста с Закавказской железной дорогой дело передали МГБ Грузии.

Вот так Вася, никогда в глаза не видевший Тбилиси, оказался в тбилисской тюрьме.

Потянули за ниточку, и клубок начал разматываться. Но размотался не весь...

Читатель, наверное, обратил внимание, что с определенного момента в Васином повествовании появились начисто отсутствовавшие до того географические названия: Ташкент, Москва, Берлин, Восточная Пруссия, Сочи. Значило это, что все они известны следствию и скрывать их в своих рассказах Вася не считал нужным. Надо сказать, что и за то, что им не утаивалось, Васе грозила «вышка». Он сам говорил, что опасается расстрела, и все же, по-видимому, какая-то надежда у него была, потому что он тщательно скрывал все узловые факты, которые были в его биографии до Ташкента. Вероятно, видел в этом смысл.

Бывало, он часами сидел на своей койке, погруженный в глубокое раздумье. В другое время он сосредоточенно, никого не замечая, ходил по камере из конца в конец, и если сталкивался с кем-нибудь, то взгляд у него был отсутствующий.

Любил он беседы со мной, любил слушать мои воспоминания о прошлой жизни. И вот что примечательно. Когда я рассказывал о военных годах, о моей работе в советской газете в Шанхае и в Обществе Советского Красного Креста, о том, что дважды обращался в Москву с просьбой о зачислении меня в ряды Красной Армии, чтоб с оружием в руках защищать Ро-

дину, — он слушал сочувственно и с уважением. Ни разу не позволил себе подшутить над моими патристическими чувствами, как это порой делали, правда, не желая меня обидеть, но обижая, другие сокамерники, особенно из числа членов партии. Для этих я, человек, родившийся и живший все время за тридевять земель, своим советским патриотизмом был смешон, казался простофилей, давшим себя обмануть и расплачивающимся за свою наивность. Васе же Савченко я смешным не казался. Он меня понимал.

Иногда Вася затевал со мной разговор о Боге, просил рассказать тот или иной евангельский эпизод, задавал вопросы, на которые я старался отвечать как умел. Верил ли он в Бога?

— Что-то есть, — ответил он на обращенный к нему прямой вопрос.

Во время одного из скитаний по стране, когда он был в положении травимого собаками зверя, произошел с ним случай, о котором он рассказывал с особым выражением лица — просветленным и значительным.

Я приведу этот эпизод от первого лица, потому что считаю — так будет лучше передана атмосфера и дух этой истории и, хотя не берусь утверждать, что говорил Вася именно такими словами, ручаюсь — не прибавил и не убавил ни одной детали, сохраняя фабулу и смысл рассказанного.

«Иду я как-то вечером через лес. За спиной на бечевке небольшой мешок с барахлишком, сухарями, куском сала и солью, в руке палка, чтоб нащупывать дорогу, когда стемнеет, и, вообще, на случай чего. Положение такое, что мне надо идти не останавливаясь, идти так быстро, как ноги несут, а то худо будет. А впереди, знаю, река. Большая река...».

Савченко по обыкновению не упомянул, какая река, какая область это была, но мне по некоторым деталям предыдущего и последующего повествования казалось, что эта должна была быть средняя полоса России, а река — Ока. Впрочем, повторяю, это было мое субъективное впечатление. Харлампий, например, считал, что это должны были быть Обь или Иртыш.

«К реке я вышел поздним вечером, почти ночью. Сыро. От воды тянет пронизывающей прохладой. Небо безоблачное, ярко светит полная луна. Это некстати.

Лучше бы потемнее. Никакой лодки, никакого приспособления для переправы на другой берег. Да и опасно было бы искать лодку или что-нибудь такое. Где лодка — там и люди. А мне, в моем тогдашнем положении, надо было подальше от людей держаться. Ведь не знаешь, на кого нарвешься. Всяких я повидал за свою жизнь. Другой и не падло, а по глупости проболтается — под пьяную лавочку или там еще почему. В общем, даже лучше, что никого и ничего нету. Но с другой стороны, перебраться на тот берег надо, иначе я пропал. Значит, надо вплавь. Когда-то я неплохо плавал, но давно это было. Не в лагерях же тренироваться в кроле или в бросе. Верно? Постоял я малость, подумал и решился. Разделся, одежку — а на мне не так-то много ее было — снял, свернул потуже, да в мешок запихнул. Все мои, так сказать, социалистические накопления: шиш, манишка и записная книжка. Плыть решил на боку, загребая правой рукой и отталкиваясь ногами, а в левой держать мешок повыше. Вымокнет — пропал. Ведь на той стороне, если доплыву, надо в сухое одеться, иначе мне каюк. А я считал, что рано, мне еще пожить хотелось. Я ведь даже женщин тогда еще не знал, никого не любил и меня ни одна еще не любила. Не в шарашке же шурымуры разводить. А хотелось... чтоб ждала, чтоб беспокоилась, чтоб белье мне стирала, а я бы ей деньги приносил и дрова колот, и любил бы ее, и за волосы таскал, если загуляет...

Итак, вошел я в воду. Холодная была — страсть, просто обжигала. Думаю — хоть бы ноги не свело. Но ничего, держусь. Зашел я по горло и поплыл. Плыву это я, плыву, еще до середины не доплыл, а чувствую устал, задыхаюсь, грудь просто разрывает от боли, дышу часто, быстро, воздуха не хватает. И левая рука — это в которой я мешок-то держу — устала, совсем онемела, вот-вот мешок в воду опущу, не выдержу. И одежда вымокнет, и хлеб пропадет. Не костер же мне на том берегу разжигать? А иначе как одежду высушишь? Проплыл еще немного — совсем немоготу стало, да и правую ногу сводит. Пока терплю, но знаю: еще через несколько секунд так схватит, такая боль будет, что и про мешок забуду, и про все на свете. Да и плыть уж больше не могу: совсем обессилел. А про-

плыл только до середины реки. Понял я, что мне конец.

И тут я глянул на небо. Редко мы глядим на небо, куда как редко. И я редко глядел... А тут глянул. И вот прямо мне в лицо, как фонарь электрический, светит луна — ясная, круглая, даже эти... как их... кратеры лунные что ли, различить можно. Как на глобусе. Плышет луна и небо вокруг себя золотым цветом окрашивает. И так мирно, так спокойно все вокруг нее. С одной стороны, видишь, что далеко она, с другой — кажется: руку протяни и коснешься. И я вдруг впервые за много лет подумал о Боге. Мне кажется, нельзя не вспомнить о Нем, если глядишь на небо.

Не знаю, чего больше было во мне: отчаяния, надежды. Но только, обращаясь к луне, будто через нее Он смотрел на меня. Я взмолился: «Господи! Если Ты действительно есть, Ты же все видишь... Ты знаешь мою жизнь. Помоги мне, не дай погибнуть!...».

Можете думать, что хотите, можете объяснять, что угодно, но звук моих слов еще не растаял в воздухе, как я почувствовал под ногами что-то твердое. Не веря себе, я попытался стать на ноги. И стал. Да, да, я стал на ноги. Здесь, на середине широкой реки, у меня под ногами оказалась земля! Я стоял, потрясенный, еще не смея верить в чудо. И тем не менее, оно было — чудо. Оно спасало меня. Я передохнул, надавил на носок правой ноги — судорога чуть отпустила. Я надавил сильнее, потом размял мускул пальцами свободной руки и судорога отпустила совсем. По грудь в воде, я медленно шел, двигаясь к тому берегу, на который мне надо было выбраться. Прошел несколько десятков метров и стал погружаться в воду поглубже. И уже не было страшно. Во-первых, я отдышался, и, во-вторых, теперь спасительный берег был недалеко. Когда я снова оказался на глубине, я поплыл и легко преодолел оставшееся расстояние. Я был спасен».

— И ты считаешь это чудом? — спросил кто-то из скептиков. — Это просто была отмель.

— Да объясняй как хочешь, — отозвался Савченко с досадой. — Разве в словах дело?

Приближался день суда, и Вася становился все более возбужденным. В вечерние, относительно спокой-

ные, часы, он уже не мог сидеть, рассказывать или слушать других. Он почти непрерывно ходил из конца в конец камеры, обдумывал, рассчитывал, взвешивал что-то. Иногда он подходил к Харлампию и вполголоса о чем-то с ним советовался. Они не были особенно близки до этого, но, конечно, Харламбий, старый лагерник, так же, как и Вася, проведший почти всю свою жизнь на Архипелаге, был именно тем, от кого можно было получить полезный совет.

В последний вечер, перед самым отбоем Вася подошел ко мне и, взяв мои руки повыше локтей, сказал, просительно заглядывая мне в глаза:

— Помолись обо мне, Леван. Хорошо? — При этом он еще крепче сжал мои руки, как мне кажется, даже не замечая этого.

— Хорошо, Вася, — ответил я.

В тот вечер вскоре после отбоя меня вызвали на допрос и спустили обратно около двух часов ночи.

Вася не спал. Он полулежал на своей койке, с широко открытыми глазами, которыми, казалось, пытался заглянуть в свой завтрашний день. Он даже не интересовался, как прошел мой допрос.

Я быстро разделся и лег, надеясь поспать хотя бы четыре часа, но не тут-то было. Как обычно, вызов наверх — хотя к тому времени дело мое явно шло к лучшему — перевернул все в душе. В голове роем пронеслись, крутились, вскипали вопросы следователя, мои ответы, его издевательства и насмешки, упущенные мною возможности язвительных, уничтожающих ответов. В общем, я был не в состоянии уснуть. Не спал и Вася. Не обращая внимания на постукивания в дверной глазок, он стал непрерывно ходить по камере, моментами даже разговаривая с самим собой. У меня создалось впечатление, что он мысленно проговаривал все возможные вопросы судьи и прокурора и свои ответы на них, что он репетировал свою защитную речь...

Много бы я дал, чтоб присутствовать на этом суде. Ведь у Васи тоже было что сказать...

Мне хотелось как-то облегчить ему последние часы перед судом, но что я мог сделать? Я только сочувственно смотрел на него со своей койки и молчал. А он все шагал и шагал взад-вперед, порой подходил к ок-

ну и судорожно, да, именно судорожно, смотрел в начинавшее уже бледнеть небо.

В конце концов я все же задремал, потому что не помню, как он оказался около моей койки, как сел у меня в ногах. Сплю я очень чутко — и тотчас проснулся. Первое, что поразил меня, это совершенно новое выражение его лица. Не скажу, чтобы оно было спокойным. Он был по-прежнему бледен, веки воспалены, туго обтянутые скулы обозначены сильнее обычного, губы и зубы плотно сжаты. Но было что-то в его лице от бойца, который хотя и отрезан от своих, хотя окружен, но не сломлен, сдаваться, складывать оружие не собирается.

Наши взгляды встретились, и вдруг он улыбнулся. Давно я уже не видел улыбки на его лице. Он наклонился ко мне и оглянулся. Соседняя с моей койка была не занята, но на следующей спал человек, не внушавший доверия. Вася нагнулся еще ниже и с неожиданно озорным выражением глаз произнес почти шепотом:

— А все-таки я их запутаю!

Утром, когда его забирали, мы все встали, как принято в тюрьме, чтоб проводить его. Нас в тот день было в камере человек двенадцать. Он обошел всех, всем пожал руки. Был бледен, но пытался улыбаться. Наконец подошел ко мне.

— Перекрести меня, Леван, — сказал он и низко склонил голову.

Я выполнил его желание, прося Господа помиловать его грешную душу.

Дверь открылась, на пороге стоял конвоир. Вася Савченко последний раз обвел глазами камеру, тряхнул головой и вышел в коридор навстречу своей смутной судьбе.

Тбилиси.

Ноябрь, 1980 г.

Биография писателя Левана Хаиндрава складывалась сложно: прожитые на чужбине детство и отрочество, застенки сталинских концлагерей не могли не отразиться в его творчестве. Об этом — публикуемый нами рассказ «Вася Савченко».

«Литературная Грузия» печатает также статью писателя о

Некоторые мысли по поводу современной «сталинианы»

Платон мне друг, но
истина дороже.

Кажое историческое событие имеет свою специфику, свои особенности. Революциям присуща жесточенность противоборствующих сторон. Нет ни одной революции, которая бы не сопровождалась обилием пролитой крови, причем характерно, что борьба против правящего режима после свержения его перерождается в борьбу за власть различных групп внутри победившей партии. Этот процесс приобретает порой гипертрофированные формы, что и породило известное изречение: «Революция пожирает своих дет(еныш)ей».

Вряд ли нужно приводить многочисленные примеры. Достаточно вспомнить английскую революцию XVII века и Великую французскую революцию. Обе унесли большое по тем временам и неоправданное не только с точки зрения морали, но и простого здравого смысла число жертв. Именно потому к революции, как к социально-политическому явлению, несмотря на то, что лозунги ее почти всегда благородны, не сущест-

.....
явлении, им самим названном «сталинианой», — связанном с потоком материалов, посвященных личности Сталина и нашего недавнего исторического прошлого.

Нам показалось интересным такое сопоставление рассказа и статьи.

вует единого отношения: одни ее приемлют, другие категорически отвергают, считая, что цели, провозглашаемые творцами революции, редко (или даже никогда) не оправдывают средств, потребовавшихся для ее осуществления.

К сожалению, революция в России 1917 года не явилась исключением. Она унесла огромное количество жертв и, как это ныне открыто признано, не привела к желанной цели.

Так что же? Нужно ли было нашим отцам и дедам совершать революцию? Думаю, что сейчас, на 72-м году Советской власти ставить этот вопрос нецелесообразно. Надо принять исторический факт таким, каков он есть, и попытаться разобраться в том, что же пережил советский народ (если брать все нации, входящие в состав нашего государства, как единое целое) начиная с 25 октября 1917 года.

Возможны два подхода: человек, берущийся рассуждать на эту тему, приемлет Советскую власть или не приемлет ее.

В данной статье будут анализироваться и оцениваться исторические факты с первой позиции.

Но прежде чем перейти к рассуждениям общего характера, необходима одна существенная оговорка: строки эти пишутся грузинском и потому, во избежание примитивного, но часто звучащего довода, что вот де грузин защищает грузина, скажу вкратце, что значил Сталин для Грузии.

Воистину этот человек — проклятие грузинского народа. При его жизни нам досталось больше всех. Приведу лишь две цифры. С 25 февраля 1921 года по 1 января 1951 года в Грузии было произведено 300 тысяч арестов, то есть репрессировано 10 процентов населения. Такого масштаба репрессий не знает ни одна союзная республика СССР¹. А сколько было репрессировано еще — после 1 января 1951 года?

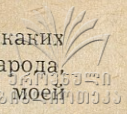
Другая цифра: во время войны с гитлеровской Германией в Советскую Армию в Грузии было мобилизовано 650 тысяч человек, то есть почти 22 процента населения. Эту цифру открыто назвал Э. А. Шеварднадзе в своем докладе по случаю 30-летия победы.

Что это такое, как не геноцид против собственного народа?

Автор этих строк и сам был незаконно репрессирован в 1951 году, но не считает уместным останавливаться на личном, когда речь идет о трагедии миллионов.

---

¹ Я говорю не о высылках, а об арестах.

Так что даже если б за Сталиным не числилось никаких других грехов, кроме его преследований грузинского народа, то и тогда ни о какой защите Сталина как человека с моей стороны не может быть и речи.

Но одно обстоятельство поражает: неумение, а у большинства авторов, пишущих сейчас о Сталине, скорее нежелание, провести грань между моральным аспектом личности этого человека и его деятельностью как государственного, военного и политического руководителя.

Что касается моральной оценки, тут двух мнений быть не может: жестокий тиран, возглавивший с 1924 года режим, истребивший миллионы людей (я умышленно не употребляю слова «неповинных», так как считаю, что миллионы «повинными» быть не могут. Если у режима в собственной стране миллионы врагов, те, кто стоят у власти, должны задуматься: что же такое мы делаем, если у нас столько противников, которых приходится уничтожать? А угодны ли мы вообще народу, над которым взяли власть?).

Но есть другая сторона деятельности Сталина, и тут уместно перефразировать изречение древнего мудреца, взятое эпиграфом к данной статье: «Сталина я отвергаю, но ложь мне ненавистна больше». А ложь или полуправда, порою более опасная, чем ложь, ибо ее труднее распознать, буквально заливают страницы газет и журналов, лживые речи льются с телеэкрана.

Если во времена Сталина любые негативные явления приписывались врагам, а все достижения — вождю, то сейчас, в пору, которую я бы назвал истерическим антисталинизмом, совершается точно такая же ошибка, только с обратным знаком: все плохое приписывается Сталину, а все положительное, что было сделано в его эпоху, делалось, мол, вопреки ему.

Ясно, что ни та, ни другая позиция не приближают нас к осмыслению того поразительного феномена, каким явилось 30-летнее правление Сталина, а порождают очередную путаницу и уводят нас от желанной цели — познания исторической истины. С ложью нельзя бороться при помощи другой лжи, потому что правды тогда не получишь.

Примечательно, что зачастую и прошлые восхваления и нынешняя хула исходят от одних и тех же лиц. Более подробно об этом ниже.

В чем же я вижу фальшь антисталинской, а на самом деле антиисторической вакханалии?

Вот в чем:

1. Неправда, что жестокости начались лишь с 1924 года. 5 сентября 1918 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ульянова-Ленина о создании концлагерей. Шли массовые расстрелы офицеров, дворянства, духовенства, ученых, интеллигенции, крестьян, проституток. Бралась заложники.

В. И. Ленин по этому поводу писал: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную непосредственно на насилие опирающуюся власть»².

И концлагеря, и «тройки», и термин «враг народа» — все эти явления, приписываемые Сталину, появились на самом деле в первые дни после Октябрьского переворота.

«Уже 10 ноября 1917 г. спекулянты объявляются врагами народа (разрядка моя — Л. Х.). А через три месяца, в декрете, подписанном Лениным, дано прямое указание: «Спекулянты... расстреливаются на месте преступления»³.

Если при этом учесть, что право определения кто спекулянт, а кто нет было предоставлено рядовым сотрудникам ЧК или красноармейцам (ведь если «расстреливаются на месте», так и определяются на месте), то легко разглядеть ситуацию, при которой в категорию «спекулянтов» попадали и крестьяне, приехавшие в город менять муку, скажем, на мыло, соль или спички, или дама «из бывших», вынесшая для продажи фамильную брошку, чтоб купить хлеба для своей голодающей семьи.

Еще одна цитата на тему «враг народа».

Декрет Совнаркома: «Объявить всех, имеющих излишки хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты... врагами народа, предавать их революционному суду...»⁴.

А ведь известно, что понятие «излишки» трактовалось весьма расширительно.

Теперь о «тройках». Вот цитаты из тома XXXVII, (стр. 288), «Ленинский сборник», а также из книги «Ленин и ВЧК»⁵,

---

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

³ «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917—1921 гг. Собрание документов». Москва, 1958, с. 95.

⁴ Там же, с. 114—115.

⁵ Там же, с. 288 и с. 404.

«Председателю Совнаркома Ленину.

Петроградская Чрезвычайная Комиссия доводит до Вашего сведения, что Петр Семенович Осадчий (зампред Госплана Л. Х.) был арестован в период последних волнений одной из ревтроек как политически-неблагонадежный».

О концлагерях и применении в них принудительного труда:

«Постановление ВЦИК о праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами. 17 февраля 1919 г.

... § 7. По вопросу о концлагерях выносится следующее постановление: Всероссийской Чрезвычайной Комиссии предоставляется право заключения в концлагерь...»

Председатель ВЦИК Свердлов»⁶.

Из книги об истории ВЧК (1917—1921 гг.) узнаем, что Дзержинский требует: «Кроме приговоров по суду необходимо оставить административные приговоры, а именно концлагеря... Я предлагаю оставить эти концлагеря для использования труда арестованных... Если мы возьмем советские учреждения, то здесь должны быть применены меры такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д....»⁷.

Тоже, как видим, определение весьма расплывчатое, предоставляющее начальнику возможность определять «радеет» его подчиненный или «не радеет». А об опозданиях и говорить нечего при тогдашней работе транспорта. Опоздал на 10 минут из-за того, что не попал в набитый до отказа трамвай — вот и отправляйся в концлагерь.

Еще 31 января 1918 года правительство предписало «принять меры к увеличению мест заключения». Чуть позднее признали необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концлагерях»⁸.

Все эти меры несомненно привели к укреплению Советской власти. Но какой ценой?

В своей весьма обстоятельной и хорошо документирован-

⁶ а) Декреты Советской власти, т. 4, с. 400—402.

б) «Ленин и ВЧК», М., Политиздат, 1987, с. 127.

⁷ «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг. Собрание документов». Москва, 1958, с. 256.

⁸ Там же, с. 386.

ной статье «Правда и истина» в № 4 журнала «Наш современник» за 1988 год известный критик и литературовед В. В. Кожин пишет, что население России, взятой в ее послевоенных границах, «в 1918—1922 годах уменьшилось на 15,1 миллионов человек (из которых примерно 2 миллиона приходится на эмиграцию)».

Притом, как явствует из той же статьи, в эту цифру не попадают 800 тысяч человек, составивших потери в гражданской войне Красной и Белой армий.

Думаю, что справедливо будет вычестить из числа непосредственных жертв революционных действий цифру в 1,5—2 миллиона человек, погибших от страшного голода в Поволжье. Но и тогда получаем цифру в 11 с лишним миллионов человек. Спрашивается: куда они делись?

2. Вторая неправда заключается в том, будто Сталину принадлежит доктрина, что с победой революции и строительством социализма классовая борьба не затухает. Вот что писал в 1919 году В. И. Ленин в своей работе «Экономическая политика в эпоху диктатуры пролетариата»: «Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает новые формы»⁹. И далее: «Пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самым решительный шаг к уничтожению классов и... для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии»¹⁰.

Под мелкой буржуазией, как известно, Ленин подразумевал и крестьянство.

3. Неправда третья заключается в том, что массовые репрессии начались при Ягоде, а продолжались при Берия. Николай Ежов — худший из всех — или не упоминается вовсе¹¹ или почти не упоминается, а когда это все же делается, то весьма неохотно и вскользь. Чего стоят, например, такие слова, появившиеся в одной статье: «Ежов и выродок Берия»? Берия-то, конечно, выродок, а Ежов что же — нет? Но это так,

---

⁹ В. И. Ленин. Соч., 4 изд., М., Госполитиздат, 1950, т. 30, с. 94.

¹⁰ Там же, с. 96.

¹¹ Телепередача «Больше света». Ведущий — народный артист СССР М. А. Ульянов.

птрих, хотя и характерный. Истина же заключается в том, что массовый террор начался по прямому приказу Ленина: «Отвечим красным террором на белый террор» при Дзержинском, что с полной очевидностью явствует из вышеприведенных документов. Можно привести еще такие:

Телеграмма Ливенскому Исполкому, 20.VIII.1918. Ливны, Исполкому. Копия военкому Семашко и организации коммунистов.

«Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и не упускать ни минуты организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба».

Предсовнаркома Ленин»¹².

Еще один документ.

Телеграмма Совнаркому Украины, 26.V.1919.

«Декретируйте и проводите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку. Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень»¹³.

И еще:

Нижегородский Совдеп. 9.VIII. 1918.

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проститутток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления. Надо действовать всюду: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных»¹⁴.

Продолжим о терроре. Почему-то нигде не упоминается Менжинский, унаследовавший после смерти Дзержинского в 1926 году руководство органами ОГПУ—НКВД. А ведь дела

---

¹² В. И. Ленин. Соч., 4 изд., М., Госполитиздат, 1950, т. 35, с. 292.

¹³ Там же. Т. 35, с. 329.

¹⁴ Там же. Т. 35, с. 286.

«Промпартии» и «Крестьянской партии» были состряпаны именно в его период (1930—1934 гг.). Недавно профессор А. В. Чаянов и его товарищи по несчастью реабилитированы, как и Л. К. Рамзин (этот последний, к счастью, еще живым, до войны), а о Менжинском нигде ни слова. Почему бы это? Ведь для истории нет и не может быть неприкасаемых личностей.

О следующих неправдах или полуправдах мне писать особенно трудно, потому что речь пойдет о Берия, еще успевшем в 1953 году отказать мне в пересмотре моего «дела», состряпанного тбилисским филиалом его банды: Н. М. Рухадзе, П. В. Куцава, В. И. Шарашидзе и прочими, но коль скоро я положил в основу принцип «истина дороже», то:

4. Неправдой нужно признать умалчивание того факта, что, придя к руководству НКВД в декабре 1938 года, Берия начал массовые пересмотры дел и освобождения невинно пострадавших. В сутки в отдельных исправительно-трудовых колониях и лагерях освобождали по несколько десятков человек. Освобождения прекратились в ночь с 29 на 30 ноября, когда началась война с Финляндией.

5. Полуправда, и даже хуже, чем полуправда, состоит в том, что так называемое «Ленинградское дело» приписывают Берия, тогда как известно, что дело это организовано Суловым и Маленковым.

6. Неправда и когда замалчивают, что, оказавшись после смерти Сталина фактическим главой государства, Берия первым делом реабилитировал врачей и объявил амнистию, в том числе и по 58-й статье.

Теперь поговорим о других деятелях.

7. За последнее время в публицистических выступлениях, да и в литературных произведениях, появилась тенденция превозносить Орджоникидзе. Видимо, авторы, явно перегибая с хулой Сталина, хотят показать, что они отнюдь не против грузин вообще, — вот, мол, как я отзываюсь об Орджоникидзе. Ничего не может быть наивнее и вместе с тем фальшивее такой позиции.

Серго Орджоникидзе является не очень-то безобидной фигурой грузинской политической жизни XX века.

Конечно, нельзя забывать о том, что его (и Дзержинского) резко критиковал В. И. Ленин, назвав «великодержавным держимордой».

Надо разобраться, какова была роль Орджоникидзе в со-

ИЗДАНИЕ
1988

бытиях 1921 года и в трагедии грузинского народа в 1924 году, в которой он участвовал. По его собственному признанию, на октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1924 г. им и его помощниками осуществлены массовые расстрелы.

8. А разве достоин панегириков С. М. Киров? Его пытаются канонизировать (хотя бы тот же А. Рыбаков в «Детях Арбата»), умалчивая, что он был первым сталинским клеветником и подпевалой, требовал расправы над ныне реабилитированными Бухариным, Рыковым, Розенгольцем и прочими¹⁵.

9. И правомерно ли с юридической точки зрения, что, реабилитировав всю группу, не реабилитировали Ягоду? Ведь он был осужден и расстрелян не за то, что руководил преступными органами ОГПУ—НКВД и участвовал в уничтожении сотен тысяч неповинных людей, а за соучастие в «право-троцкистском блоке», которого, как выяснилось, вовсе не существовало и, следовательно, со стороны Ягоды отсутствовало «событие преступления».

10. Кстати о Н. И. Бухарине. Какая фальшь в попытках представить его таким благородным, прекрасодушным интеллигентом, тогда как всякому пишущему о нем должно быть известно (если берешься писать), что Бухарин — главный организатор печально-памятного РАППа — был ярким гонителем выдающегося русского поэта С. Есенина, травил его при жизни и поносил после смерти¹⁶. Вот что пишет «прекрасодушный интеллигент» Бухарин о Есенине: «Говорят о нем: крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей неприспособленности. Не совсем так, милые друзья. Крестьяне бывают разные. Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца» в лаковых сапожках, с шелковым шнурочком на вышитой рубаше. «Ухарь» припадает сегодня к ножке «Государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести свой вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно-русская» картина. Идеино Есенин представляет самые стрица-

¹⁵ «Литературная газета», № 4, 27 января 1988 г., с. 3.

¹⁶ Газета «Правда», январь 1927 г. «Злые заметки». Автор «Заметок», он же редактор «Правды» — Н. И. Бухарин.

тельные черты русской деревни и так называемого «национального характера»¹⁷.

И такое пишется о великом поэте, по которому Россия скорбит до сих пор.

Но и это кажется пустяком по сравнению с тем, что провозглашает «выдающийся теоретик», «любимец партии», «прекраснодушный интеллигент» Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода» (1920 г.): «Расстрелы являются одной из форм становления коммунистического общества». И еще: «Без массовых репрессий и расстрелов нам коммунизма не построить». Каково?

11. Еще одна большая неправда заключается в том, что вся вина за ужасы коллективизации и раскулачивания взваливается на одного Сталина, а ведь тогда (1928 — начало 30-х годов) он еще не добился неограниченной власти. Разве не помогали ему, и крепко помогали в этом, Киров, Орджоникидзе, Молотов, Калинин, Каганович, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Жданов и, конечно же, Я. А. Яковлев, занимавший в ту пору (с 1929 по 1934 год) пост наркома земледелия СССР и одновременно председателя Совета сельскохозяйственных коллективов СССР («Колхозцентр»)¹⁸.

А на местах орудовали местные Иуды: бездельники, пьяницы, приспособленцы, доносчики.

Кстати, если уж говорить о колхозах, то следует упомянуть, что В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы все работали по одному общему плану, на общей земле»¹⁹.

Вот где истоки будущей сплошной коллективизации. Ведь еще в 1918 году по указанию Ленина «коллективным хозяйствам земля отводилась в первую очередь, инвентарь в их пользу отчуждался от зажиточных крестьян бесплатно, а от середняков и бедняков за плату, не превышающую твердых цен, то есть за символический выкуп» (В. Селюнин, «Истоки», «Новый мир», № 5, 1988 год). И дальше тот же автор пишет: «Несмотря на явные выгоды (лучшая земля, бесплатная передача инвентаря), крестьянин в эти объединения не шел. Все же в короткий срок удалось создать (разрядка моя — Л. Х.) бо-

---

¹⁷ Цитирую по выступлению Юрия Прокушева на Пленуме Союза писателей СССР, опубликованном в «Литературной газете».

¹⁸ Более подробно о Я. А. Яковлеве см. статью «Правда и истина» В. В. Кожина, «Наш современник» № 4, 1988 г.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 297.

314135740
31321110333

лее 5 тысяч совхозов и около 6 тысяч колхозов». Каким способом «удалось создать», если крестьянин в эти объединения «не шел», предоставляю судить читателю.

Почему же мужик-крестьянин не хотел работать в этих колхозах и совхозах, размышляет В. Селюнин и приходит к выводу: «Потому что его интерес игнорировался — ставка была сделана на грубую силу. Как мне представляется, здесь глубинные истоки многих трудностей, пережитых страной» (там же).

Размышления, заслуживающие того, чтобы к ним отнестись со всей серьезностью.

✓ А Троцкий, как известно, смотревший на народы России как на навоз для удобрения нивы грядущей мировой пролетарской революции, вообще еще в 1920 году на IX съезде партии предложил поставить рабочих и крестьян в положение мобилизованных солдат (труд-армии). По его мысли, каждый должен считать себя «солдатом труда, который не может собою свободно располагать. Если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают»²⁰.

12. Разве соответствует исторической истине то, что Сталин, вопреки установкам Ленина, ликвидировал НЭП? Ведь всем известно ленинское утверждение, что НЭП есть временное отступление. Мы знаем, что положение с НЭПом зашло в тупик. Или надо было сползть с позиций социализма, то есть возвращаться к капитализму, или приходилось теми же самыми методами, которые практиковались при Ленине в 1918—1922 годах, иными словами, с беспощадной жестокостью искоренять и подавлять частнособственнические тенденции крестьян. Не секрет, что к 1928 году крестьяне окрепли настолько, что уже начали отказываться от продажи хлеба государству. Деньги обесценивались, потому что на них ничего нельзя было купить.

13. Разве невдомек авторам, упрекающим Сталина за ускоренную индустриализацию, что по сложившемуся к 30-му году международному положению стало ясно: войны и, может быть, одновременно на Западе и на Востоке, не избежать? В Германии рвались к власти национал-социалисты, получавшие не только молчаливое одобрение, но и финансовую поддержку от реакционных кругов Запада и приобретающие все большее и

---

²⁰ «Девятый съезд РКП(б). Протоколы», М., Госполитиздат, 1960, с. 92.

большее влияние. (Зачем умалчивается, что на последних свободных, то есть многопартийных выборах в Германии национал-социалисты получили абсолютное большинство в власти вполне конституционным путем?). В Японии беспрерывно и грозно бряцали оружием милитаристы, к началу 1932 года захватившие Маньчжурию. Только слепой мог не видеть, что над советским Приморьем, да и вообще над всем советским Дальним Востоком нависла смертельная угроза. Ведь буквально недели не проходило, чтобы кто-нибудь из японских государственных деятелей не выступил с агрессивными призывами против СССР. Одни речи генерала Араки, главы реакционнейшей японской милитаристской организации «Черный Дракон», чего стоили! А ведь он одно время был военным министром японского кабинета. Араки прямо требовал захвата не только Приморья, Приамурья и Забайкалья, но и уничтожения большевизма.

Можно ли было в такой обстановке, стоя во главе Советского государства, не бросить все силы на усиленную индустриализацию страны в кратчайшие сроки? Тысячу раз был прав Сталин, на XVI съезде ВКП(б) сказавший о положении, в котором тогда находился СССР, со всей ответственностью, на которую способен государственный деятель такого масштаба: «Мы отстаем от передовых держав на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет или нас сомнут».

А сейчас некоторые авторы, причем иные с высокими научными степенями, с наивным видом, который может ввести в заблуждение только простака или человека вовсе невежественного, утверждают, что следовало продолжать НЭП, то есть по существу оставить страну безоружной перед могущественными противниками и на Западе и на Востоке.

14. Неправда (а вернее та самая полуправда, которая хуже прямой лжи), что только Сталин виноват в неподготовленности СССР к войне, которую он всеми силами старался оттянуть. Да, он допустил тяжелые ошибки. Главное — это массовые репрессии против высших военных кадров, в чем, увы, ему помогали сами военачальники. Достаточно упомянуть ныне общеизвестный факт, что под смертным приговором Тухачевского, Якиру, Уборевичу и другим членам этой группы стоят подписи Блюхера, Шапошникова. Да что-то не слышно, чтоб другие, столь прославленные ныне военачальники, не замаравшие себя подписями под смертными приговорами своим боевым товарищам, проголосовали, скажем, на партсобраниях в своих

частях против исключения из партии невинно-обвиненных, казались бы «клеить позором» «врагов народа».

Основная же ошибка Сталина в отношении предстоящей войны и ее сроков заключается в том, что он переоценил Гитлера, человека в военном отношении отнюдь не бесталанного, но авантюристичного и маниакально уверенного в собственной непогрешимости. Но, по совести говоря, какому разумному человеку могло придти в голову, что Гитлер, оставив у себя в тылу несломленную Англию, получавшую к тому же непрерывно нарастающую помощь от США с их буквально неограниченными экономическими и производственными возможностями, ринется в безумную авантюру против СССР? В данном случае Гитлера можно сравнить с одним выдающимся шахматистом, который в пору своих блистательных успехов сказал, что он обычно ищет не самый сильный, а самый неожиданный для противника ход. Но так можно выиграть партию, две, а серьезный матч выиграть невозможно, что и показала дальнейшая судьба этого шахматиста. То же произошло в противоборстве Гитлер — Сталин.

15. И уж вовсе лжива версия, будто Сталин так растерялся, узнав о нападении Германии, что три дня не показывался. Маршалы Жуков, Василевский и другие, общавшиеся с ним в те дни, дают совершенно иную картину поведения Сталина, хотя у Жукова не было оснований любить Сталина.

16. А разве добросовестно, когда замалчивают поразительное по прозорливости выступление Сталина по радио 3 июля 1941 года, в котором он буквально пророчески предсказал ход и исход войны? Просто комично выглядит на этом фоне утверждение генерал-полковника Д. Волконогова («Правда», 20 июня 1988 г., «Накануне войны»), что «Сталин не обладал даром предвидения, способностью приподнять завесу и «заглянуть за горизонт».

Адмирал флота СССР И. С. Исаков, который судит о Сталине не «на основе анализа конкретных фактов того времени» (выражение Д. Волконогова), а на основе личного общения и деловых встреч со Сталиным, сообщает нечто прямо противоположное.

Однажды, когда он в разговоре со Сталиным посетовал, что без обладания Южным Сахалином советский Тихоокеанский флот находится как бы в мышеловке, так как не имеет выхода

в океан, Сталин, усмехнувшись, сказал: «Подождите. Будет вам Южный Сахалин»²¹.

И это говорилось в середине 30-х годов, когда в пору было думать о том, как уберечь Владивосток и вообще Приморье.

17. В той же статье Д. Волкогонов, «пытаясь проникнуть в духовный мир Сталина», считает что «упорство «вождя» (кстати, почему кавычки? Разве Сталин не был вождем советского народа? Это ведь не почетное звание, а констатация факта) питалось чрезмерной уверенностью в себе, отсутствием мужества признать ошибочность своего решения...».

И снова Д. Волкогонов вступает в противоречие с адмиралом И. С. Исаковым, который отмечает (там же — Л. Х.), что Сталин «демонстрировал... способность сказать о своей ошибке или заблуждении, сказать самому».

Примерно то же говорит и маршал К. К. Рокоссовский: «Если мне удавалось обосновать свою точку зрения, Сталин всегда соглашался со мной»²².

Не раз об этой же черте характера Сталина пишут и Жуков, и Василевский, и министры Шахурин, Ванников и другие, близко общавшиеся с ним люди.

18. Несправедливо, бесчестно и неумно, когда пытаются умалить роль Сталина как Верховного Главнокомандующего, приписывая Г. К. Жукову роль главного победителя в войне. Все, кто близко сталкивался со Сталиным по работе в Ставке и Государственном Комитете Обороны, в том числе и сам Жуков, единодушно признают его решающую роль в победе над Германией.

«Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» — пишет Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»²³.

Некоторые авторы в ослеплении своей изуверской ненависти к Сталину дописались до того, что война была выиграна «вопреки» ему. Подобное утверждение может вызвать лишь улыбку. Не надо быть Клаузевицем или Драгомировым, чтоб понимать, что вопреки Верховному Главнокомандующему

---

²¹ Цит. по К. Симонову. «Глазами человека моего поколения». Беседы с адмиралом флота И. С. Исаковым. Журнал «Знамя», № 5, 1988 г.

²² Адмирал флота Н. Г. Кузнецов. «Курсом к победе». М., Воениздат, 1987, с. 417.

²³ Том I, с. 346, М., АПН.

война выиграна быть не может. Войну можно выиграть только благодаря Верховному Главнокомандующему, тем более такому, каким был Сталин с его железной волей, хладнокровием, способностью учиться и других учить на ошибках и умением, как высказался маршал Василевский, «глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военное решение»²⁴. Тот же Василевский признает: «Он обладал гениальным умом»²⁵. Уместно привести еще одно высказывание маршала Василевского из той же публикации: «Во многих случаях, и чем дальше, тем чаще, Сталин умел правильно и глубоко решать стратегические оперативные вопросы и подсказывать наиболее верные решения. И говоря о нем, этого тоже не следует упускать из виду».

А вот высказывания видных иностранных деятелей, которые, в отличие от Д. Волкогонова, составили свое мнение о Сталине не «на основе анализа конкретных фактов того времени», а на основе личных деловых контактов и которых никак не назовешь «сталинистами».

Премьер-министр Великобритании во время войны Уинстон Черчилль: «В истории было много завоевателей, но лишь немногие из них были государственными деятелями и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за войнами, рассеивали плоды своих побед. Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру»²⁶.

Видный деятель демократической партии и посол США в СССР во время войны Аверелл Гарриман отмечает, что Сталина отличали «глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров»²⁷.

---

²⁴ Цит. по К. Симонову «Глазами человека моего поколения», журнал «Знамя», № 5, 1988 г.

²⁵ Там же.

²⁶ У. Черчилль. Вторая мировая война, М., Госполитиздат, 1955, т. 6, кн. 2, глава 2, с. 345—346.

²⁷ В. М. Бережков. «Страницы дипломатической истории» М., изд-во «Международные отношения», 1987, с. 308.

И еще одно, пожалуй, самое поразительное высказывание того же У. Черчилля. Но сперва в двух словах об обстоятельствах этой его — первой — встречи со Сталиным: август 1942 года, немцы под Сталинградом. Положение выглядит катастрофическим. Черчилль садится в самолет и летит в Москву, чтобы лично выяснить — устоит СССР или рухнет. К тому же ему предстоит сообщить Сталину, что обещанный второй фронт в этом году открыт не будет, а вместо этого союзниками назначена операция «Торч» — высадка англо-американских войск в Северной Африке.

В первый момент, выслушав это сообщение, Сталин, естественно, в восторг не пришел. Он нахмурился и задумался, но вскоре лицо его просветлело. Далее предоставим слово Черчиллю: «Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества «Торч». Он перечислил четыре основных довода в пользу «Торч»... Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно»²⁸.

19. Весьма характерно, что меньше всего пишется «ниспровергателями» Сталина о его ведении международных дел, и оно понятно, потому что это самое слабое место разворачивающейся ныне антисталинской кампании. Делаются, однако, попытки объявить ошибкой даже пакт о ненападении с Германией в августе 1939 года, который-де развязал Гитлеру руки. На самом деле как раз наоборот: он связал на определенное время Гитлеру руки в отношении СССР. Тем самым, не побоюсь этого слова, наша страна была спасена от военного разгрома. О том, что СССР был не готов к войне (и не мог быть готов, потому что после опустошительной гражданской войны, в результате которой страна лежала в развалинах, прошло меньше 20 лет) лучше всего показала бесславная война с Финляндией. К тому же всякому, кто хотя бы поверхностно знаком с историей XX века, известно, что соглашение 1938 года в Мюнхене и предательство Чехословакии Англией и Францией буквально подталкивали Гитлера на Восток, открывая ему дорогу для пресловутого «дранг нах Остен». Сталин же своим договором о ненападении с Германией отодвинул войну на два года и

---

²⁸ У. Черчилль. «Вторая мировая война», т. 4, с. 474.

вынудил воевать с ней западные державы. Не будь этого пакта о ненападении, войну на два фронта получил бы не Гитлер, а Советский Союз — потому что продолжала нарастать японская угроза. Чем могла кончиться такая война, начнись она в 1939 или 1940 году, — предоставляю судить читателю и при этом учитывать, что Гитлер имел бы обеспеченный тыл, а может быть, даже поддержку со стороны капиталистических государств Запада.

И рассуждая сейчас о международных делах того периода, неверно делать нид, что всех этих обстоятельств не существует.

Говоря о предвоенной политике Советского Союза, нельзя не отдать должное еще одному гениальному дипломатическому маневру Сталина — пакту о ненападении с Японией весной 1941 года, в какой-то мере (потому что полностью на подписывающихся полагаться было нельзя) обезопасившему дальневосточные рубежи нашей Родины и сделавшему так, что неизбежная война с Японией началась в удобные для нас, а не для нее сроки.

В отношении политики Сталина во время войны имеются свидетельства таких компетентных лиц, что лучше не следовать неудачному примеру Д. Волкогонова и не судить о феномене Сталина «на основе анализа конкретных фактов того времени», а предоставить слово тем, кто имел с ним общение.

Но прежде, дабы меня не обвинили в том, что все достижения на этом поприще я, повторяя в обратном смысле ошибку тех, с кем полемизирую, приписываю Сталину, приведу одну небольшую цитату. Вот что пишет Аверелл Гарриман в своем отчете президенту Рузвельту: «Не может быть никакого сомнения, что Сталин единственный человек, с кем можно иметь дело по вопросам внешней политики. Разговоры с другими, без предварительных инструкций от Сталина по обсуждаемым вопросам — почти полная потеря времени»²⁹.

Пусть читатель простит меня за многочисленные цитаты, порой пространные. Но право же, они представляют немалый интерес. А посему снова сошлюсь на них.

А. А. Громыко: «Сталин относился к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки...»³⁰.

²⁹ Роберт Шервуд. «Рузвельт и Гопкинс», т. I, с. 611—612.

³⁰ Здесь и дальше: А. А. Громыко. Памятное. М., Политиздат, 1988, с. 202 и др.

«Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях... Одним словом, Сталин был образованным человеком и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль».

«Когда в ходе заседаний говорил Сталин — выступал он, как правило, с непродолжительными заявлениями — все присутствующие в зале ловили каждое его слово. Он нередко говорил так, что его слова резали слух обоих лидеров западных держав (Черчилля и Рузвельта—Л. Х.), хотя сами высказывания по своей форме вовсе не были резкими, тем более грубыми — такт соблюдался. То, что заявлял Сталин, плотно укладывалось в сознании тех, к кому он обращался...».

«Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно точно понял какое-то существенное высказывание своих партнеров по конференции. Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускали. Во время заседаний в Ливадийском дворце я, возможно, яснее чем когда-либо раньше понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек. Сталин уверенно направлял деятельность советской делегации. Эта уверенность передавалась всем нам...».

«Личность Сталина вызывает и будет вызывать на протяжении десятилетий, а, возможно, столетий, разные суждения, в том числе противоречивые. Человек большого масштаба — он несомненно явление истории».

А вот что говорил о Сталине президент Рузвельт своему сыну:

«Что он за человек? Как тебе сказать?.. У него густой, низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив. В общем производит сильное впечатление. — Он тебе понравился? — Отец решительно кивнул головой»³¹.

И еще высказывание Рузвельта: «Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. — Отец говорил медленно и задумчиво. — Работать с ним — одно удовольствие. Никаких околичностей. Он обсуждает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется»³².

³¹ Эллиот Рузвельт. «Его глазами», М., 1947, с. 179.

³² Там же. С. 186.

4695340
202-111033

Напоследок цитата самая пространная, но и самая много-значительная: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавил непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли; резким, жестоким и беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить».

Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора, сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех стран и народов. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трагические моменты, а также в торжественные моменты, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзии. Он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своих врагов уничтожал руками своих же врагов и заставил нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим диктатором, не имевшим себе равных в мире. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народ не забывают»³³.

20. Утверждают, что во время войны страной руководил ЦК ВКП(б). Общеизвестно, что ЦК состоит из членов Политбюро, секретарей ЦК, некоторых важнейших министров и пер-

³³ «Ежегодник Британской Энциклопедии», Лондон, 1969. «Текст выступления Уинстона Черчилля в Палате Лордов в декабре 1969 г. в связи с 90-летием со дня рождения И. В. Сталина.

вых секретарей союзных республик, крайкомов и обкомов. Что же все эти люди всю войну просидели в Москве, а не занимались своими прямыми обязанностями по месту работы?

21. Неправда, когда говорят, что партия, вопреки Сталину, сделала то-то и то-то. Как теперь признано, партия в значительной степени была засорена и сейчас еще не очистилась от раболовных карьеристов, подхалимов, приспособленцев и всяких прохвостов и аферистов (см. уголовную статистику осужденных за разные махинации, приписки, хищения и пр.), для которых принципы — ничто, а важно лишь собственное благополучие. Они всегда единогласно голосовали за все, что бы ни было предложено с высокой трибуны. Среди этой массы тонули чистые, идейные люди. Если б это было не так, разве дошли бы мы до того состояния, в котором находимся сейчас?

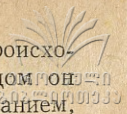
22. Теперь об утверждении, будто Хрущев и партия «мужественно» разоблачили на XX съезде «культ личности».

Во-первых, всякому понятно, что партия не имела и не могла иметь никакого отношения к содержанию доклада Хрущева. Никто из рядовых членов партии и даже членов ЦК не знал о содержании доклада, пока он не был оглашен.

Что касается «мужества», то тут я должен сказать следующее: у нас в Грузии мужеством всегда считалось и считается встречать лицом к лицу во много раз превосходящего численностью врага и побеждать его или самому погибать в честном бою. Когда же начинают поносить человека, умершего за три года до того, человека, перед которым дрожали и раболопствовали 30 лет и в деяниях которого принимали самое активное участие и те же люди становятся совсем «храбрыми» через 35 лет после его смерти — для этого имеется другое определение.

Можно было бы еще говорить о мужестве Н. С. Хрущева, если бы он рассказал XX съезду о собственных преступлениях: о том, как подверг репрессиям две крупнейшие парторганизации — московскую и украинскую. Но «храбро» поносить мертвых и столь же «храбро» молчать о собственных делишках...

23. А разве не фальшь, не лицемерие, когда сейчас видные деятели литературы, искусства, науки вопиют, будто не знали, не понимали того, что делалось в стране, и что лишь после XX съезда им открылись глаза? Это ложь, потому что в противном случае пришлось бы признать гением, величайшим мудрецом и провидцем одного моего родственника (да и многих других моих земляков), еще в 1948—1949 годах открывшего

мне, новоприезжему, глаза на все, что происходило и происходит в стране с самого начала. А ни гением, ни мудрецом он не был. Это был скромный человек со средним образованием, бухгалтер в одном из учреждений. И вот он все знал и все понимал, а И. Эренбург, М. Шагинян, А. Твардовский³⁴ и прочие «инженеры человеческих душ» не знали и не понимали?

Я здесь касаюсь только внутренних вопросов, а если б затронул темы, выходящие за пределы нашей страны, разве не нашлось бы еще двадцати и больше пунктов? Вспомним хотя бы Венгрию, Чехословакию, Афганистан, Анголу, Мозамбик, Эфиопию, Кампучию и т. д.

Ложь так въелась в поры нашего общества, так пронизала своими метастазами всю жизнь страны...

Моисей, выведя евреев из Египта, 40 лет водил их по пустыне, чтобы все, кто помнил себя рабами, успели умереть, и в землю обетованную пришли люди, ощущавшие себя свободными. Великая мудрость!

Но что делать сейчас с почти 300-миллионным народом, который, кажется, вообще забыл, что такое правда?

Один умный человек сказал: «Если человечество пойдет по этому пути, оно потеряет способность морального суждения». Увы, боюсь что он оказался прав. И сейчас, вместо того, чтоб оглянуться на весь путь, пройденный страной с самого начала, искусственно сужают временные рамки определенным периодом и, вместо того, чтобы всем миром покаяться в постыдном малодушии (в «Мастере и Маргарите» Христос с Голгофы велит передать Пилату, что один из самых страшных грехов это малодушие), пытаются свалить все на одного, пусть и гигантских масштабов человека.

Какая удобная позиция! Он один виноват во всем, а мы — невинные овечки, мы все ему подчинялись. Следуя подобной логике, можно договориться до того, что и суд в Нюрнберге был неправомочен. Ведь к тому времени Гитлер был уже мертв,

---

³⁴ Да, увы и Твардовский тоже. Прочтите письмо редколлегии журнала «Новый мир», опубликованное в «Литературной газете», Борису Пастернаку в связи с его романом «Доктор Живаго», письмо, которым началась ожесточенная травля поэта, приведшая к его преждевременной кончине. Первой под этим письмом стоит подпись Твардовского. А ведь Сталина уже не было в живых, и XX съезд состоялся.

а все сидевшие на скамье подсудимых подчинялись ему. Так что же — зря их судили?

И вот теперь, наряду с людьми серьезными, которым действительно есть что сказать, всякий, кому не лень, считает своим долгом твякнуть на такую огромную личность, какой был Сталин.

М. Шолохов метко выразился: «Был культ, но была и личность». А вообще говоря, этот термин «культ личности» есть не что иное, как умышленное смешение понятий. Практика нашего существования показывает, что нам более пристало говорить о «культе кресла», а культ личности возник потому, что в кресле сидела личность.

Ведь и сам факт, что с ним, мертвым, борются 35 лет, борются недобросовестными средствами и одолеть никак не могут, — разве не говорит о его величии? Мрачном, зловещем, но величии.

И как жалко выглядят на этом фоне попытки авторов вроде Самсонова, Бестужева-Лада, Эрнста Генри — имя же им легион — попытки из слона (вернее из тигра) сделать муху.

А. М. Самсонова, кстати, с фактами в руках публично уличил во лжи известный писатель И. Стаднюк.

Вот почитайте, что пишет А. М. Самсонов в брошюре «У стен Сталинграда» (Воениздат, 1952 г.): «В ходе этого сражения Советская Армия, возглавляемая гениальным полководцем и великим вождем И. В. Сталиным, проявила высокие морально-боевые качества».

В журнале «Вопросы истории» № 5 за 1950 г.: «И. В. Сталин, возглавив вооруженную борьбу советского народа против фашизма, своим мудрым и твердым руководством обеспечил разгром врага под Сталинградом...». Далее: «В этой же битве выявилась несокрушимая мощь Вооруженных Сил СССР, превосходство сталинской военной науки и военного искусства и полководческий гений И. В. Сталина». И еще там же: «В ходе этого сражения Советская Армия, возглавляемая гениальным полководцем и великим вождем И. В. Сталиным, проявили...» и т. д. И даже еще в 1981 г. в брошюре «Поражение вермахта под Москвой» (издательство «Московский рабочий») А. М. Самсонов утверждает то же.

А вот теперь академик А. М. Самсонов, не испытывая, видимо, ни малейшего стыда, пишет в публичном ответе на письмо водителя И. Карасева следующее: «...Все успехи, достигнутые партией и народом, неправильно связывать с именем

4495321
35213221111133

Сталина, приписывая ему качества «гениального вождя народов», «великого полководца». По моему убеждению, Сталин был ни гениальным вождем, ни великим полководцем»³⁵

Позволительно спросить: когда лгал академик А. М. Самсонов — прежде или теперь? Вернее всего, и сейчас и прежде. Просто ветер подул в другую сторону...

Но «единожды солгавши — кто тебе поверит?»

Когда пытаешься охватить мысленным взором по возможности всю картину нынешней «сталинианы», бросается в глаза одна чрезвычайно примечательная особенность: все без исключения люди, которые лично общались со Сталиным, кто имел с ним деловые контакты, в том числе государственные руководители, как отечественные, так и зарубежные, маршалы и генералы, дипломаты и деятели культуры, такие, как Поль Элюар, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Эмиль Людвиг, Луи Арагон, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, дают высочайшую оценку его способностям, эрудиции, вкладу в дело победы и прогресса нашей страны.

По другую сторону очень четко очерченной линии находятся те, кто судит о нем «на основании анализа конкретных фактов того времени», порой извращая или передергивая их, и таким образом делают (искренне или нет — другой вопрос) совершенно иные выводы. Эти люди ослеплены ненавистью, а ненависть препятствует серьезному, вдумчивому, глубокому и объективному осмыслению такой проблемы, как феномен Сталина. Но не следует забывать, что история будет писаться не только у нас, но и зарубежными историками, свободными от нездоровых эмоций, которым подвержены некоторые наши авторы, и пользоваться они будут не менее достоверными и обширными материалами, которыми заграничные фонды располагают в более чем достаточном количестве.

Вот какую точку зрения высказывает, например, известный американский ученый-советолог профессор Де Джонг, работавший в прошлом в Оксфордском университете, а ныне в университете в Хьюстоне (штат Техас): «...считаю необходимым напомнить, во-первых, о том, что ни Французская революция, ни Наполеон, ни кто другой не сделали в истории столько, сколько сделал он. (Сталин — Л. Х.). Ведь и после 1917 года

---

³⁵ Все высказывания А. М. Самсонова цитирую по статье И. Стаднюка «Право на поиск истины». «Социалистическая индустрия» от 14 июня 1987 г., № 136.

Россия долго не менялась. А он действительно преобразовал ее, поставил на путь, по которому она шла сорок лет, да, пожалуй, идет и до сих пор. Во-вторых, считаю, что с его именем неразрывно связано существование всех нас. Победы Гитлер СССР, уже не было бы русских. Но не было бы уже и французов, англичан, американцев. Как хотите, он гениален еще и потому, что сумел сделать в годы последней мировой войны своими союзниками и англичан, и американцев, и французов. Самая опасная ошибка допускается тогда, когда думаешь, что политику можно строить на личных отношениях. На это рассчитывал Черчилль, самонадеянно полагая, что познакомится со Сталиным и сделает его своим поклонником. Сталин же сумел и Черчилля и Рузвельта заставить следовать линии, начертанной им».

Слова эти приводит критик и литературовед Александр Овчаренко в своем очерке «Три поездки в США»³⁶.

Возникает вопрос: в чем причина такой антисталинской вакханалии? Я не хотел бы никого обидеть, но если уж высказываться по столь важному вопросу, то с полной откровенностью. Так вот, я глубоко убежден, что одни не могут простить Сталину, что он — сын малого народа — возглавил огромную страну в самый критический момент ее истории и привел к победе в величайшей и ожесточеннейшей из войн, какие знает человечество. И чувства их можно понять.

Другие не могут простить ему Троцкого, Зиновьева и Каменева. Это вопрос очень деликатный, и я не буду его развивать, чтоб не лить воду на мельницу тех, с кем мне никак не по пути.

Третьи — люди, которые лично пострадали во времена Сталина (напоминаю, что автор этих строк находится в их числе), или у кого погибли родители, близкие, и они не могут простить ему своих страданий. Их можно понять вдвойне.

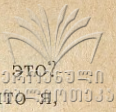
Но это все эмоции, а эмоции плохой советчик для трезвого осмысления и серьезного научного анализа важной исторической проблемы.

Есть и четвертые... Но тут уж никакой загадки нет. Они из весьма многочисленной и, увы, невероятно жизнестойкой партии КВД (Куда Ветер Дует). О них достаточно сказано выше.

---

³⁶ Журнал «Наш современник», 1987, № 4—5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечитал я написанное и задал себе вопрос: что это? Защита Сталина и сталинизма? Неужели случилось так, что я, совсем недавно относившийся непримиримо к этому явлению, теперь оказался его защитником?

Ни в коей мере!

Просто за истекшие месяцы довелось прочитать такие груды, такие горы лжи, фальши, передержек, искажений, а то и прямой клеветы на этого человека (а ведь одной правды достаточно, чтоб осудить его за очень и очень многое), что возникло чувство элементарной справедливости. Правду нельзя защищать ложью.

И еще одна мысль невольно приходит в голову: если нужно столько лжи, чтоб «ниспровергнуть» его, так ли уж все обстоит на самом деле? Документы? Но ведь были документы и для оправдания всего, что делал этот человек за годы своего правления. Какая гарантия, что спустя еще несколько десятилетий не появятся другие документы, которые выявят иную картину былого? При нашем отношении к истории и такое возможно.

Строки эти — не защита Сталина. В том, в чем он действительно виноват — никакая защита ему не поможет. В том, в чем он велик — никакая защита ему не требуется.

Ведь если были продолжение страшного террора, раскулачивание, удручающий моральный гнет и подавление всех свобод, то была и сказочно-быстрая индустриализация, технический прогресс, вооружившие страну, была победа в войне, было выдвигание нашего государства на самые первые роли в мире. Хлеб не покупался за границей, ежегодно снижались цены и озорные юноши-иностранцы, летчики-любители не сажали свои самолеты среди бела дня прямо на Красной площади.

Так что же, не могла обойтись Советская власть без того режима, который существовал в стране с 25 октября 1917 года и до 1985 г.? На этот вопрос пусть каждый ответит себе сам по своей совести и разумению.

Строки эти, повторяю, не защита Сталина. Они — защита исторической истины, а истина, горькая истина, заключается в том, что вот такова была наша система, основанная Лениным, поднятая до своего апогея Сталиным и доведенная Хрущевым и Брежневым до ее нынешнего состояния, когда выяснилось, что нет буквально ни одной сферы в жизни нашей страны, которая бы действовала как надо.

Другой Советской власти ни у нас, ни еще где-либо не существовало. И рассуждать сейчас о том, что было бы, если б чего-то не было — занятие бессмысленное.

Надо лишь пожелать успеха тем, кто предпринимает в настоящее время усилия, чтоб вывести нашу страну из того тупика, в котором она оказалась, и делать каждому все, чтоб им помочь. Но для этого и нашим руководителям необходимо со всей ясностью осознать одну основополагающую истину, что не люди существуют для государства, а государство для людей, и что лишь та власть имеет право на существование, которая выполняет свои функции **для народа, посредством народа и под контролем народа**. Короче говоря, власть — слуга народа. Он должен иметь не только право, записанное на бумаге, но и фактическую возможность назначать руководителей и смещать их.

Акакий ГАЦЕРЕЛИА

Журнал «Мнатсби» разослал части грузинских писателей вопросник, составленный критиком Акакием Миндиашвили, и обратился к ним с просьбой высказать свое мнение о литературе и культуре, о их взаимодействии с жизнью. Думается, ответы их будут интересны широкой читательской аудитории, в том числе и молодым литераторам, которые только выходят на литературную арену.

На вопросы отвечает известный грузинский писатель и ученый Акакий Гацерелия. Мы решили опубликовать только ответы, тем более, что из них вполне ясно, какой был задан вопрос. Поэтому получилось нечто вроде монолога. Так и назвали этот материал:

МОНОЛОГ ИЗ ДИАЛОГА

1. Значение истинного художника и вообще литературы состоит в возвращении читателю в художественных образах впечатлений и эмоций, полученных от реальности. Эти впечатления и ощущения должны быть так неожиданны и органичны для читателя, чтобы запомнились ему навсегда. Гарантией этому может служить только духовная зрелость, совершенство и стилистическое мастерство писателя, что крайняя редкость.

2. Мысль о том, что народ живет своей жизнью, а литература — своей, представляется мне несколько спорной, хотя, должен сказать, что я частично разделяю ее. Что же касается прекрасной общеизвестной формулы Достоевского — «красо-

та спасет мир» — в наше время, в эпоху научно-технической революции, она стала просто привлекательной фразой. Отношение людей к красоте в той или иной степени всегда было утилитарным и грубым, было и будет впредь, поскольку, по общей эстетической мысли, красота редка, и постижение ее большинству людей не под силу.

3. Наша литература, если судить по лучшим ее представителям, современна. Покуда не будет изжит протекционизм, говорить о реальной перестройке в литературе бесполезно. Что же касается определенного «охлаждения» молодых к нашей литературе и повышенного интереса ее к зарубежной, факт этот меня не удивляет. Дело в том, что лучшая часть грузинской молодежи в большей или меньшей степени владеет европейскими языками (английским, французским, немецким) и в оригиналах знакомится с шедеврами мировой литературы. Велика роль в этом вопросе и русского языка, благодаря которому наш читатель знакомится с выдающимися произведениями европейской и восточной литературы. Например, он уже давно получил десяти томник Томаса Манна, его трилогию «Иосиф и его братья» (в двух томах), творения Германа Гессе и Музиля, известные произведения англосаксонской и латиноамериканской литературы на русском языке. Некоторые из них переведены и на грузинский язык.

4. Я оптимистически смотрю на развитие грузинской литературы. Ведь талант и гениальность не являются привилегией одного какого-либо народа. Впрочем тут же добавлю слова В. Розанова: «При всякой гениальности ум все-таки не мешает». Весьма желательно в наше время, чтобы грузинскую прозу и поэзию помимо эмоционального богатства украшали бы и глубокий авторский интеллект.

5. Я не жду чуда ни от одного из поколений. Чудо это — Руставели, и для повторения подобного явления нужны века. Так же и в литературе других народов. Мы даже не знаем, в каком направлении будет протекать поэтический процесс в будущем.

6. Да, это верно, что на Западе много говорят и пишут о «кризисе искусства», в особенности же «о смерти поэзии». Вот вы спрашиваете, что вызвало «отчуждение читателя от поэзии». Главная причина в том, что у нас, да и везде, я думаю, пишут и публикуют много, а писать много очень легко, это ничего общего с истинным искусством не имеет. Вершина грузинской лирики — это небольшое количество стихотворений

Н. Бараташвили, и в русской — после Пушкина и Лермонтова — это малое поэтическое наследие Тютчева. А редкое появление шедевров нельзя считать смертью поэзии. Шедевры создают творцы с огромным духовным и интеллектуальным миром. И очень редко. Сочинение же стихов с конвейерной скоростью — не есть поэзия. В литературе всех жанров легкая плодовитость частое, но преходящее явление. Толстой справедливо называл его «проституцией мысли».

Вообще-то наш национальный дух никогда не смирится со «смертью» поэзии, так же как не допустит вырождения несравненной грузинской народной песни. Я был на творческом вечере Гамлета Гонашвили в Доме работников искусств. По окончании концерта поднялся режиссер Саарбрюкенского театра, присутствовавший в зале, и сказал, что песни в исполнении Гонашвили напоминают ему фуги и хоралы Баха.

И в искусстве, и в литературе совершенные произведения — редкость, их появления нужно ждать.

Что же касается «смерти» поэзии на Западе, там давно не появлялись большие, значительные поэты. Но европейскую поэзию XX века украшает универсальный интеллект и талант Поля Валери, и я думаю (да и не я один), что одного этого имени на XX век вполне достаточно. Прочитав Валери, хотя бы и в переводе, читатель сам убедится в правдивости моих слов (разумеется, для читателя «массовой литературы» Валери навсегда останется безвестным).

7. Да, эстетству Флобера соответствовало его известное положение о постоянном пребывании таланта в «башне из слоновой кости». Но как вы думаете, если кто-нибудь последует в наши дни его совету, получим ли мы «Мадам Бовари» или «Искушение святого Антония»? Литература, правда, часто оказывает колоссальное этическое и общественное воздействие на человека, но мне все-таки мало верится в то, что вмешательство ее в чрезвычайные, экстремальные для нации ситуации может принести желанные плоды. Я не могу привести подобные примеры из истории мировой литературы (исключение составляют разве что Вольтер и Золя). Литература, например, во многом способствовала отмене крепостничества в России, но акция эта была осуществлена монархией намного позднее. Быть может, Екатерина II послушалась Дени Дидро и отменила крепостное право? Ведь после первой русской революции не были прекращены репрессии, хотя величайший писатель и заявил протест: «Не могу молчать». Ни одно самое замечательное стихотворение не спасет пострадавшую от града

лозу, ритмизованные прокламации в этом случае не смогут обнадеежить крестьянина.

«В критических и экстремальных ситуациях» народу помогает правительство и партия, а не писатели и литература. Вспомним то, что сказал Наполеон Гете (об этом пишет в своих мемуарах Талейран): «Ту роль, которую играла судьба для людей в античных трагедиях, в настоящее время играет политика.»

В современной человеческой комедии писатель-автор немногим отличается от читателя своих произведений. Миссия политического реформатора — это не миссия писателя.

8. Мне очень трудно писать о себе, поскольку я не вхожу в число «генералов от литературы». А место писателя и литератора в родной литературе определит неумолимое время. В заранее сложившемся взгляде на самого себя прежде всего сквозит наивный субъективизм. Этому немало способствуют добытые всеми правдами и неправдами, знакомствами и родством академические титулы. Человек начинает верить в свою исключительность и со стороны выглядит весьма комично (но зато ему гарантированы высокая зарплата и «обеспеченная старость»). Поза, надменность, высокомерие, нарциссизм — черты, сопутствующие провинциальному осознанию собственной «исключительности», тошнотворные черты.

9. Открывая любой журнал или газету, я в первую очередь ищу хорошие стихи. Мне нравятся талантливо написанные стих-монолог или стих-фрагмент, которые порой напоминают бараташвилевские монологи, тютчевские или ахматовские стихотворения-фрагменты.

Имя автора в данном случае не имеет для меня никакого значения.

10. Я хорошо понимаю ваши трудности — наверное, сложно «заполнить журнальные страницы талантливыми, интересными, оригинальными произведениями». Очень трудно отобрать талантливое, оригинальное произведение даже при большом наплыве художественной «продукции». И причина одна: творчество не может быть абстрагировано от писателя, слабость произведения нужно искать только в примитивной душевной организации автора. Писательство — это судьба. Без осознания этого ни один талант не создал ничего ценного в литературе. И вместе с тем это долгий изнурительный труд. Эту мысль часто высказывал автор «Анны Карениной», и работал он так же.

11. Из зарубежных авторов последнего времени наиболь-

шее впечатление на меня произвели недавно скончавшаяся французская писательница Маргерит Юрсенар («Воспоминания Адриана», «Философский камень»), американский писатель Торнтон Уайлдер («Мартовские иды», «Мост короля Людовика Святого») и английский писатель Уильям Голдинг (нобелевский лауреат, на русский язык переведены его «Шпиль», «Повелитель мух», «Чрезвычайный посол»). Европа еще раз доказывает северным американским штатам и Латинской Америке, что интеллектуальные возможности материка, где творили Стерн, Теккерей, Стендаль, Бальзак, и сегодня неиссякаемы. Достаточно вспомнить Томаса Манна.

Я очень советую молодым еще раз внимательно перечитать перечисленные выше творения, перечитать и прозу Толстого (Голсуорси: «Для меня Толстой давно стоит рядом с Шекспиром»). Во всяком случае «Казаков» и «Хаджи Мурата» надо прочесть раза чегыре или пять.

Таким же постоянным спутником для всех должен быть «Дон Кихот» Сервантеса.

Что касается критических материалов, опубликованных за последнее время в грузинской периодике, я хочу особо отметить статьи Акакия Бакрадзе, последние статьи Тамаза Цивцивадзе, статью Арчила Гогелия о Геронти Кикодзе, эссе Маки Джохадзе и Темура Коридзе. Я могу назвать еще несколько имен, но на сей раз достаточно и этого.

12. Из писателей старшего поколения любимым автором моим является Давид Клдиашвили, из творчества старших товарищей мне запомнились некоторые прозаические произведения М. Джавахишвили и К. Гамсахурдиа, из отдельных рассказов мне нравится «Халде» С. Клдиашвили, «Хазарула» Н. Думбадзе. Так сразу припомнить не могу, но было напечатано много хороших рассказов и новелл, например, рассказы Г. Гегешидзе.

Что же касается моего «обогащения» от соприкосновения с творчеством писателей старшего поколения или нового, отвечаю: меня намного раньше обогатили великие европейские и русские писатели и не меньше, чем они, теологи, философы (моралисты и стоики), поэты и музыканты.

Современную литературу читаю очень разборчиво, работа и неотложные дела не дают возможности считать себя активным читателем. Частично развеять мой скепсис может хорошая, хотя бы и маленькая книга. Я и сам хочу оставить хотя бы одну хорошую книгу.

13. Я уже отмечал, что мне трудно говорить о своих про-

изведениях. Ни в одном жанре я не пишу быстро и много, хотя за мою долгую жизнь у меня набралось достаточно томов собственных сочинений (преимущественно в филологии и эссеистике, меньше — в беллетристике). Рассказ, по словам Фолкнера, после поэзии высшая форма искусства слова. Не знаю, имею ли я право указать на какие-либо из моих сочинений в этом жанре?! Быть может, на «Ученика Боско», «Последнюю молитву Назара» или «Явление Фаиды»? Каждый автор, если это не великий талант, слеп, оценивая свои произведения. Мне кажется, я мог бы назвать еще и другие свои новеллы: («Амзат», «Шамиль», «Introductio»). Но не обманываюсь ли я?!

Меня обижает пренебрежительное отношение к моему творчеству, но ведь это естественное для человека чувство. Незаслуженный комплимент тоже никому не может нравиться.

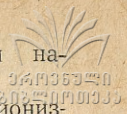
14. Я не избалован неллицеприятной и объективной критикой, но многочисленные нападки (ведь в литературе никогда не переведутся свои Смердяковы) помню. Очень много времени у меня отняла чисто филологическая полемика, в частности по вопросам версификации, спор вокруг личности Петра Ибера, развеяние мифической личности «Захария Картлели» (как биографа Петра Ибера) и вопросы ареопагитики. Я собираюсь вновь вернуться к ним, а хаосом, царящим в этих вопросах, пусть займутся молодые. Было бы хорошо, если бы, собравшись заняться в частности вопросом Псевдо-Дионисия, они бы предварительно ознакомились с трудами Лосли, Жильсона, Рене Рока и других великих теологов (Псевдо-Дионисий (ареопагит) был теолог и мистик, а не философ-неоплатоник)...

Грузинская литература, грузинская культура навсегда должна освободиться от всяческого (в том числе и официального) протекционизма, повторяю, абсолютно освободиться. Без этого ничего хорошего наши гуманитарные науки дать не смогут.

Кто должен взять на себя эту роль? Я думаю, критики нового поколения.

Вспоминается один факт: когда в 1909 году американские корреспонденты спросили Толстого — почему вы не пишете художественные произведения? — он ответил: «У меня уже давно готова повесть — «Хаджи Мурат». На вопрос, почему он ее не публикует, писатель ответил: «Не хочу читать написанные на нее критические статьи». И это заявил автор гениальной повести!

Партикуляризм, фамильярность, кокетничанье сомнитель-

ной эрудицией — общие недостатки, присущие многим нашим критикам и «философам».

Лично я совершенно свободен от «зонтика» протекционизма. Но я не в обиде.

Я хочу добавить, что, по моему наблюдению, хорошие очерки о писателях пишут сами писатели. Я почувствовал глубокое удовлетворение, прочитав несколько парадоксальное исследование о Гоголе В. Набокова, опубликованное в прошлом году журналом «Новый мир». Понравились мне книга В. Каверина «Юрий Тынянов. Жизнь и деятельность» (опубликовано в «Звезде» за 1987 год), монографии М. Чудаковой о Булгакове...

15. Вы правильно заметили: действительно не было случая, чтоб писатели старшего поколения опубликовали серьезное исследование друг о друге (разумеется, юбилейные поздравления не в счет). В 30-е и 40-е годы только «голубороговцы» дружили и хвалили друг друга (до той поры, пока Ал. Арсенишвили и Паоло Яшвили не переманили к себе те, кто «взорвал» эту группу изнутри). Лично я никогда не писал ничего критического в адрес какого-либо поэта, положительное — не раз (например, о Тициане Табидзе). В 1938 году на вечере в честь тридцатилетнего юбилея творчества Галактиона Табидзе я был главным докладчиком (см. статью «Галактион Табидзе», опубликованную в «Мнатоби» в том же году). В годовщину смерти Галактиона Табидзе я опубликовал свои воспоминания о нем «Тростник и гобелен» в «Литературиლი Сакартвело», которые затем не раз входили в книги и в различные сборники. Недавно вышел I том произведений Галактиона Табидзе (ред. — поэт Вахтанг Джавахадзе), который открывают мои воспоминания (кстати, отмечу тут же, что о них с теплотой отзывался Гр. Робакидзе в статье «Г. Табидзе и его песнь песней Никорцминде»).

Что скрывать, писатели старшего поколения не особенно внимательно относились друг к другу, их взаимоотношения не были идеальны. Я ни разу не видел, например, Галактиона Табидзе в гостях у М. Джавахишвили, К. Чичинадзе или К. Гамсахурдиа, и кого-либо из последних в гостях у Джавахишвили. (Многие, думаю, помнят спор между Джавахишвили и Гамсахурдиа на разборе «Арсена из Марабды» в Концертном зале имени Руставели. Докладчиком был С. Хундадзе). Одно время испортились отношения между К. Чичинадзе и К. Гамсахурдиа в связи с переводом «Божественной комедии» Данте, между С. Чиковани и К. Чичинадзе из-за переводов

«Слова о полку Игореве» и т. д.). Разве можно перечислить все случаи полемики, споров и жарких дебатов между писателями старшего поколения?! В этом смысле очень активным был и Д. Шенгелая.

Но все эти достоверные случаи не так уж плохи для воспоминаний, как тот ошеломляющий факт... Прыжок Г. Табидзе с IV этажа больницы! К таким результатам приводит искусственное выдвижение определенных лиц и облечение их темной властью, что широко практиковалось раньше, да и сейчас имеет место.

Гете говорил: «В литературе мы часто встречаем случай, когда ненависть замещает гениев и когда незначительные таланты кажутся крупными, выступая в качестве органа определенной партии. Точно так же и в жизни мы находим очень много людей, не обладающих достаточным характером, чтобы остаться одинокими: примыкая к какой-либо партии, они чувствуют себя сильнее и изображают значительные фигуры» (Иогани Петер Эккерман. Разговоры с Гете. М., 1934, с. 593).

16. Из статей, написанных к юбилейным дням, внимания заслуживают одна-две, панегирики сегодня неуместны.

17. Дружеская благожелательная статья, даже если она чрезмерно критическая — это не литературное преступление. Преступление — критика кастовая, раздутая, оскорбительная. Эта критика — заранее запланированная — бесплодна, проходяща. Никакого пиэтизма к ней я не чувствую.

Грузинский писатель прежде всего должен прислушиваться к мнению своего народа.

18. Высокая художественная литература помимо своей воли служит всем положительным «тенденциям» и «явлениям» действительности. Конъюнктурная же литература ничего общего с искусством не имеет. Даже географическая среда «Вепхисткаосани» — не грузинская, но поэма Руставели является величайшим образцом грузинского эпоса. Реагирование на каждодневные явления, сколь бы значительными они ни были, — почетная задача журналистики, но не литературы. Вместе с тем писатель не должен идти к народу, напротив, он должен привлекать народ к себе глубиной своего художественного мышления, большим эмоциональным и интеллектуальным зарядом.

19. Меня бы подбодрило положительное мнение молодых о моей работе в поэтике, эссеистике и прозе, но достоин ли я такого одобрения?!

20. Тем существует много, но главное в литературе не

тема, а ее качественное, высокохудожественное воплощение. Талантливый художник сам определит, оригинальна или ординарна его тема. Лично я не питаю никакого уважения к писателю, который неуважительно относится к слову, который заполняет страницы истертыми, затасканными словами и штампами. Хороша та тема, которую не использовать невозможно.

21. Почти ни одного из моих любимых писателей-сверстников нет в живых. Я их очень любил, и душа моя постепенно превратилась в кладбище.

22. Критика какого-либо произведения подразумевает в первую очередь здоровую литературную атмосферу, которой у нас нет, и не знаю, будет ли. Сегодня вполне возможна ситуация, когда прекрасное, не шаблонное произведение могут подвергнуть уничтожающей критике или встретить полным молчанием, а псевдохудожественному произведению или стихотворению воскурят фимиам. Искренность стала свойством опасным, осторожность же и дальновидность — признаком ума.

23. К сожалению, одобрительную критику я слышу редко, хотя и молчание и игнорирование, к которым я давно привык, тоже своеобразная форма критики. Видимо, я не заслужил даже простой похвалы.

24. Аргументированная критика мне помогает, а бездоказательная — раздражает, не привыкать мне и к пасквилям, авторов которых считаю существами ничтожными. Тем, кто виноват в большем, думаю, я смогу воздать по заслугам.

25. Идеальная модель критики, на мой взгляд, это статьи Поля Валери о Малларме, Бодлере, французских художниках, а также его несравненное «Вступление к системе Леонардо да Винчи» (все они переведены на русский язык, некоторые даже на грузинский, и надо сказать — блестяще).

26 и 27. Постоянные мои темы (и надо полагать, до смерти) это — «Шамиль» (надо закончить I том) и книга «Мемуаров», за другие темы я не берусь, поэтому и не спешу. Я принадлежу к людям, которые заканчивают свой жизненный путь и для которых все существенные вопросы решены. Если б у меня впереди было еще двадцать лет, имело бы смысл перечислить темы, за которые я бы взялся (некоторые были даже начаты, но я их уничтожил).

28(I). Для писателя крайне важно его материально-экономическое положение. Господь не всех наделил талантом Важа Пшавела, который в землянке впроголодь создавал свои шедевры. Мне очень нравится призыв Густава Флобера, для многих невыполнимый: «Жить, как французский буржуа, и мыслить,

как Сократ». Но не брать же взятки из-за этого, это безнравственно, взяточник, даже если его величают академиком, все равно — нравственный труп.

То, что для некоторых выгодная реальная «физика», для меня — «метафизика». Я был студентом Иванэ Джавахишвили, награжден медалью с его изображением, поэтому мне даже нравится мое материальное неблагополучие.

28(2). В своих исследованиях по филологии я всегда был рационалистом, в других жанрах — страдаю некоторым «сознамбулизмом», например, при написании «Последней молитвы Назара» или «Явления Фаиды». Но такое психологическое напряжение быстро проходит, поскольку в любом жанре одно только совершенствование стиля требует мобилизации всех сил.

29. Братся за перо меня вынуждает исключительно внутренняя потребность или необходимость написать о ком-либо воспоминание или статью. Идеальное же для меня состояние — молчать, погружившись в свои мысли.

30. Я никогда не был ни продуктивным, ни популярным писателем. Только такие гиганты, как автор «Фауста» и ему подобные, живут в литературе вечно. «Post mortem—nihill!» После смерти — ничто! Не мешает изредка заглянуть в Ветхий завет, перечитать «Екклесиаст».

31. Книги, которая выразила бы мой внутренний мир или душу моего народа, — я не написал. Господь не наградил меня столь великим талантом. Мне бы не хотелось, чтоб эти мои слова вы восприняли как показное самоуничижение, я хорошо знаю цену и себе и другим.

32. На этот вопрос я отвечаю словами Поля Валери, сказавшему своему другу: «Не называй меня писателем, я всего лишь скучающий господин!» (из воспоминаний А. Жида).

33. О своем детстве я пишу в «Мемуарах», которые закончу, видимо, лишь перед смертью.

34. Первыми книгами, которые я прочел очень рано (в 11—12 лет), были: переведенное П. Иретели «Воскресение» Толстого, романы Софьи Урбановской и Пономарева, сочинения Шекспира в прозаическом пересказе некоего Иоселиани (?)... «Воскресение» я читал несчетное число раз, второй перевод его, выполненный З. Мачавариани, вышел под моей редакцией и с моим предисловием, под моей редакцией и с моими предисловиями вышли также первое издание I тома «Войны и мира» в переводе И. Агладзе и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского.

1959-20
202-1110330

35. Думаю, я хорошо знаю древнюю и новую грузинскую литературу и внес свой посильный вклад в дело изучения произведений наших писателей (исследования о Руставели, очерк о Гурамишвили, монографии о Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани, Важа Пшавела). Я издал два тома эпистолярного наследия Гр. Орбелиани (1936—37 гг.), полные тексты его художественных произведений (вместе с Д. Чумбуридзе), академическое издание сочинений Н. Бараташвили (вместе с И. Лолашвили) и др. В 1977-1982 годах вышли в свет 3 тома (в 4-х книгах) моих «Избранных сочинений» и «Рассказы и новеллы». Об их достоинствах судить не берусь.

36. Выше я уже говорил, что у нас нездоровая литературная атмосфера, и рассчитывать на ее улучшение в оставшиеся мне годы, я думаю, нечего.

37. В настоящее время меня мало что связывает с другими представителями науки и культуры. Дружеские отношения в основном я поддерживаю только со своими сотрудниками.

38. Сейчас я читаю только шедевры русской и зарубежной литературы, вместе с тем знакомлюсь с трудами западных философов различных направлений, среди которых много и писателей (например, экзистенциалисты Альбер Камю, Мигель де Унамуно и др.).

Историей философии я заинтересовался, когда стилистически правил I том книги М. Гогиберидзе «История философии» (в 1941 г.).

Я прочел большое количество трудов по теологии в связи с изучением Руставели и других древних грузинских литературных памятников.

39. Мне не помнится, чтоб я перечитывал что-либо из ранее написанного мной, обычно я несколько раз читаю корректуру своих произведений перед отправкой в типографию.

Опубликованное произведение уже не принадлежит автору, оно либо живет самостоятельной жизнью либо умирает.

40. Я мало знаком с мнением квалифицированного читателя о моих книгах. Публикуя что-либо новое, я очень волнуюсь, переживаю, если нахожу в них корректурные ошибки. Линотип кажется мне моим злым демоном.

41. Я никогда, наверное, не напишу произведения, полностью удовлетворяющего меня. Постигнув величайшие творения искусства, я навсегда избавился от иллюзий, самодовольства, самоуспокоенности. Тот, кто думает иначе, счастливый человек, хотя и больной.

42. После работы (если я не должен куда-либо идти, например, на панихиду, потому что в кино и театр ходить мне некогда) я каждый день работаю с 6 вечера до 2 часов ночи. В молодости я очень часто проводил ночь за письменным столом.

Читать люблю больше, чем писать.

43. Я никогда не думал причислить себя к сонму тех ученых и тем более писателей, которыми я восторгаюсь. Восторг мой вызывают художественные творения, имеющие мировую ценность. Думаю, каждый мыслит так же.

44. «Мемуары» я пишу легко, поскольку память не подводит меня, я помню множество фактов. Что же касается «Шамиля», за эти десятки лет у меня набралось столько материалов, что я пластически представляю себе каждую деталь биографии всех деятелей эпохи моего героя.

Творческий процесс абсолютно исключает чувство восторга (и удовлетворения), поскольку этому процессу помимо всего прочего сопутствует и титанический труд.

45. Перед публикацией порой я даю почитать готовую вещь людям, вкусу которых я доверяю, замечания всегда принимаю не колеблясь с благодарностью.

Стихия языка настолько сложна, что невозможно хоть раз неволью «не споткнуться». Тут же замечу — стилистическая новизна (которая, как я полагаю, всегда находится на грани оригинальности и банальности) для меня значит гораздо больше, чем педантичное соблюдение грамматических правил. Я существую «вне грамматики», и это единственное, что роднит меня... с некоторыми настоящими литераторами.

46. Более точную, нежели автор, качественную оценку творчеству писателя может дать профессиональный читатель. Бывает и так, что сочинение забывают, но проходит время и оно «оживает», обретая новое звучание. Какому произведению уготована такая судьба, предугадать заранее трудно. Во всяком случае графоманам это уж точно не грозит. Завоевать сердца будущих читателей невозможно. Старость и смерть — удел нынешних «ловких» авторов, гениям они не грозят.

Великий талант живет в «большом времени», т. е. в будущем (М. Бахтин).

47. Я никогда не писал чисто автобиографического произведения, поскольку моя биография не изобилует внешними фактами, никаких значительных постов я не занимал. Один из персонажей Мопассана («Милый друг») говорил: «Мое богатство заключается исключительно в рифмах». Не знаю, есть ли во мне нечто такое, что придало бы исключительное значе-

ние моему существованию... Кто смог бы высказать что-либо подобное божественному руставелевскому стиху: «Мир как сумерки ночные — Тьма наполнила его...»

Какое грандиозное имя украшает грузинскую поэзию!

48. Я думаю, я обладаю собственным стилем, поскольку я никому не подражаю. Лаконизму я учился у великого Сулхана-Саба Орбелиани, у русского писателя Исаака Бабеля, которого считаю прекрасным художником слова.

Но несмотря на это, я думаю, что стиль мой не похож ни на чей другой. Из своих сочинений стилистически безупречным я считаю этюд «Афинаида — Евдокия». Порой мне кажется, что я написал лучше Шарля Диля, у которого есть новелла-этиюд на ту же тему (в книге «Византийские портреты»). Не знаю, может быть, такое мое мнение есть не что иное, как редчайшее проявление столь ненавистой мне само-рекламы.

49. Главным достоинством современных грузинских писателей я считаю безусловную талантливость и совершенное знание отображаемого предмета некоторыми из них. Главная же опасность, по-моему, состоит в их натуралистическом интересе к бытовым мелочам. Талантливый писатель старается избежать этого (подражание Джойсу и Прусту никого до добра не доведет).

50. Я не очень хорошо знаю действительность, ставшую предметом изучения и отображения для молодых писателей. Пожилым людям вроде моего возраст часто мешает быть в курсе всего.

51. Для истинного писателя служба это, бесспорно, препятствие к литературной работе. Я мечтаю о старой деревне со спокойным ритмом жизни, где можно было каждый день, в определенные часы сидеть за письменным столом и заниматься литературным трудом. «Жизнь коротка, а искусство вечно». Разве кто-либо успел претворить все свои замыслы в жизнь?!

52. Творчество во все периоды — дело трудное. Во всяком случае, «оптимисты плохо пишут» (Поль Валери).

53. В творческом процессе «содержание» всегда диктует форму, хотя я и против такого дуалистического разделения. Но мне нравится ваше наблюдение.

54. О современном грузинском романе написано столько (преимущественно по-грузински и по-русски), что мои мысли могут оказаться несколько тривиальными. И потом, я уже говорил, что не успеваю все читать, читаю, в основном, книги мне подаренные.

55. Истинных интеллигентов встречаю редко, ньянцы и хамов — весьма часто. Джентльменство, уважительное отношение я считаю свойствами давно утраченными, постепенно оправдывается выражение «человек человеку волк». В наше время встреча со скромным, сдержанным, воспитанным человеком (какой бы профессии он ни был) равносильна встрече с подлинным интеллигентом.

56. Интеллигентом можно назвать человека, который живет высокими этическими идеалами, воплощает в себе лучшие черты своего народа. Интеллигента порой можно отличить по одежде и культуре поведения. Интеллигент в первую очередь толерантен. Таким был мой педагог в университете знаменитый эллинист Григорий Филимонович Церетели!

57. Идеал писателя для меня — Лев Толстой, то есть художник, равный которому, я думаю, вряд ли появится. Таким идеалом в XX веке считаю Поля Валери (жаль, что не могу прочесть его в подлиннике).

58. Урбанизация вообще — антагонист творчества. Полисная, городская Греция навсегда уничтожила божественную наивность Гомера. «Урбанизации духа», я думаю, можно воспрепятствовать, перечитывая «Эссе» французского скептика Мишеля Монтеня. Держите эту книгу у себя на столе, она во многом вам поможет.

59. Кроме полемических статей я ничего не писал по заранее составленному плану. А в прозе редко создается что-либо ценное «стихийно». Хорошее произведение, пользуясь вашими же словами, «конструируется в процессе творчества». Разве можно себе представить «проект» «Фауста» или же его «стихийное» рождение (ведь он писался 60 лет)?! Разумеется, бывает и такое, хотя и редко. Например, Роже Мартен дю Гар составил целую картотеку генеалогии и поступков персонажей своего романа «Семья Тибо». Можно привести и другие примеры — «Ругон-Маккары» Золя, трилогия Фолкнера, хотя я, например, более современными считаю его романы «Шум и ярость» и «Свет в августе», нежели его знаменитую трилогию.

60. Ни один писатель не смог воспитать читателя, как этическую личность. А чтоб потрафить вкусам ПЛОХОГО читателя, множество ПЛОХИХ писателей писали ПЛОХИЕ книги.

61. Я избегаю «встреч с читателями». Читательская масса — безлика, вместе с тем многие из читателей полны за-

маскированных и беспочвенных претензий. О каких моих «шедеврах» мне беседовать с ними?!

62. «Идеального читателя» можно найти только в среде литераторов. Но найти читателя или писателя, искренно обрadowанного успехами другого, ужасно трудно. Как правило, таким «писателям» чаще всего и бывает трудно.

63. В юности я часто ходил в кино. Помню, был в восторге от фильмов с участием Лии де Пути, Эмиля Янингса, Конрада Вейдта, гениального Чарли Чаплина, позже Жана Габена. Теперь я с интересом слежу за грузинскими фильмами, в основном по телевизору.

Литературной практикой я тоже в некоторой степени связан с грузинским кино. Под моей редакцией вышла в свет (в 1933 и 1956) испанская новелла XVI века, так называемая «новелла пикареска» «Жизнь Лазарелио из Тормеса» анонимного автора в переводе П. Умикашвили. Я перевел также некоторые недостающие главы этой новеллы. По ней режиссером Картлосом Хотивари был поставлен фильм под названием «Лазаре». Отец Картлоса Хотивари — Леван Хотивари — был моим другом, теперь же его внук Леван Тутберидзе ставит фильм по моему рассказу «Последняя молитва Назара». Я очень хотел бы, чтоб фильм получился, в первую очередь для репутации самого режиссера и для его дальнейшей работы в кино.

Что же касается вопроса о моей любви к живописи и музыке, я хочу рассказать следующее:

В 1970 году в Лувре я долго стоял ошеломленный перед «Джокондой» Леонардо да Винчи. Тогда картина не была вставлена в стекло, и я, как отмечал Стендаль, словно бы тоже видел трепетную жилку на виске у Моны Лизы, не говоря уже о колдовской улыбке, излучающей какую-то таинственную дымчатость (*stumato*). Еще раньше в 46 году я написал очерк «Леонардо да Винчи и Сулхан-Саба Орбелиани. К генезису одной притчи» (см. Избранные сочинения, т. I, 1962 год).

Музыкой я увлекаюсь с юности, хотя не играю на фортепиано и ничего не понимаю в партитурах. Предмет моего глубочайшего увлечения — И. С. Бах, в особенности его «Месса H-mol», хоралы, кантаты, «Страсти», «Хорошо темперированный клавир» (первая прелюдия и первая fuga) и последнее его произведение цикл фуг («Фугенкунст» — «Искусство фуги»). В нем и в самом деле чувствуется «покой зимней ночи», как пишет о нем биограф композитора

Шпита, это выражение нравится и самому прекрасному исследователю творчества Баха — Альберту Швайцеру.

Меня, как и всех, наверное, пьняят Моцарт, Бетховен, его сонаты и в особенности «Аппасионата», Шуберт, его «Восьмая симфония», Шопен, Чайковский (вторая часть 5 симфонии «Анданте Кантабиле»), некоторые симфонии Густава Малера, Дебюсси... Из опер я больше всего люблю «Кармен», «Абесалом и Этери», «Пиковую даму».

Как видите, репертуар такого дилетанта в музыке, как я, не так уж и беден. Когда я прочел в воспоминаниях С. Толстого о том, что отца его особенно пленяла первая прелюдия «Хорошо темперированного клавира» Баха, я очень обрадовался, то, что вполне осознанно любил великий писатель (ведь он играл на рояле), я полюбил инстинктивно. Вспомним так же увлечение Гете музыкой Баха. Короче говоря: можно, оказывается, не быть профессиональным музыкантом и слушателем и так же, как виртуозы в своей области, любить и уметь оценивать истинное произведение (и с точки зрения его величия, что хорошо показал Ромен Роллан в своем прекрасном этюде «Стендаль и музыка»).

Я не очень много видел шедевров скульптуры, но мне очень нравится работа египетского мастера Тутмоса портрет царицы Нефертити, копия которой смотрит на меня из моего книжного шкафа. Для меня она так же загадочна, как Джоконда Леонардо да Винчи.

64. Я редко возвращаюсь к прочитанному, но своих любимых авторов (грузинских, русских, зарубежных) я специально изучал, то есть не раз прочитывал и анализировал с помощью широкой специальной литературы. В основе моей 4-страничной статьи «Стендаль» лежит изучение его 14 томов академического издания. Стендаль — мой любимый автор.

На протяжении последних 25 лет я систематически читаю прозу Толстого и богатую литературу о нем. То же самое могу сказать и о Блаженном Августине и его сочинениях. Мои очерки о разных — зарубежных и русских писателях — собраны в книге «Книги и авторы» (1941).

65. Большинство ученых и писателей очень часто повторяют (порой подсознательно) свои темы, выражения, метафоры и символы. Классическим примером тому может служить наш Важа. Но разве его творчество стало от этого хуже?!

66. В издательстве «Сабчота Сакартвело» вышел последний цикл моих эссе, портретов, воспоминаний (25 листов), и я очень признателен за это дирекции издательства.

На этом я заканчиваю свою работу в области истории литературы и эссеистики. Если смерть не помешает, буду работать над теми двумя книгами, о которых я говорил выше. В изданных мною сочинениях читатель сам вычитает ту эстетическую систему, о формировании которой я не позаботился. В конденсированном виде моя теоретически-художественная мысль звучит в «Явлении Фаиды». Поэтому она трудна для прочтения.

67. Первыми моими серьезными работами считаю три очерка — «Вопросы поэтики Руставели», «Платон Иоселиани» и «Гете в грузинской литературе» (1932). Написаны они в студенческие годы, и для того времени, думаю, они не так уж и плохи. Правда, сравнить их с моими последними исследованиями, например, о Блаженном Августине — невозможно. Отныне в этом жанре я работать не собираюсь.

68. Художник черпает темы из всех сфер, другое дело, из какой конкретно — реальной действительности или истории. Главное, чтоб ядро сочинения было реалистичным или основанным на реальных иллюзиях.

69. Я изучал несколько лет английский, а также немецкий в лицее, который находился на Казбегской улице. Специальную литературу сейчас читаю со словарями, иногда прибегаю к помощи друзей. Тут же я хочу сказать, что русский многие знают лучше меня, но разве от этого Тютчева они понимают лучше, чем я?! Сомневаюсь.

Знание многих языков порой мешает писателю (Важа не был полиглотом). В русской литературе я знаю только двух писателей, на которых не очень отразилось то, что они были полиглотами — это Толстой (он знал 13 языков) и Чернышевский (он владел 14 языками).

Надо хорошо знать прежде всего родной язык и уметь его использовать для выработки собственного стиля. Иное «хорошее знание грузинского» — абстракция, а бахвальство этим — провинциализм.

70. Никакого желания заниматься переводом у меня нет. Хотя в 1941 году, в год смерти Джойса, я перевел одну его новеллу (она была напечатана позже в 1943 году в «Мнато-би», а в 1944 году вошла в книгу «Избранное»). Сейчас у нас появилось целое поколение квалифицированных переводчиков, неспециалисты — лишние в этом деле. Кроме того переводческая работа — это призвание.

Некоторые из моих сочинений переведены на русский,

французский и английский языки, я думаю, излишне здесь их перечислять.

71. Я жду многого от нашей молодежи, в особенности в поэзии, поскольку грузинский стих по своей сути не терпит суррогата. Конкретно я никого называть не хочу.

72. Ясно, что «безграмотная литература» — это нонсенс, так же и «безграмотный писатель». Разве можно себе представить «безграмотного» Анатоля Франса?!

«Безграмотная критика» просто оскорбительна. «Грамотную литературу» же мы не должны путать с «литературщиной». Это разные категории. Замаскированное подражание я считаю «грамотной литературой».

73. Я был свидетелем такого случая: в концертном зале Руставели после декламации стихов В. Маяковского спросили «Кто будет читать ваши стихи через 100 лет?», он ответил: «Мы вместе обойдем эту страну через 100 лет, и тогда ответим на ваш вопрос». Я думаю, он имел право так ответить, передо мной же такой вопрос не стоит — я не оптимист. Человечеству достаточно бессмертных гениев — начиная с Гомера и кончая нашими днями. То же можно сказать об ученых.

74. Со студенческих времен я читаю и изучаю книги Ветхого и Нового Завета, у меня есть несколько их изданий почти на всех европейских языках. Библия — моя настоящая книга. Без нее невозможно и шагу ступить в вопросах мировой литературы и искусства. Но и безотносительно к тому Библия — грандиозный литературный памятник.

75. Я не хотел бы жить ни в одну из прошлых эпох, так как во все времена глупость и тирания торжествовали победу над благородством и человеколюбием. Я думаю, все мы согласимся с Альбертом Эйнштейном, который считал идеальными существами Христа, Моисея, Сократа и Махатму Ганди, поскольку они не были привязаны к кошельку.

76. Что же касается издательств и редакций газет и журналов, то не мне об этом говорить. Я бы желал только, чтобы хорошие книги быстрее находили дорогу к читателю, и издательские планы не были тому помехой.

77. Можно только приветствовать то, что журнал «Мнa-тоби» уделяет много места (почти в каждом номере) вопросам древней грузинской литературы и истории. Было бы очень неплохо увеличить объем журнала.

И не надо удивляться тому, что журнал не раскупается мгновенно в наших киосках. Очень сильно упала культура

чтения. Не надо удивляться популярности писателей, язык и стиль которых (не говоря уже о «художественных» достоинствах) способен и «собаку с цепи сорвать». Хорошо, что вы не печатаете их в своем журнале. Очень хорошо представляю себе, с каким количеством графоманов и случайных «литераторов» вам приходится сталкиваться.

78. Человечество никогда не делало разумных выводов из прошлых ошибок (из войн чингисханов, темурленгов, крестоносцев, наполеонов, бисмарков и гитлеров). Сейчас вопрос стоит о существовании самой цивилизации. Мой политический прогноз может вызвать у вас только смех, поскольку право на такой прогноз — прерогатива только руководства Коммунистической партии и американского президента.

У меня одно-единственное желание: чтоб и мои внуки смогли прочесть Руставели и с наслаждением слушать музыку Бетховена. Никто не вправе отнять у них жизнь и радость, которую дарует людям искусство.

ХРОНИКА

ГРУЗИНСКОЕ КИНО — ВО ФРАНЦИИ

С 7 ноября по 12 декабря в Париже, в культурном центре Жоржа Помпиду проходил ретроспективный показ грузинских фильмов. За это время французский зритель смог познакомиться с 90 художественными, документальными и телевизионными фильмами грузинских мастеров кино. Ленты были подобраны так, что позволили зрителю проследить шаг за шагом историю грузинского кино. Начиная с первых фильмов — В. Амашукели «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми» и «Кристин» А. Цуцупава, были представлены все этапные для грузинского кино ленты.

Нынешнему ретроспективному показу предшествовал смотр грузинских фильмов в небольшом французском горо-

де Ла Рошель весной прошлого года. 34 фильма, показанных на этом смотре, произвели большое впечатление на французского зрителя, усилили его интерес к грузинским фильмам.

В Тбилиси специально приезжал руководитель программы кинопоказов культурного центра Ж. Помпиду Ж. Л. Пасек со своими сотрудниками, которые и отобрали фильмы для нынешнего показа. С ним были обговорены также другие организационные вопросы, такие, как издание в Париже каталога грузинских фильмов, сборника статей по истории грузинского кино, очерков о его выдающихся деятелях, фотоальбомов, рекламных проспектов и афиш.

Со своей стороны грузинские деятели кино в течение всего года работали над переводом наших лент на французский язык.

Владимир ХАРИТОНОВ

ШУКШИН И ИОСЕЛИАНИ

СЕЙЧАС, когда мы многое переоцениваем в прошедшем двадцатилетии, следует делать это разумно и бережно, отдавая должное тем, кто не поддался разрушающему душу практицизму, остался самим собой, не приспособливался к обстоятельствам. Напротив. Жил и творил вопреки обстоятельствам, идя им наперекор, обдирая свое сердце, получая болезненные удары и незаслуженные синяки. И при этом считал обстоятельства данные противоестественными и бесчеловечными, предупреждал своим творчеством, звучащим, как крик вперед смотрящего о возможности духовного вакуума, о губельных последствиях подчиненности обстоятельствам, только материальному и меркантильному. Каждый из них старался, по словам Николоза Бараташвили, «быть своей страны полезным гражданином».

Среди подобных художников — а их не так уж и много, — для меня на первом месте были и остаются Василий Макарович Шукшин и Отар Давидович Иоселиани — подлинные рыцари правды в жизни и в искусстве, настоящие эталоны художников, на первый взгляд, очень далеких, но по сущности очень близких и в моем сознании дополняющих друг друга.

Толчком для написания этой работы стал недавний разговор с художником-чеканщиком Кобой Гурули, который при упоминании Шукшина поднялся и сказал: «В его имени есть созвучие с древнегрузинским «свет Вам». Около Шукшина надо было встать вот так», — и он широко развел руки и сделал движение, которым прикрывают пламя от задувающего ветра.

Сопоставление имен Шукшина и Иоселиани может показаться поначалу странным. Странность эта небезосновательна. Действительно, что может быть общего между ними?

Один писал рассказы и снимал фильмы преимущественно о людях деревни, другой чистый урбанист, камера которого

36.1935740
1910033

редко выходит за пределы городской окраины (правда, в «Пасторали» выход такой был совершен, но проблемы собственно деревенской жизни были для режиссера второстепенными). Герои Шукшина делают первые и еще достаточно робкие шаги к культуре, герои Иоселиани — люди, давно оторванные от земли.

Эти и другие отличия чисто внешние. По сути же своего творчества Шукшин и Иоселиани очень близки. Сходство между ними со временем становится все ощутимей, и последние их работы («Калина красная» и «Фавориты луны») смотрят уже в едином контексте. Близость гражданственных позиций художников породила аксиологическое единство (единство ценностей и антиценностей), смысловую общность (тематика пафоса, образов).

Между большими художниками, даже отдаленными по времени, всегда можно обнаружить сущностную связь. Когда же они включены в общую социальную атмосферу, творят в родственных или смежных областях художественной культуры, подобная связь сближает даже столь неповторимых и индивидуальных художников, как Трифонов и Вампилов, Высоцкий и Окуджава, О. Чиладзе и Распутин, Тарковский и Абуладзе. Многообразными незримыми и видимыми нитями связаны их творения. Но в сложном сплетении связей следует видеть главные, основные, именно сущностные.

Для Шукшина и Иоселиани важными оказываются проблемы реальных и духовных связей между людьми (проблема корней), проблема потребительского существования и проблема культурных основ бытия человека. Рассмотрим основные составляющие элементы этого фундамента социально-художественного сосуществования, поскольку они имеют непреходящее значение в современной художественной и общественной жизни.

Еще в 60-е годы Шукшин и Иоселиани отметили опасное нарождающееся явление исторического беспамятства и предупредили о его губительных последствиях. Герои фильмов Иоселиани «Листопад» и «Жил певчий дрозд» через систему родственных отношений тесно вплетены в историю. Нико из «Листопада» близок не только матери и бабушке, но своим предкам, которые смотрят на него с многочисленных фотографий на стене. Прирожденная интеллигентность и порядочность поддерживают Нико в трудные моменты жизни: когда нужно брать на себя ответственность за те или иные поступки, за свое дело, когда нужно защищать свое достоинство.

Относиться бездумно к делу — значит предать своих дальних и близких родственников.

В основе человеческой отзывчивости Гии — интеллигентность и доброта матери, заботливость по отношению к родственникам и к другим людям. Музыканты из «Пасторали» существуют автономно от своего прошлого, и потому в настоящем они не сопричастны окружающему, являясь лишь сторонними наблюдателями, «отдыхающими». Лишены социальных связей и всяческих корней герои «Фаворитов луны». Это люди вне определенного времени и пространства, однодневные мотыльки, безумно безразличные к любым ценностям, одухотворенным человеческим трудом.

Контраст между «дроздом» и «фаворитами» зафиксирован режиссером в разных художественных текстах. Шукшин же подобное противостояние внедряет в один художественный текст (фильм или рассказ), в котором часто сосуществуют полярные мироотношения и герои, неодинаково относящиеся к родному дому и земле. Один и тот же шукшинский герой может совмещать в себе эти крайности. Таков Егор Прокудин («Калина красная»), отдельными моментами близкий как «дрозду», так и «фаворитам». Шукшинские герои — люди на распутье: они страстно рвутся за пределы деревенской околицы, а выйдя за нее — маются душевной мукой и страдают. И главную проверку на человеческую прочность проходят они через верность себе и дому своему.

Колокольников («Живет такой парень») и Расторгуев («Печки-лавочки») крепко укоренены в родную почву, среду и потому стоят прочно, их не собьешь неожиданным поворотом судьбы. Они хотят быть хозяевами жизни. И в этом стремлении они остро чувствуют всякое социальное и нравственное ущемление, бездумные притязания, указания и советы со стороны. Вот почему так болезненно реагирует Расторгуев на преждевременность перевода колхозов в совхозы. Он именно «выступает за колхоз», ему понять хочется, почему у него землю забрали. Расторгуев оторжен от земли, Нико в «Листопаде» не может быть настоящим хозяином в своем деле. Художники показывали разрыв исторической преемственности духовно-практических отношений, принудительное забвение подлинно народных традиций, насильственное перескакивание от одних условий жизни к другим. Все это позднее и гораздо определеннее отзовется быковским «знаком беды», абуладзевским «Покаянием», можаевскими «Мужиками и бабами».

Отчуждение от земли и дела, лишение человека социаль-

ных корней становится источником социально-психологических реальных и будущих бед героев Шукшина и Иоселиани. Оторвется, хотя и ненадолго, от родного дома Иван Расторгуев, и вот уже ему неуютно в железнодорожном купе и чужом доме, а длительное существование вдали от родины порождает Егора Прокудина, преступившего нравственные и государственные законы. С трудом можно представить абсолютно гармоничной жизнь Нико и Гии, живи они в современной многоэтажке, лишенной естественности общения соседей, их человеческого одобрения или порицания, соучастия или неприятия.

Процессы переселения из деревни в город, из старого дома в новый естественны, совершаются в большинстве случаев добровольно, даже с радостью, сопровождались и сопровождаются социальным ликованием. Правда, сейчас всеобщее превращение деревни в город уже не кажется экономически и социально перспективным. Но это сейчас. А двадцать лет назад Шукшин и Иоселиани, безусловно, понимавшие необходимость этих изменений, предупреждали о болезненности разрыва духовных и родственных связей.

Художники конкретно показывали, что человек при этом теряет; они социально-психологически готовили людей к душевной маяте и сумятице. И самое главное, открывая первыми в нашем искусстве тему безродности, бездомности, губительности отрыва от родных корней, они не присоединились к общему хору ликующих голосов.

Почти через десять лет после того как раздалась первая тревожащая голоса героев Шукшина и Иоселиани, закричит и заплачет распутинская Дарья из «Прощания с Матерой», еще спустя несколько лет появятся почти одновременно и под одним названием книги «Дом» Федора Абрамова и Ушанги Рижинашвили, а потом уже последует ностальгическая волна в нашем кино, театре и литературе.

Как художников, Шукшина и Иоселиани сближает моральное беспокойство по поводу нарождавшейся потребительской психологии, явившейся результатом социальной нестабильности и бескорневого существования. Они не закрывали глаза — в отличие от многих в 60—70-е годы — на реально существующие противоречия в жизни общества. Прежде всего ими было замечено противоречие между материальным и духовным. Когда-то Маркс утверждал, что «с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 87—88.

Художники были озабочены перспективой развития общества, в котором тяга к достатку в сознании людей нередко сопрягалась с духовной неразвитостью, нравственной глухотой, а комфортность жизни — с конформизмом мышления. Они сигнализировали о наступающем духовном кризисе, связывая его с такими болезненными явлениями, как отсутствие самосознания, превращение души, похожее на «нравственную анестезию». Предлагались ими и возможные способы лечения общественных недугов. Впрочем в этом вопросе каждый имел свою точку зрения.

Шукшин анализировал глубинку, то бытие, которое сохранило ряд ценных элементов, исчезающих или изменившихся в новых условиях. Он утверждал ценность и необходимость таких извечных свойств души человеческой, как совесть, милосердие, доброта. Остро, даже болезненно переживал измельчание человеческой души, слабую и неорганическую ее слиянность с прагматизмом, стремлением обрести «душевное благополучие через благоприобретение». Шукшин одним из первых отметил человека сытого, обеспеченного, но живущего в состоянии духовного вакуума. Один из его героев так и говорит: «Ну, наелся я, а что дальше? Душа-то все равно квелая!».

Иоселиани — сын городской культуры. Рано приобщившийся к музыке, которая всегда считалась высшим проявлением художественного сознания, он и мир воспринимает, в отличие от Шукшина, многозначнее, внешне спокойнее, философски. Шукшин, негодуя, спрашивал: «Так что же с нами происходит?» Иоселиани мудро и печально констатировал происходящее. Шукшин открывал начало человеческих отклонений, Иоселиани показывал их последствия.

В «Листопаде» обездушенные и бездуховные обыватели — рабы вещей — властвуют и пользуются властью. Многие из них, вероятно, вчерашние крестьяне, но переродившиеся: они могли быть и родными тем крестьянам, которых режиссер показывает в начале фильма, это люди честного дела. Работники винзавода не помнят о традициях старых виноделов. Так же потребительски они делали бы любую другую работу.

«Пасторальные» герои вообще живут только для себя: музицируют, косят сено, строят дом, глушат рыбу. Правда, у них, в отличие от «фаворитов», есть хотя бы цель, пусть маленькая, но все же реальная. «Фавориты» просто жизнь проживают, идут по кругу, живут по кругу.

В одной из своих работ В. И. Ленин писал о том, что «нам нужно громадное повышение культуры»¹. Шукшин и Иоселиани воспроизвели картину массового размежевания между человеком и подлинными культурными ценностями.

В последних своих работах («Фавориты луны» и «Калина красная») художники показали людей, живущих или живших «вне закона», вне социальных ценностей. Герои иоселианиевской ленты рвут традиционные человеческие связи; Егор Прокудин у Шукшина этот путь уже прошел и теперь пытается обрести социальные привязки с миром. Герои обеих картин — результат бескорневого и потребительского существования в системе ложных культурных ценностей.

В «Певчем дрозде» звучит в душе героя мелодия, но она не включается в существующую систему, потому что ей чужда, диссонирует своей умиротворенностью и гармоничностью с суетой, обыденным шумом и бытовой музыкой. И даже мир профессионального искусства, в котором живет и работает главный герой фильма, — это скорее мир «службы», существующий отдельно от внутренней жизни человека.

Эта же мысль в «Пасторали» будет высказана отчетливее в символической сцене, когда машина с крестьянами застопорит перед остановившимся пассажирским поездом, из окон которого льются пленительные звуки моцартовской музыки. Люди в вагонах и люди в машине слышат эту музыку, но она не объединяет их, и потому так отчужденно они смотрят друг на друга. В «Фаворитах» художественные ценности — предметы купли и продажи. Люди вообще живут вне их, они уродуют живописное полотно, бьют посуду из старинного сервиза.

Иоселиани показывает результат поверхностного освоения системы нравственных, эстетических и мировоззренческих ценностей. Для Шукшина и его героев важнейшей проблемой становится вхождение в культуру, а точнее, довольно смутное осознание необходимости приобщения к ней. Шукшинские герои как бы примериваются, приспособливают те или иные элементы культуры к своей обыденной жизни. Шукшин исходил из бесконечности человека, видел его богатство в множественности и разнообразии. Созданная им художественная реальность представляет многочисленные варианты соприкосновения человека с неведомыми ему ранее ценностями, вызы-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 170.

вающие ситуации индивидуальные и неповторимые, печальные и комические.

В этой множественности есть нечто общее. Человек Шукшина всегда берется в состоянии переходности, неудовлетворенности собой и обстоятельствами. Ощущая неполноту бытия, он пытается что-то изменить в своей жизни. Процесс наполнения жизни новым смыслом разводит шукшинских героев по крайним полюсам.

На одном из них — человек, обстоятельствами жизни отдаленный от подлинных ценностей, берущий из культуры наиболее простое, доступное, близкое, чаще всего мыслимое как социально престижное. Поверхностное освоение культуры порождает суррогаты, псевдоценности.

На другом полюсе живут шукшинские чудики. Это люди, совершившие рывок к подлинным нравственным и мировоззренческим ценностям, выламывающиеся из общепринятых представлений. Они стремятся жить не только личными, но и общими интересами. Пашка Колокольников (фильм «Живет такой парень») развозит на своей машине народнохозяйственные грузы, а заодно и восполняет дефицит доброты, восстанавливает попорченную справедливость; другой шукшинский герой пробует изобрести вечный двигатель (рассказ «Упрямый»); третий пробует реставрировать заброшенную церковь (рассказ «Семен Рысь»).

Правда, и в жизни этих героев много странного, несуразного и даже печального. Они маются и страдают в тоске по «празднику для души», но не всегда умеют этот праздник создать, ибо сами не подготовлены и не приучены к разумному освоению культуры, а общество не сформировало возможностей для реализации устремлений человека. Все это и приводит к невозполнимым социальным утратам.

При анализе сложных, порой ошеломляющих явлений гибели и вырождения прекрасного человеческого материала Шукшин и Иоселиани не становятся «прокурорами» или «адвокатами» для своих «потребителей» и «чудиков». У них все построено на твердой уверенности в возможном прорастании осмысленного начала даже в самой пустопорожней человеческой душе. Они негодуют по поводу социальной не востребоваемости культуры и человека, сострадают человеку и стремятся поднять к достойной его жизни.

„И ИМЯ НАМ—ЛЮБОВЬ“

С Валерианом Гаприндашвили меня познакомил в 1922 году мой муж Григорий Северьянович Торадзе. Они были друзьями с детства и одноклассниками по Кутаисской классической гимназии. Жили друг против друга на Балахванской (ныне А. Церетели) улице. Впоследствии Валериан Иванович посвятил своему другу прекрасное лирическое стихотворение «Риони».

Позднее мы еще более сблизились, после того, как в 1925 году Валериан женился на моей старшей сестре — Ирине Ираклиевне Чавчавадзе.

По воспоминаниям моего мужа, в школе Валериан выделялся ярко выраженными гуманитарными способностями, был лучшим учеником по этим предметам, очень много читал. Однажды он поразил учителя русской словесности, который отказывался верить, что автор так понравившегося ему сочинения не был русским.

После окончания школы пути друзей разошлись: в 1909 году Валериан для продолжения учебы уехал в Москву, где поступил на юридический факультет университета. Встречались в летние каникулы в родном Кутаиси. Об одной из таких встреч муж вспоминал: «Осенью 1915 года, вернувшись домой с турецкого фронта, я встретил на улице Валериана. Он казался возбужденным и радостно оживленным. Приехал Бальмонт, — сказал он, — сегодня мы устраиваем ему дружескую встречу. Туда-то я и спешу».

Как известно, Валериан Гаприндашвили посвятил Бальмонту написанный на русском языке сонет, восхитивший, по словам очевидцев, знаменитого поэта. «В стихотворениях Брюсова, посвященных мне, — сказал Бальмонт, — есть скрытая ложь, они надуманы, обращения Вячеслава Иванова случайны, а этот сонет в четырнадцать строк очерчивает всего меня».

В нашем семейном архиве хранится известное фото, на котором запечатлены собравшиеся во дворе храма Баграта: Бальмонт с супругой, Г. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, И. Экаладзе, автор мелодии «Сулико» В. Церетели, известный артист Ю. Зардалишвили, первый грузинский кинодокументалист В. Амашукели и другие.

В архиве В. Гаприндашвили сохранились его очень интересные воспоминания (на русском языке) об этих памятных днях,

надеюсь, когда-нибудь они будут напечатаны, так же как и воспоминания о встречах с А. Белым.

Как известно, на прощальном банкете Бальмонт произнес благодарственный стихотворный экспромт, факсимильная рукопись которого, к счастью, также сохранилась.

Как нежный лепет колыбели,
Как странный шорох птичьих крылий,
Люблю содружных Руставели
Гаприндашвили и Яшвили.
Я с ними в Грузии грузином
Цвету опять всем сердцем к маю
и нежной розой по долинам,
приемля ветер, расцветаю.

(1915, Риони).

Возвращаюсь к первым годам знакомства с Валерианом Ивановичем. Еще до того, как он стал нашим зятем, я встречала его вместе с его неразлучными друзьями — Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили чаще всего в театре. Валериан был в восторге от Лауренсии Тамары Чавчавадзе (моей младшей сестры) и со свойственной ему горячностью просил передать ей свое восхищение. Глубоким почитателем артистического таланта Тамары он оставался до конца своих дней. Об этом свидетельствует прекрасное стихотворение «Баллада о шлейфе и веере («Тамаре Чавчавадзе — леди Мильфорд»)». Здесь же хочу отметить большую любовь Валериана к театру вообще. Вспоминаются еще два его стихотворения — сонеты, посвященные «великому чародею Константину Марджанову» (на русском языке) и замечательному артисту У. Чхеидзе. Театральными образами наполнен его известный поэтический сборник «Закаты» («Даисеби»). Сейчас мало кто помнит, что Валериану Гаприндашвили принадлежат блестящие переводы на грузинский язык «Разбойников» Шиллера и «Уриэля Акосты» Гуцкова, постановки которых относятся к ярчайшим страницам истории грузинского театра (он же перевел «Беатриче Ченчи» Шелли и «Рюи Блаза» Гюго).

После премьеры «Уриэля Акосты» К. Марджанишвили буквально силой затащил Валериана за кулисы, но так и не смог вывести его на сцену.

Непосредственной «виновницей» нашего породнения с Валерианом стала жена Тициана Табидзе — Нина Макашвили, которая была близкой подругой моей сестры Ирины и нашей дальней родственницей (мать моя — урожденная Макашвили). Она-то и познакомила ее с поэтом. Моя сестра Ирина была натурой поэтичной, тонкой, и она, конечно, не могла не оценить по достоинству высокоталантливое, блестяще образованное и, вместе с тем, на редкость чистое душой, деликатное человека, каковым, без сомнения, был Валериан. Что же касается самого поэта, он буквально боготворил ее, называл «моей мадонной». Вскоре состоялась их свадьба, на которой «шаферицей» была Нина Табидзе (Валериан, в свою очередь,

был крестным отцом дочери Нины и Тициана — Ниты). Исключительно дружеские, душевные отношения между сестрой и Ниной Табидзе сохранились и после смерти Тициана и Валериана. В тяжелые годы войны рано овдовевшие подруги часто виделись друг с другом и долгими разговорами старались развеять тягостные мысли. Ирина скончалась на несколько лет раньше Нины. Помню, во время панихиды 10 марта 1959 года Нина подошла ко мне и сказала на ухо:

— Внизу меня ждет Пастернак, не хочет появляться на людях и передает искренние соболезнования семье Валериана Ивановича.

Валериан очень сблизился с Борисом Леонидовичем в 30-е годы, когда тот несколько раз приезжал в Грузию и работал над переводами произведений грузинских поэтов. Пастернаку принадлежат блистательные, виртуозные переводы двух поэтических шедевров В. Гаприндашвили «Море» и «Кутаис в ветер», а также еще нескольких стихотворений. Думается, прав был критик Е. Эткинд, отметивший, что «В. Гаприндашвили больше привлек Пастернака, чем даже горячо им любимые Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Ему были свойственны черты, близко роднившие его с русским поэтом».¹

Борис Леонидович подарил несколько своих книг грузинскому собрату. На одной из них (роман в стихах «Спекторский», М., 1931) такая надпись: «Валериану Ивановичу Гаприндашвили с нежностью и большим желанием узнать его поближе. В. Пастернак. Коджори. 16.VIII.31 г.».

В свою очередь, Валериан посвятил Пастернаку сонет (на русском языке) «Ты мастер и поэт», заканчивавшийся словами:

Мы верим: ты свои расправишь крылья вновь.
Мы за тобой следим, и имя нам — любовь.

Как я уже сказала, Валериан был на редкость душевный, чистый, порой по-детски наивный человек, исключительно вежливый и обходительный со всеми, хотя в разговорах с близкими нередко ироничный. Эмоционально весьма неровный, он отличался вспыльчивостью. Моментально вскипал, но тут же остывал и стыдился своей минутной слабости. На удивление непрактичный и простодушный, был по-своему гордым и очень самолюбивым. В моменты волнения слегка заикался. Пьер Кобахидзе даже сочинил устную миниатюру, в которой с юмором рассказывалось, как однажды ночью подвыпившие писатели Валериан Гаприндашвили, Серго Клдиашвили и Ираклий Абашидзе встретились на улице с милиционером-заикой и что из этого получилось.

Валериан был щедрым человеком. Особенно любил дарить книги, но никогда их не надписывал. Говорил: — Как можно марать книги нашими каракулями!

Влюбленный в книги, он постоянно их покупал. Мог часами рыться в книгах на полках букинистических магазинов. По

¹ Цит. по кн. Т. Чхенкели «Статьи» (на груз. яз., Тб., 1972, с. 39).

моему наблюдению, особенно ценил русскую и французскую литературы. Пушкин, Лермонтов, Блок, Брюсов, Бальмонт, Бодлер, Малларме, Верлен, Рембо, Верхарн, Эдгар По — вот поэты, которых он упоминал чаще других. Разумеется, прекрасно знал грузинскую литературу. В его писаниях чаще всего встречаются имена Руставели и Бараташвили. Руставели он посвятил ряд стихотворений, внес свою лепту и в руставелологию, написав несколько статей. В 1937 году на руставелевских торжествах прочел доклад «Руставели и современность», который произвел сильное впечатление на присутствующих. Как вспоминала моя сестра Ирина, в процессе работы над ним он очень нервничал, говорил: «Я не настолько хорошо знаю Руставели, чтобы выступать с докладом». Он был очень требователен к себе.

Что касается поэзии Бараташвили, здесь его вклад еще более весом. Валериан был одним из первых его переводчиков на русский язык.

Еще в 1922 году вышла книга его переводов сочинений Бараташвили, среди которых особо следует отметить «Сумерки на Мтацминда» и «Серьга». Достоин оригинала и перевод (несомненно лучший из всех существующих) знаменитого стихотворения Галактиона Табидзе «Я и ночь».

Вообще всем переводам Валериана (в том числе и собственных стихов — под псевдонимом Тристан Мачабели) свойственны черты присущей ему высокой эстетической культуры и вкуса. Помимо переводов, ему принадлежат свыше 20 стихотворений, написанных по-русски.

Не берусь судить, но мне кажется, что роль и значение Валериана Гаприндашвили в нашей поэзии еще недостаточно оценены. Но, наверное, придет и его время.

Валериан прекрасно знал историю, особенно увлекала его эпоха Великой французской революции и Наполеона. Читатель, наверное, согласится со мной, что его замечательные сонеты, посвященные Дантону и Робеспьеру, отличаются удивительной «портретной достоверностью», истинно скульптурной лепкой художественных образов.

О своем творчестве поэт высказывался крайне редко, но, помню, как однажды в связи со своими «Закатами» он сказал: «Если когда-нибудь меня будут ценить, то благодаря вот этой книжке».

Изредка, преимущественно в первые годы нашего знакомства, он читал нам свои стихи на грузинском и русском языках. Помню, например, как читал «Сентиментальный триолет», «Ночные листья» и «Эмилю Верхарну», которые он особенно любил.

Музыкальным слухом он не обладал, но высоко ценил магическую силу музыки. В его стихах не раз встречается упоминание о Бетховене. Вспоминается его стихотворение «Скульптура Бетховена в левой стене консерватории», которое явилось следствием курьезного, хотя и легко объяснимого «оптического» обмана (на самом деле это статуя Антона Рубинштейна, черты которого действительно очень схожи с бетховенскими).

Вспоминается такой случай. В декабре 1924 года мы с мужем встретили на улице Валериана, державшего в руках небольшую связку только что отпечатанных журналов «Меოцნაბე ნიამორები» («Грезящие газели») № 11 (как известно, он был основателем и бессменным редактором этого на редкость оригинального журнала). С грустным лицом обратился к нам: — Это последний номер, журнал прекращает свое существование, — И презентовал нам один экземпляр¹.

Могу сказать, что была «свидетельницей» рождения одного из стихотворений поэта. Однажды летним вечером мне и Валериану пришлось пешком добираться до Цхнети, где нас ждали наши малыши. Каким-то образом мы сбились с пути. Наступила ночь. Ощущение было не из приятных. Этот случай вдохновил поэта на создание прекрасного стихотворения «На цхнетской дороге». В шутку я говорила ему, что он должен был бы посвятить это стихотворение мне.

Ближайшими друзьями Валериана были Паоло Яшвили и Тициан Табидзе, горячо, по-братски им любимые. Поистине это была «неразлучная тройка». Об отношениях с семьей Тициана я уже говорила выше. Очень теплыми были взаимоотношения и с семьей Паоло. Сохранились фотографии, где друзья запечатлены втроем. В стихах Валериана часты упоминания Тициана и Паоло. Одно из стихотворений так и называется: «Паоло Яшвили и Тициан Табидзе». В свою очередь Паоло и Тициан несколько своих стихотворений посвятили Валериану.

Очень тяжело переживал Валериан трагическую гибель Паоло Яшвили. Помню такой случай, связанный с теми ужасными днями. Вечером я зашла к нашим. Валериан был занят каким-то совершенно непривычным для него делом. Кажется, гладил свой галстук. Мы с сестрой тихо разговаривали. Вдруг Валериан выронил из рук утюг, опустился на стул и разрыдался. Трагическая смерть ближайших друзей, конечно же, ускорила наступление грозной сердечной болезни, сведшей его через несколько лет в могилу.

Ближайшими друзьями Валериана были также Али Арсенишвили, с которым он особенно сблизился в годы студенчества в Москве (ему он посвятил одно из стихотворений), Николо Мицишвили, Харитон Вардошвили, Шалва Апхаидзе, Сандро Шаншиашвили. Ражден Гветадзе, Серго Клдиашвили и особенно Колау Надирадзе, которого он очень любил и который впоследствии, после смерти Валериана, посвятил его памяти глубоко прочувствованное стихотворение.

Не могу судить о взаимоотношениях с Григолом Робакидзе, ибо они имели место еще до моего знакомства с Валерианом, но должна заметить, что в архиве Валериана хранятся два интереснейших письма Робакидзе к Валериану, датированные 1919 и 1921 годами. Их содержание не оставляет сомнений в

¹ В «Меоцнэбе ნიამორები» напечатаны исключительно интересные оригинальные эссе В. Гаприндашвили о Гурамишвили, Бараташвили, Малларме, Есенине, Брюсове и других. Думается, давно назрел вопрос об их издании отдельной книжкой, тем более, что они практически недоступны широкому читателю.

глубоком уважении и высоких коллегиальных чувствах писателя к своему собрату по перу.

Как известно, именно Григол Робакидзе и Валериан Гаприндашвили стояли у истоков грузинского литературного символизма, и я представляю себе, что их объединяли не только блестящая эрудиция и утонченный вкус, но и подлинный европеизм духа.

Свое уважение к Г. Робакидзе Валериан подтвердил переводом его стихотворений — «Поэту Франции» и «Эшафот на частоколе» на русский язык (см. сборник «Поэты Грузии», сост. Н. Мицишвили. Тбилиси, 1921).

Хочу вспомнить младшего друга Валериана — автора превосходного перевода на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» — Пантелеймона, или, как его называли близкие, Тосю Петренко, с которым он особенно сдружился в начале 30-х годов. Почти каждый вечер Петренко был гостем Валериана. Талантливый поэт, он был также наделен незаурядным даром художника, свидетельством чего могут служить его несколько сохранившихся работ и дружеских шаржей. Никогда не забуду, с каким мастерством разрисовал он стену в квартире Валериана в Театральном переулке (ныне улица В. Абашидзе. Между прочим, в этой квартире до того жили Ладо Месхишвили, а затем Васо Абашидзе). Это было настоящее живописное панно, которому очень подошло бы название «Современный Парнас». Здесь были известные зарубежные, русские и грузинские поэты, среди которых запомнились Рембо, Верхарн, Бодлер, Э. По, Брюсов (кажется, Блок), П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, сам Петренко и другие. Панно было решено в синих, голубых, черных, серых и светлооранжевых тонах и выполнено в полусюрреалистической, как мне представляется, манере. Короче говоря, эта уникальная «фреска» была отмечена печатью удивительного таланта, вкуса и поэтической фантазии ее автора. (Увы, иначе, видимо, думал следующий хозяин этой квартиры, тотчас же перекарасивший стену). А в день трагической гибели 27-летнего Тоси Петренко в мае 1936 года я впервые увидела слезы на глазах Валериана.

Из русских писателей наиболее близок был Валериану Б. Пастернак, о чем я уже говорила выше. Известно также, что дружеские отношения установились у «голубороговцев» с Сергеем Есениным в период его недолгого пребывания в Грузии в 1924 году. В письме к Тициану Табидзе Есенин просил передать привет «моим добрым друзьям — Паоло, Леонидзе и Гаприндашвили» (см. книгу Г. Цуриковой «Тициан Табидзе»). Хорошие отношения связывали Валериана с К. Фединым, который в свой приезд в Тбилиси (1937) не раз был в гостях у Валериана вместе с супругой, а также известными переводчиками Бриком и Лифшицем.

Несколько стихотворений Валериана перевел О. Мандельштам, с которым он познакомился в 1920 году, когда тот ненадолго приезжал в Тбилиси, а сблизился с ним в следующий, более длительный приезд Осипа Эмильевича в 1921 году. В том же году в Тбилиси была издана упомянутая выше книжка «Поэ-

ты Грузии», где помещены два стихотворения Гаприндашвили — «Куафер» и «Пятый закат» в переводах Мандельштама.

Как мне рассказывала моя сестра Ирина, познакомившаяся с Мандельштамом в начале 30-х годов, оба поэта относились друг к другу с большой симпатией, и Осип Эмилевич, как-то побывавший у них в гостях, очень удивил всех, прочитав наизусть два стихотворения Валериана¹.

Среди близких друзей нашей семьи не могу не упомянуть известного грузинского педагога, основателя Музея детской игрушки (ныне, к сожалению, не существующего) Тинатин (Тико) Ильиничну Туманишвили — человека необыкновенно тонкого, редких душевных качеств. Она буквально каждый день навещала Валериана в период его болезни, приносила ему цветы. Поэт посвятил ей два стихотворения — одно на грузинском, другое на русском языке.²

Хочу помянуть добрым словом ближайших и любимых родственников Валериана: его сестер, ныне покойных — Варвару и Нину, брата Датико, зятя — известного врача Александра (Сашу) Канделаки. Они буквально не отходили от постели больного Валериана, облегчали ему физические и нравственные страдания, скрашивали последние месяцы жизни.

Нежной любовью любил Валериан детей, без конца одаривал их сладостями, игрушками, книжками. Характерно, что всем детям нашей семьи он посвятил стихи: своей дочери — «Письмо Нине», племяннице — К. Канделаки — «Моей Кето» (оба опубликованы), дочери Тамары Чавчавадзе Лике — «Лирика и море» и моему сыну Гулбату шутивное стихотворение «Знаменитому охотнику Гулико Торадзе».

30-е годы в жизни Валериана были насыщены интенсивной творческой и общественной деятельностью в Союзе писателей Грузии (в 1934—1939 гг. он состоял ответственным секретарем и заведующим секцией художественного перевода). Ему часто поручали ответственные выступления на различных творческих форумах. В 1934—1937 гг. Валериан несколько раз ездил в Москву. На Всесоюзной конференции переводчиков (январь 1936) его выступление произвело большое впечатление. После окончания конференции на одну неделю он поехал вместе с женой в Ленинград. Очень переживал смерть матери в Кутаиси в марте 1935 года (в это время он находился в Москве и срочно выехал обратно). В эти годы вместе со своей семьей несколько раз побывал в Кахети (Телави, Ахмета), которую раньше плохо знал, а теперь казался очарованным. Это явно чувствуется в лирических стихотворениях «Надиквари» и «Один день в Ахмета». Очень сблизился с нашими телавски-

¹ По свидетельству К. Надирадзе, Мандельштам «знал наизусть бараташвилевскую «Серьгу» в переводе Валериана Гаприндашвили» (см. «Дружба народов», 1987, № 8. Здесь же напечатан «Куафер» в переводе Мандельштама) — ред.

² Любопытно, что в архиве Гаприндашвили сохранилось письмо (возможно, черновик) к Т. Туманишвили, в котором он благодарит за принесенные цветы и делится с ней мыслями относительно задуманного им сонета.

ми родственниками Вахваишвили-Чавчавадзе, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма. Любил также Квицихети, где несколько раз отдыхал в Доме творчества писателей.

Первый приступ грозного заболевания — сердечной астмы он испытал 11 июня 1937 года. Надо ли объяснять, что ускорило ее наступление? После этого он месяц отдыхал в Боржоми вместе с А. Абашели, которого очень любил. А после возвращения в Тбилиси сердечный приступ повторился. Тяжелые переживания и болезнь подкосили Валериана. Он стал нервным и замкнутым.

Привожу записи из дневника своей сестры Ирины: «Осенью 1938 года Валериан начал было ходить в Союз писателей, но вскоре пришлось перестать. Серьезные приступы стали повторяться все чаще. Ему предписали строгий режим, назначили лекарства. Я высказала мысль поехать к морю. Врачи разрешили, и в январе мы выехали в Батуми. Председатель Союза писателей Аджарии Пармен Лория отнесся к нам с исключительным вниманием. Нас поместили в лучший санаторий, каждый день к нам приходили писатели. Постепенно положение улучшилось, но по возвращении в Тбилиси ему пришлось снова лечь в постель почти на два месяца. Лето 1939 года мы провели в Сурами, где нас опекал писатель Д. Сулиашвили. Казалось, больной пошел на поправку. Валериан снова стал ходить в Союз писателей. В это время там проходили какие-то выборы. Валериана тоже избрали. Следующим летом снова поехали в Сурами. С нами была и сестра Валериана Нина, которая не отходила от него в последние месяцы жизни. В это лето Валериан много писал, создал несколько лучших своих поздних стихотворений: «Думы о стихах», «Детство и туманы» и другие. По возвращении, прямо с вокзала поехал к своей сестре Варваре, пробыл у нее две недели. По заказу театра им. Марджанишвили начал переводить «Рюи Блаза». Окончил работу в декабре. Однажды, когда в гостях у нас был постановщик спектакля В. Кушиташвили, с Валерианом случился сердечный приступ. Новый год он встретил в сравнительно хорошем состоянии. Написал стихотворение («1 января 1941 года»), оказавшееся последним в его жизни. В эти дни Валериан часто перечитывал биографии известных поэтов и свои старые стихи. Говорил: «Иногда начинаю сомневаться в себе, как в поэте». Но, видимо, чтение успокаивало его. Повторял слова А. Мюссе: «Я пью из маленького, но своего бокала».

К концу января стал чувствовать себя все хуже, временами терял сознание. В ночь на 31 января Валериана не стало».

Панихиды состоялись на квартире Валериана по проспекту Руставели. Помню горячо оплакивавших его К. Надирадзе, С. Чиковани, Г. Кикодзе, Л. Асатиани, Р. Гветадзе, Х. Вардшвили.

В газетах от 1 и 2 февраля публиковались некрологи. В комиссию по организации похорон, которую возглавлял Л. Квачели, входили Г. Леонидзе, Ш. Апхаидзе, С. Чиковани, Г. Кикодзе, Ш. Радиани, Р. Гветадзе. Хоронили Валериана из Союза писателей на кладбище в Ваке. А через год его останки перенесли в Дидубийский пантеон.

Спустя месяц после кончины поэта в зале Союза писателей состоялся вечер его памяти. Тамара Чавчавадзе прочла известное стихотворение Валериана «Такой стих». После заключительной строфы:

Такую песню сложить хочу я,
Чтобы венчала конец дороги,
И верю, что землю мою родную
Тронет мой глас, чистый и строгий,—

(перевод Л. Хаиндрава) весь зал, затаив дыхание слушавший артистку, словно по мановению руки волшебника, в едином порыве поднялся со стульев и устроил ей овацию.

Глаза многих присутствовавших туманили слезы. И дух безвременно скончавшегося поэта витал, наверное, тогда в зале.

М. ЧАВЧАВАДЗЕ-ТОРАДЗЕ!

---

¹ М. И. Чавчавадзе-Торадзе (1894—1980) — заслуженный врач Грузинской ССР, свояченица В. Гаприндашвили. «Воспоминания» впервые печатаются на русском языке.

МЫСЛИ О ТЕАТРЕ

Имя В. Гаприндашвили дорого грузинскому театру, поскольку он внес значительный вклад в грузинское театральное искусство.

В ноябре 1919 года журнал «Зеркало Кроноса» отмечал:

«Недавно в Кутаиси вышел в свет журнал «Хеловнеба» со статьей В. Гаприндашвили «Актер», где прекрасно говорится о назначении актера». Поэт пишет:

«Писатель, режиссер, зритель и актер — вот на что опирается театр, как сложный эстетический коллектив. В этих заметках мне хочется сказать только об актере, т. к. он является центральной фигурой театра. Известно, что величайшие драматурги Шекспир и Мольер были и актерами, Ибсен руководил театром как режиссер, таким образом сцена тесно связана с творчеством драматурга, но не это является предметом моей статьи. Для меня большой эстетической и психологической проблемой является актер».

В статье поэт рассуждает о силе духовной одаренности актера, уровне интеллекта, индивидуализме в искусстве; о театре и жизни; цели актера; субъективизме в психологии актера; о таланте и назначении актера и т. д. Все эти вопросы собраны в один узел — актер как эстетическая и психологическая проблема.

Автор раскрывает читателю суть феномена актера. «Личность актера в нашем воображении, — читаем в статье, — связана с проблемой многих героев. Эти герои растворяются в личности актера, а иногда уничтожают ее. Ведь назначение актера именно в том, чтобы отказаться от своего «я», подготовить свою личность как фон, почву, на которой создается чужая личность...

«Я» актера раздроблено, сегодня он — Макбет, завтра — Лир, послезавтра — Фауст и так до бесконечности. Думаю, истинный актер должен чувствовать себя Гамлетом, личность которого раздвоена, в ком вечно соседствуют разум и безумие. Эдмонд Кин сошел с ума, исполняя роль Гамлета... Я хочу

сказать, что перевоплощение часто имеет роковой конец. Актер должен чувствовать себя Гамлетом не только тогда, когда играет. Актер не только раздваивается, но и троеится и даже четверится, т. к. играет он множество ролей и носит множество масок. В течение четырех часов актер забывает свое «я», — продолжает поэт, — играя Отар-бега. Современному актеру чужд тип Отар-бега, ведь он должен впитать в себя всю его жестокость, должен перевоплотиться в него. Играя Дон Кихота, он должен проявить большой пафос, фантом благородства, беспредельного мужества. И в первом и во втором случаях силы для перевоплощения он черпает из сокровищницы своей души».

Сколько энергии приходится черпать актеру из «сокровищницы своей души», можно судить по следующим словам поэта: «Играя Карамазова или «Идиота» Достоевского, актер должен поставить на дыбы свою душу, должен пожертвовать собой. Он всегда должен быть готов к самопожертвованию, к самозабвению. Если бы актер, собирающийся играть роль Гамлета (здесь требуется как глубокий ум, так и темперамент), понимал, какие бездны таятся в ней, он отказался бы от исполнения ее.. Чем более образован человек, тем труднее, тем ответственнее быть ему актером. Хорош тот актер, который, символически осознавая свое назначение, и под чужими масками утверждает свое «я».

Встречу актера со своими ролями поэт понимает, как «дуэль с двойником», дуэль актера и личности, которую он создает. Она невидима простому зрителю. Каждый великий актер создает своего Отелло, который не похож на созданного ранее. Каждая роль — маска, и раз это так, актер может создать новую маску».

Каков путь от реальности до сцены для актера, какая соединительная нить между ними, в чем выражается суть всей его деятельности, с чем она связана? Вот что волнует поэта, размышляющего об актере:

«Театр рожден самой жизнью, и он тесно связан с ней. Наша жизнь — театр, и каждый из нас актер».

Помыслы актера, естественно, направлены к единственной цели — временно отрешиться от собственного «я», он всегда полон надежды, что наконец найдет роль, в которой реализует себя. Именно этому стремлению подчинены его интересы, стремлению воплотить в образе своего героя собственное «я». Здесь же поэт говорит, как актер разрешает эту проблему, стоящую перед ним, как он впитывает чуждую ему психологию.

«Помню, несколько лет назад Розанов в «Русском слове» напечатал статью, в которой выражал удивление, как может актер во время антракта курить папиросу и шутить с товарищами, в то время, когда он должен продолжать игру через несколько минут. Некоторые актеры перед выходом на сцену крестятся (подбадривая себя этим). Партер, как многоголовый дракон, ждет его, бинокли берут его на прицел, каждый его жест немедленно оценивается. Игра актера не импровизация. Он заранее знает каждый свой жест, но зачастую зажигается, играет лучше, чем сам ожидал. Истинный актер — жрец, не может тяготиться своей профессией».

Действительно, сколько любви, пламенного чувства к своему ремеслу в словах А. Васадзе, когда он говорит о самой любимой им роли Франца Моора. Его слова перекликаются со взглядами поэта:

«В течение спектакля все задачи, стоящие передо мной, я исполнял с такой убедительностью и вдохновением, что полностью забыл об усталости, и если бы меня попросили, сразу же, без перерыва смог бы сыграть заново. Конечно же, всего этого я добивался ежедневной работой и строгим режимом». (А. Васадзе «Мысли, воспоминания», Тбилиси, 1977, с. 313).

Сопоставляя театр и жизнь, В. Гаприндашвили проводит параллель между актером и поэтом, чтобы глубже постичь сложную натуру актера.

«Когда поэт лепит своего героя, он — и актер, и режиссер, но есть между ними и различие. Поэт свободно манипурует своими героями, фантазия его вольна создавать фантомы, актер же не может менять типажи, он должен воплотить их в определенных рамках. Конечно же, личность актера видна и в личности его героев... Происходит это, когда актер, подавляя свое «я», играет так, что мы говорим: роль «хорошо сыграна...». Здесь же рассуждая о функции актера, его целеустремленности, поэт особо отмечает тесную связь между театром и жизнью, снимает барьер между ними:

«Нельзя отрицать то, что мы вместе с актерами находимся в распоряжении таинственного режиссера. Проникнувшись сознанием того, что жизнь — маскарад, что театр — идеальная маска жизни, актер легко сможет сыграть свою роль. Никто не принадлежит самому себе, разве человек волен делать в жизни все, что ему заблагорассудится? Все мы — пленники жизни, и в ней не только актер вынужден говорить чужие слова. Мы и без сцены принуждены исполнять чужую волю до смерти, нашим режиссером является снисходительная либо

84635040
202-111033

беспощадная судьба. Актер не должен теряться в эфемерном маскараде, а в дуэли с двойником должен победить его бес-
смертный дух.

Театр — символ, актер — его слуга».

Здесь в конкретной формулировке выражен эстетический принцип символизма, очень близкий фатализму.

В преображении актера В. Гаприндашвили особую роль отводит костюму и декорациям, вносящим особое звучание в ход спектакля. С вопроса автору пьесы — брюнет или шатен его герой — актер начинает свою творческую работу. Он хочет знать цвет волос этого другого человека, чтобы проникнуть в потемки его души. Почему актер должен проникнуть в чужую душу? Да потому, что в этом поиске он находит себя, — говорит поэт.

Действительно, с этой мыслью В. Гаприндашвили перекликается рассказ актрисы Изы Гигошвили о том, как она работала над ролью Груше Вачнадзе: «Я обычно работаю над образом дома. В какой-то момент я почувствовала, что мне мешали волосы. Волосы Груше я представляла себе совершенно иными, грустными, как ее образ, а мои собственные казались мне атрибутом более счастливого человека. Беспокоило меня и то, что мой облик не соответствовал тому, как я представляла себе Груше. Поэтому я была недовольна. Перед самой премьерой я нашла то, что искала: я сделала себе парик из длинных волос дочери».

Носить платье тоже нужно уметь, для этого нужен особый дар, и надо сказать он присущ корифеям нашего театра. Одним из лучших стихотворений В. Гаприндашвили является «Баллада о веере и шлейфе», которое поэт посвятил красе грузинской сцены Тамар Чавчавадзе:

**Белый веер держала в руках,
Крыльями птицы нежными,
Длинный шлейф в морских волнах
Полз по ногам ее шелестом страстным**
(Подстрочный перевод).

Беседуя о сценических аксессуарах, поэт отмечает: «При Шекспире декораций не было, грим также не являлся обязательным для актера». Главное тут на переднем плане психологическое осмысление образа — подразумевается не формальное, а духовное перевоплощение. В. Гаприндашвили отлично знал сценическое искусство, был тесно связан с театральной жизнью, и он, бесспорно, знал историю западного, европейского

театра. «Многое в театре шекспировской эпохи, — читаем мы в «Истории западноевропейского театра», — было условно. Сцена изображала то одно, то другое место: то поле, то площадь перед дворцом, то само здание. Смена мест действия обозначалась перемещением действующих лиц. Из их слов должно было явствовать, где в данный момент находятся персонажи».

Не только в статьях о театре, но и в замечательных стихотворениях «Праздник Офелии» (В. Анджапаридзе), «В театре», «Паганини», «С галерки оперного театра» и т. д. В. Гаприндашвили старается передать эмоциональное воздействие театра на зрителя.

Вспоминает зять поэта А. Канделаки: «Грузинская общественность устроила большой банкет К. Марджанишвили, на вечере был В. Гаприндашвили. Участники банкета обращались к любимому режиссеру с восторженными речами. В конце попросили Валериана сказать что-либо. Валериан сказал: я не могу выступить с речью, но прочту свое стихотворение.

Волнуясь, он немного заикался, но на сей раз прочел стихи прекрасно, и все присутствующие горячо аплодировали. Потом, когда они с Котэ Марджанишвили шли по улице Броссе, Котэ попросил его еще раз прочитать это стихотворение.

На тихой улице прозвучал сонет, посвященный режиссеру: «Константину Марджанову».

**Сын солнца, ты горишь в огне безумных планов.
Ты создаешь миры, как новый Саваоф.
Народ откликнулся на твой могучий зов,
Грозой и молнией сверкающий Марджанов...**

Поэт восторженно писал о корифеях сцены: «Актер может гордиться своей профессией, потому что он ежедневно видит жизнь в прелестной и коварной маске театра. Душа актера принадлежит как истине, так и мечте — и он в своей личности должен спаять реальность и мечту, прекрасное и трагическое. Актер может обратиться к себе с монологом Тютчева:

**О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!»**

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

(«МОРЕ» ВАЛЕРИАНА ГАПРИНДАШВИЛИ)

Приведем подстрочный перевод датированного 1922 годом стихотворения на русский язык.

М о р е

Морю хочется быть маленьким,
Как нежнейшая птичка колибри.
Самое себя к звезде приравняло,
На небе что сияет беспрепятственно (без помех).

Морю надоела (наскучила) своя тяжесть,
Великость (огромность), буря, гром.
Увидело (море) во сне озеро мерцающее
И китайки болящую ногу.

Морю больше не нужна своя полнота (ширь),
Будто пиявка к сердцу присосалась:
Бессильной любовью теперь оно пронзено —
Желает в камне кольца уединиться,

Чтобы булавки почувствовать нежность,
И своим слухом последовать за ручьем,
Чтобы на качелей легкой проволоке (железке)
Повиснуть, как какаду.

Но пришла со свитой женщина,
Свое имя на воде написала.
В маске, словно буря,
Улыбалась она криво.

Волна поднялась (взметнулась) кипучим
(бурлящим) столбом,
Волна — гиена и Эйфель (Эйфелева башня):
Собой море пожертвовало,
Последовало за царицей как шлейф*.

Первые четыре строфы являют собой пример конструкции обобщения — здесь временные отношения не воссоздаются. В этой части стихотворения отчетливо проступает своеобразие символистской поэтики, не порывающей с поэтикой романтизма, но вырабатывающей свои собственные имманентные принципы. Так, если в романтической поэзии процесс персонификации объекта самодовлеющ и оформляется по ходу течения стиха, то в поэзии символизма объект персонифицирован заведомо, а *prigori*. Тайная связь между вещным миром и человеком, между объектом и субъектом — тема романтической поэзии (отсюда — обилие в ней сравнений); в поэзии символизма она уже просто постулируется. Зачинателем такого подхода был уже Бодлер, о котором исследователь его творчества проникновенно пишет: «Любимые романтиками сравнения людей с вещами или явлениями восприняты Бодлером не столько в их метафорическом, сколько в непосредственном отождествлении их на базе образного единства»**. В рассматриваемом случае, правда, речь может идти скорее о функциональном единстве, но это не суть важно. Уже первая строка «Морю хочется быть маленьким» («Згვას энатреба икос патара») вводит Море не просто как условный персонифицированный объект, а как личность, чья «всамделишность» в поэтической действительности не может быть подвергнута ни малейшему сомнению. Лирический субъект-повествователь берет на себя роль посредника, адвоката идей этого персонажа, принимая его внутреннюю точку зрения и привлекая к ней внимание читателя. Раскрытие личностных качеств персонажа осуществляется путем поочередного ввода глаголов с модальными значениями:

* Подстрочный перевод выполнен В. Нишнианидзе.

** Орагвелидзе Г. Г. Стих и поэтическое видение (на материале французской поэзии второй половины XIX века). — Тбилиси, 1973, с. 62. (Разрядка моя. — В. Ч.).

Згвас эна трება...	Морю хочется...
Згвас моэцкина...	Морю надоела...
Згвас агар унда...	Морю больше не нужна...
(Згвас) сурс...	(Море) желает...

Ключевой, опорный характер этих глаголов подчеркнут их местоположением — первая строка каждой строфы (за исключением последнего «желает», сдвинутого на одну строку), причем все последующие строки той или иной строфы (а в последнем случае — вся последняя строфа) развивают тему, заданную этими опорными словами. Следует также отметить, что развернутая система оригинальных метафор явилась непосредственным следствием такого априорного, довольно жесткого очеловечивания традиционного объекта романтической лирики. Обратим также внимание на экзистенциальную по своей сути трактовку пространства: Море испытывает желание самоограничения, сжатия до размеров камня, вправленного в кольцо, то есть обнаруживает тенденцию к упразднению пространства своего пребывания в мире*.

Последние две строфы стихотворения переводят повествование в событийную плоскость (сигнал перевода — союз «но», показатели — глаголы совершенного вида):

**Но пришла со свитой женщина,
Свое имя на воде написала.
В маске, словно буря,
Улыбалась она криво.**

**Волна поднялась кипучим столбом,
Волна — гиена и Эйфель:
Собой море пожертвовало,
Последовало за царицей как шлейф.**

Именно эта сильная причинно-следственная связка «пришла женщина...⇒ волна поднялась...⇒ последовало (море за ней)» со стоящим за ней комплексом представлений о могуществе женского начала и является смысловым стержнем всего стихотворения. В свете сказанного резко бросается в глаза несоответствие заголовка «Море» результатам поэтической мысли — гораздо более удачным представляется заголовок «Жен-

* Ср. работу М. Хайдеггера «Искусство и пространство».

щина» (если уж использовать номинативные функции существительного).

Любопытно проследить, насколько точно переданы временные отношения в переводе Б. Л. Пастернака:

Море мечтает быть чем-нибудь махоньким,
Вроде как сделаться птичкой колибри
Или звездой на небе заяхонтить,
Только бы как-нибудь сжаться в калибре.

Обременительны, грозны тайфуны,
Их необъятность, их необитаемость.
То ли в мерцании тихой лагуны
Ножка купающейся китаянки!

Как надоело ему полноводье!
Сердце сосущей пиявкой ужалено.
Взять и вместиться б, целуя ободья,
В узком глазу кольца обручального!

Чтобы плениться булавкою колкой,
Речки журчанием, шелестом рощицы,
Иль, с потолка облетая светелку,
Какаду на проволоке взъерошиться,

Но появляется женщина с воинством,
В маске из молний и в дыме мимикрий,
И, на воде расписавшись разгонисто,
Прячет усмешку в прорезях вихря.

Эйфель за Эйфелем, башни из пены!
Все м ураганом своим тигрошкурым
Море вприпрыжку ползет за надменной,
Все изгибаясь, как шлейф за турнюром*.

На наш взгляд, перевод, характеризуясь весьма высоким профессиональным уровнем и являя собой образчик высокого искусства, тем не менее не воспроизводит специфики оригинала. Так, самый ответственный участок повествования — момент перехода из несобытийной плоскости в событийную (17-я строка) — передан неточно:

*См.: Гаприндашвили В. И. Избранное. М., 1958, с. 29—30.

Но появляется женщина с воинством...

Замена глагола прошедшего времени совершенного вида «мовида» («пришла») глаголом настоящего времени несовершенного вида «появляется» вряд ли может быть признана удачной: сглаживается эффект неожиданности. Употребление несовершенного вида вместо совершенного в дальнейшей части стихотворения приводит к ослаблению причинно-следственных связей. Динамичная концовка оригинала растворяется в целом каскаде эффектных метафор и сравнений. Таким образом, искажение временных отношений при переводе приводит к необратимой «порче» оригинала даже в тех случаях, когда налицо высокое мастерство переводчика.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«МЕРАНИ»

НАДИРАДЗЕ К. Моя звезда. Стихи. Пер. с груз. Тбилиси, 1988. 119 с. 2 000 экз. 60 к.

УБИЛАВА Э. Горячий берег. Роман; Хранитель сокровищ. Повесть. Пер. с груз. Тбилиси, 1988. 293 с. 15 000 экз. 1 р. 70 к.

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

Родина или «привычный пейзаж»?

ПОСЛЕДНЕЕ время в мировой — да и в нашей прессе, много пишется о естественной, а также искусственной, организованной миграции населения. Проблема миграции — перемены мест народонаселения, не нова. Она возникла одновременно с зарождением человечества, а еще шире — самой жизни на Земле, и будет существовать, покуда на нашей планете не прекратится жизнь, покуда сохранится возможность перемещения с одного места на другое малых или больших групп людей.

Причиной и движущей силой миграций изначально были экономические потребности. Эти экономические потребности общества сохраняют свою роль по сей день, сохраняют ее и в будущем.

В доисторический период, в доклассовом обществе, еще во времена родового строя, коренному исследованию и научному анализу которого посвящена известная работа Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — большие группы людей — роды, вела кочевой

---

* Эта статья была написана в 1980 году и подготовлена к публикации в журнале «Цискари», но по целому ряду причин публикация до сих пор не состоялась. Поднятые в статье проблемы и сегодня видятся чрезвычайно острыми и злободневными.

образ жизни, перемещались из одного края земли в другой, все время меняя место и среду обитания.

Исследовав образ жизни племени ирокезов, Энгельс сделал зримой для всех картину отрочества человечества и тем самым заложил основы научного изучения человеческого общества в далеком прошлом.

В ту эпоху еще были слишком примитивны орудия производства, с помощью которых позже человек изменил окружающую среду и самого себя. Человек довольствовался тем, что даровала ему природа и при этом оставался рабом стихийных сил. Позже в обиходе появляется огонь, шалаш, каменный серп, лук, совершившие подлинный переворот во взаимоотношениях людей. А с приручением наиболее смиренных животных закладываются основы скотоводства.

С этой поры человек в известной мере преодолевает зависимость от сил природы и становится хозяином своей судьбы. Он уже меньше зависит от капризов бога охоты. У него есть домашнее стадо и он в любой момент может удовлетворить потребность в пище.

Кочевые племена постоянно меняют место жительства. В поисках лучших пастбищ они гонят свои стада за сотни и тысячи километров, оставляя позади вытопанные пастбища и покинутые городища. Их союз с окружающей природой носит в ту пору все еще пассивный, потребительский характер. Пастух-кочевник только берет от природы то, что ему нужно для утоления унаследованных инстинктов, но ничего не дает взамен, нигде не оставляет сколько-нибудь существенных следов своего пребывания. Он никак не привязан к тому или иному уголку земли, поскольку у него нет прошлого, он смотрит только вперед — в будущее, и самым желанным местом для него является то, где жирнее пастбища и где дольше можно прокормить стада.

Затем возникает земледелие, человек все активнее и глубже внедряется в природу, в ее таинственное лоно; появляется плуг, культивируются плоды и злаки, и кочевые племена постепенно оседают и закрепляются на одном месте.

Здесь же следует отметить, что возникновение и развитие земледелия, впервые вызвавшее неравномерное распределение и накопление богатств, ускорившее разделение общества на классы, не явилось непреодолимым тормозом для миграций. Роды, а затем и многочисленные объединения родов — племена — продолжали менять места обитания, однако уже не столь интенсивно, продолжали искать более плодородные и

легко обрабатываемые земли. Часто эти земли оказывались занятыми другими, но сильные племена не обращали на это внимания и огнем и мечом завоевывали себе то, что было по-лито чужим потом и кровью.

Сегодняшнее человечество почтительно называет родоначальниками цивилизации только те древнейшие народы, которые на заре истории отказались от кочевого образа жизни, от перманентной миграции, обосновались на той или иной территории, занялись разнообразной формой хозяйствования и оставили на Земле свой глубокий след.

На протяжении столетий и тысячелетий складывались и принимали все более совершенную форму объединения родственных племен и их общее оружие — язык, вероисповедание, ценности духовной и материальной культуры, — строились деревни, крепости и города, культовые и оборонительные сооружения, формировались на основе общности территории, экономики и духовных достижений нации национальные государства и их институты.

Касаясь миграции, как явления (как у нас, так и за рубежом), нередко обращаются за примером к Соединенным Штатам Америки, проводят параллель между США и Советским Союзом и считают рациональное, не стихийное распределение производственных сил в США примером, заслуживающим подражания.

Насколько такое суждение близко к истине? По-моему, исчерпывающий ответ на этот вопрос можно получить только путем глубокого и вдумчивого подхода к существу проблемы.

Можно ли в плане затронутой проблемы проводить параллель между США и Советским Союзом? Внешне как будто бы можно. На основе чего? На основе того, что Союз Советских Социалистических Республик, выросший на обломках бывшей Российской империи, подобно Соединенным Штатам Америки, государство многонациональное, объединяющее представителей более чем ста наций и народностей.

Что стоит за этим бесспорным фактом?

Великие географические открытия, которыми был так богат пятнадцатый век, вызвали необычайное оживление в цивилизованных, но бедных землей и золотом странах Европы. Началась большая миграция. К новому континенту, открытому в Западном полушарии Христофором Колумбом и Америго Веспуччи и позже названному Америкой, двинулись сотни тысяч людей из Европы и Азии. Они азартно искали земли, пригодные для земледелия, и свободу. Неоглядные прерии Америки,

большая часть которых была не заселена, а меньшая заселена аборигенами — индейцами, обещала им исполнение всех желаний.

Земле было все равно, кто ты и откуда пришел: англичанин ты или испанец, португалец или француз, русский или итальянец, немец или грек. Но и многочисленным колонистам было не столь уж важно, какую сторону Америки занимать — Восток или Запад, Юг или Север, только бы захватить побольше плодородных земель и месторождений золота, лихорадочные поиски которого со временем охватили весь континент.

Колонисты-иммигранты в сущности мало чем отличались от первобытных кочевников, бродивших со стадами по горам и долинам в поисках сочных пастбищ.

У них, позже назвавшихся гражданами Соединенных Штатов Америки, за океаном остались родина, дом, могилы предков, народ, истинными сынами которого они себя считали, тамошние законы и обычаи и даже Бог. Они добровольно отказались от всего этого, добровольно покинули родину, и гонимые нуждой и социальной несправедливостью или же захваченные мечтой о легком обогащении, променяли благодать отчего края на поиски счастья под чужим небом.

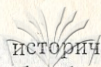
В Америке — этом новом Вавилоне, колонисты-иммигранты должны были начать новую жизнь, привыкать к новым порядкам, должны были заглушить в себе ностальгию — тоску по родине, и лишённые поддержки и доброго слова родных людей, вступить в борьбу с каждодневными трудностями с мужеством и энергией первопроходцев, искателей приключений,

В дальнейшем жители этой страны создали большое и сильное государство — Соединенные Штаты Америки, всесторонне развитое и основанное на прогрессивных по тем временам идеях. Но в одну нацию они все-таки не сформировались, не превратились в один национальный организм, не создали отличную от других культур национальную культуру.

«Американец» или «американский» больше указывает на географическое место, чем на какое-то новое качество, отвечает скорее на вопрос «откуда», чем — «какой». Оно по содержанию значительно беднее, чем, к примеру, «англичанин» и «английский», «француз» и «французский», «испанец» и «испанский», «итальянец» и «итальянский», «грек» и «греческий» и так далее.

С учетом всего вышесказанного не трудно понять, почему в США сравнительно легко организовывать, планировать и заселять в соответствии с экономическими потребностями те или

иние территории и регионы. В этом своеобразии исторической судьбы Соединенных Штатов, и мы совершили бы большую и неисправимую ошибку, если бы попытались использовать ее пример в перераспределении производственных сил в другом многонациональном государстве, в частности, в Советском Союзе.

— Есть ли у нас основания утверждать это так категорично? Думаю, что есть.

В отличие от США бывшая Российская империя, территорию которой получило в наследство Советское государство, была создана не на голом месте. Сюда никто ниоткуда не приходил, никакие существенные миграции и захваты свободных земель не происходили. Задолго до создания Российской империи здесь жили народы, у которых была своя многовековая культура, государственность и исторически определенное лицо.

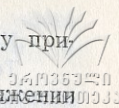
Советское государство — добровольный союз этих суверенных народов, что законодательно закрепляет и гарантирует Конституция СССР, закон законов.

То обстоятельство, что СССР многонациональное государство, что у всех народов, входящих в его состав, есть свой язык и национальная культура, и в отличие от смешанного, съехавшегося со всего света населения Соединенных Штатов Америки народы эти с незапамятных времен жили в известных границах, на своих исконных землях, не помешало им в самый решающий для судьбы Советской страны исторический момент проявить монолитное единство и с победой выйти из серьезнейшего испытания.

Примером тому Великая Отечественная война и историческая победа советского народа в этой войне.

Силой, объединяющей советские народы, той вдохновляющей силой, которая поднимает каждого советского гражданина, без различия национальной принадлежности, на защиту завоеваний Октября, является советский патриотизм. И он, советский патриотизм, общая и всеохватывающая сила, не исключает, а, напротив, подразумевает, и весьма сильно, верность национальным традициям, поскольку, как учит марксизм, все подлинно национальное по своей внутренней природе интернационально и понятно всем народам.

Связь личности со своим народом и страной, а не только с государством, имеет глубокие корни, и рассмотрение вопроса в этом аспекте завело бы нас слишком далеко, пожалуй, что и увело бы от обсуждаемого предмета, но один пример я все-таки приведу.

Чтобы избежать упреков в местничестве, я приведу пример издалека, вспомню далекую Голландию.

Как и многие другие народы, голландцы на протяжении столетий боролись с завоевателями, отстаивая национальную независимость и родную землю, и на протяжении столетий они строили свою страну, упорно отвоевывая ее у моря. И сейчас можно услышать крылатую фразу, которую с гордостью услышал бы о себе любой народ: «Бог создал море, а голландцы — сушу!». Трудно сказать, что потребовало от голландцев больше жизненных сил: нескончаемые и непримиримые войны или создание рукотворного ландшафта страны. Здесь кровь и пот дополнили друг друга и приобщили народ к бессмертию. Вспомним религиозные войны, совпавшие с великими географическими открытиями; горящие на каждом перекрестке костры инквизиции, испанский король — сатрап Филипп Второй, его сподвижник, палач народов Голландии и Бельгии герцог Альба, причисленный народом к лику святых Вильгельм Оранский, осада Лейдена и, наконец, победоносное завершение восьмидесятилетней войны — подъем трехцветного флага национальной независимости.

У голландцев, так же как и у многих других народов, собственными руками строивших свою страну, а в минуту испытаний поливших ее своей кровью, особенно развито и обострено чувство родины.

Как считают некоторые теоретики, родина не обязательно то место, где ты родился; это понятие более сложное и глубокое. Часто случалось: люди рождались вдали от родины, росли в чуждом окружении, даже не знали родного языка, но когда их мысль достигала зрелости, когда наступала пора возмужания и самопознания, люди начинали стремиться к родине, искать ее, считая единственной и первой целью положить жизнь на ее алтарь.

Примеры? Сколько угодно!..

Факт, и его никто не станет отрицать, что во всем мире, в том числе и в Советском Союзе, наблюдаются заметные перемещения народонаселения, миграции. Некоторые социологи и экономисты прямо пишут, что сейчас трудно найти человека, не поменявшего хотя бы дважды или трижды место жительства. Из сел переезжают в города, из городов на стройки — на Север, в Сибирь или Дальний Восток. Движение населения, таким образом, на данном этапе стало массовым, каждый день десятки и сотни тысяч людей движутся во всех возможных направлениях и оседают на новых местах.

Хорошо это или плохо?

Теоретики также задаются этим вопросом и по-своему отвечают на него.

На этот раз, чтобы ответить на поставленный вопрос, я не стану отправляться далеко; припомню образ жизни своего соотечественника, жителя Грузии — грузина.

Когда молодой грузин женится и отделяется от родительской семьи, чтобы зажить своей семьей, он первым делом огораживает свой двор, наскоро строит временное жилье и начинает сажать фруктовые деревья и обрабатывать землю под виноградник. Но это «первым делом» растягивается на несколько лет. Рождаются и подрастают дети, растет фруктовый сад, начинающий плодоносить через десять-двенадцать лет. Надобно запастись терпением! Терпение прежде всего! Примерно в этом же возрасте входит в силу виноградник, раньше приносивший всего по несколько гроздьев с куста. Все еще молодые супруги, родители подростков, с надеждой смотрят в будущее и мечтают только о том, чтобы на земле был мир, и они могли бы воспитать из детей хороших людей и воспользоваться плодами своего труда. Они трудятся день и ночь, достойно встречая как друзей, так и недругов, и заботясь о доме, саде, винограднике, огороде, хранилище вина, лесе, роднике, оросительном арыке... Если им повезет и жизнь их не окажется коротка, оглянувшись, они увидят себя пожилыми, поседевшими, с изборожденными морщинами лицами, но все еще сильными, закаленными и жадными до работы. Справляется первая свадьба, за ней другая, третья... Слышен плач первого младенца, рождается новая молодая семья и все начинается сначала...

Положа руку на сердце: когда, на каком отрезке своей жизни сможет грузин, несущий на себе ярмо традиционной семьи, собраться, связать узлы и отправиться в путь на новое место, если для завершения труда, для достижения цели, намеченной еще в юности, ему не хватает и одной жизни? Куда он поедет? На кого оставит благоустроенный собственными стараниями дом и ухоженный двор, взлелеянный сад и огород, виноградник, леса, горы и поля, сотни и тысячи лет назад орошенные потом его предков, отчий край, для защиты которого в неравном бою было пролито море крови! Или, может быть, традиционного дедовского ярма нынче надо стыдиться? Следует отказаться от него? А почему, собственно говоря? Ведь это ярмо честного, безукоризненного труда, который красит любого человека и приумножает богатства страны.

Потому-то у самоотверженно влюбленного в родину поэта вырвались строки: «Родился я, чтоб быть твоим рабом и нести на себе твое ярмо, о, Грузия!».

Не надо удивляться тому, что выше я говорил только о крестьянстве и все социальные слои нации на первый взгляд свел к крестьянству. Мы, грузины — и крестьяне, и рабочие, и интеллигенция — дети крестьян, в наших жилах шумит кровь земледельцев; подобно тому, как вся большая русская проза вышла из гоголевской «Шинели», мы все вышли из крестьян, наши корни все еще в деревнях и селах, мы питаемся соками земли и из родных деревень получаем эликсир жизни, непрерывное обновление. Человек, оторвавшийся от родной почвы, от родного народа, человек с перерезанной пуповиной уже не грузин, но всего лишь биологическое продолжение предшествующих поколений своего рода, переродившийся космополит и врагу от него, пожалуй, больше пользы, чем друзьям.

Я путешествовал по Самцхе-Джавахети, небольшой части древней Месхети. Три дня ушло на то, чтобы только посетить, увидеть исторические памятники, разбросанные на этой земле от Ацкури и Зарзмы до Кумурдо.

И если встреча с развалинами грандиозного Ацкурского кафедрального собора еще раз наполнила скорбью мое сердце, напомнив о потоках крови, что текли здесь во времена нашествий и междуусобиц, то неопишуемой радостью и гордостью вознаградила меня притаившийся в Самцхийских горах почти неприступный монастырский комплекс Сапары, при виде которого нельзя не испытать чувства восхищения творческим гением человека.

Прошли века, сколько исторических бурь пронеслось над страной, а возведенная неутомимой десницей строителей-грузин Сапара стоит без изъяна и утверждает в сердце веру и неистощимую надежду. Веру в то, что ты — сын трудолюбивого народа, пришедшего в мир для созидания, и надежду на то, что ты и твои потомки не осрамятся и положат хоть по одному кирпичику в стену, возведенную предками.

Я не собираюсь петь хвалу Сапаре и заострять внимание на памятниках прошлого. На этот раз совсем другие причины побудили меня взяться за перо. Путешествие по Самцхе-Джавахети и посещение всем известных и святых для нас мест я вспомнил только для того, чтобы сказать несколько слов о людях, потрудившихся некогда для украшения и возрождения этого края.

Орды, нагрянувшие из-за тридцати земель, разрушали, сметали все с лица земли, а народ наш строил, строил, даже тогда, когда над ним стоял завоеватель, строил, ибо считал созидание первейшим долгом, оправданием существования и не мог не строить. Строитель с незапамятных времен понимал, что будущее только за созиданием, а разрушитель в конце концов разрушит и себя самого. И разрушил. Нам осталось только то, что с упрямой верой в будущее возвел на этой благословенной земле грузинский народ.

Нет под небом ничего дороже и любимее того, что ты создал своими руками.

Во время путешествия по Самцхе-Джавахети и посчастливилось мне испытать эту старую и вечно новую радость. Недалеко от дорогой памяти каждого грузина Аспиндзы я повидал древнее село Ошора, жители которого несмотря на принявших мусульманство атабагов и всевозможные притеснения их подручных на протяжении веков сохранили верность отчизне; но в конце концов трудности и тяготы все-таки сделали свое черное дело, село Ошора постепенно опустело и вот уже на глазах нашего поколения ему грозило окончательное разрушение. И какому селу! Что может быть лучше его родников, лучше жирных, словно специально удобренных черноземов, на которых цветет и растет даже случайно воткнутый прутик, краше отяжелевших от плодов, свисающих до земли яблонь и груш, шелковиц и айвы, огородов и нив!

Не станем сейчас выяснять, куда перебрались и где поселились бывшие жители Ошоры и их близкие и дальние соседи, какие жернова истории вращались над ними. Поговорим только о том, что очевидно сегодня.

В Ошоре я застал поразительную картину. Я увидел своими глазами, как возрождалось и строилось село. Строилось в полном смысле этого слова. Быстро возводили дома новые жители этих мест — новоселы из Аджарии. Одни уже успели возвести капитальные стены, другие только закладывали фундамент, некоторые дома были покрыты черепицей и плотники приступили к настилке полов. На обочинах дороги лежали горы строительного материала, сохли недавно напиленные доски, плелась из железных прутьев арматура, неподалеку пытели бульдозеры, прокладывая широкую прямую улицу. Вдоль мощенной булыжником улицы в глубокой канаве были уложены толстые чугунные трубы, которые донесут до обновленной Ошоры чистейшую родниковую воду.

Я разговорился с новоселами, благословил их дома! Дай

Бог им строиться и размножаться! И пусть не только в Ошоре, но и окрест не уместается их потомство. Пусть оживет и зашумит замершая в этих местах жизнь!

Уверен, что так оно и будет. Из узкого и плотно заселенного Аджарского ущелья, где хозяину давно негде воткнуть колышек, продолжается миграция населения, продолжается, разумеется, в пределах республики, миграция добровольная и планированная, на сегодняшний день чрезвычайно нужная и имеющая далекую перспективу.

Я видел еще одно довольно большое село переселенцев-аджарцев в другом благословенном уголке Грузии, в Кахетии, в Алазанской долине. Это село Самтацкаро, оно на наших глазах восстает из пепла, крепнет и готовится к новой жизни. Много новых сел и в других местах. Много очагов, погасших в мрачные времена истории, опять затеплились и через год-другой разгорятся еще жарче.

Кто же они такие — новоселы этих мест? Это плоть от плоти и кровь от крови тех, кто на скрипучих арбах везли из каменоломен еще не обработанные блоки для строительства удивительной Сапары, кто возвел Хертвиси, Вардзию, Тмогви, Кумурдо, Зарзму, Тимотэсубани.

Люди на старых фундаментах строили новые дома. Они — потомки цивилизованного народа, тысячелетия назад обосновавшегося на этой земле, народа, которому, как сказал поэт, смерть на родине слаще жизни в чужом краю. Отсюда он вносит свой вклад в общую сокровищницу советских народов, отсюда отправлялись его сыны для борьбы с общим врагом и здесь под гостеприимным кровом испокон века щедро принимал он добрых друзей. Что в этом удивительного и противоестественного? Противоестественным было бы как раз обратное.

Будь все это не так, как и чем мы могли бы объяснить бесчисленные жертвы, принесенные каждым свободолюбивым народом для защиты родной земли, национальной самобытности и независимости? Как мы объяснили бы значение, к примеру, гражданина Минина и князя Пожарского для истории России? Чем можно было бы объяснить беспримерное героичество и самоотверженность русского народа в войне с Наполеоном Бонапартом? Ясно, что объяснить все это только законами экономики невозможно. Здесь действуют другие законы, и пренебречь ими было бы так же неправильно, как и лишь формально упомянуть о них.

Некоторые теоретики считают, что миграция, являющаяся сама по себе объективным процессом, не всегда поддается конт-

ролю и управлению; если в одних случаях она желательна, полезна и даже необходима для развития производительных сил, то в других случаях может быть вовсе нежелательной. Массы людей стихийно покидают свои родные места, читаем мы в одном труде, и из Тюменской области, Якутии, из районов Дальнего Востока, где плотность населения и без того катастрофически низка, перемещаются на жительство в южные районы страны, которые, можно сказать, не нуждаются в притоке рабочей силы. По расчетам тех же авторов, к примеру, среди строителей южно-таджикского территориально-промышленного комплекса слишком высок процент переселенцев из Сибири и Дальнего Востока. Все еще не уменьшается приток рабочей силы из центральных районов Российской Федерации, что грозит этому краю абсолютным сокращением населения.

Экономисты высказывают понятное беспокойство по поводу этого и в самом деле тревожного факта и ищут средства к тому, как закрепить коренное или ныне проживающее население в указанных регионах Российской Федерации. Единственный эффективный и правильный путь к преодолению миграции, «утечке» рабочей силы и стабилизации населения, по мнению специалистов, улучшение экономических условий. Если жилищно-бытовые и коммунальные условия населения не будут улучшены, говорят они — и в этом мы полностью с ними солидаризуемся, стихийная миграция населения в поисках лучших условий жизни никогда не прекратится.

Можно ли не согласиться с толковыми соображениями знающих свое дело экономистов. Однако те же демографы-экономисты в своих рекомендациях идут дальше. Они не останавливаются на закреплении населения центральных районов РСФСР и на утверждении того, что повышение материального благосостояния есть первейшее средство борьбы против миграции, но предлагают заселять опустевшие земли переселенцами из других регионов страны — из Закавказья и Средней Азии, и предлагают поставить это переселение на научную и плановую основу.

По мнению теоретиков, этот процесс — перебрасывание коренного населения той или иной республики с целью освоения на новом месте производственных мощностей, процесс сложный и его нельзя решить одним махом, но главное — поставить себе целью заселение земель Российской Федерации за счет названных районов и загодя, исподволь готовиться к этому.

Как, в частности, надо готовиться? Что советуют ученые?

Надо помочь коренным жителям Закавказья и Средней Азии избавиться от негативных явлений в сознании, отказаться от устаревших обычаев и нравов, в том числе от пережитков этноцентризма (что раньше называлось любовью к родине — Р. Дж.), от узко понятого, ограниченного патриотизма, от настойчивой привязанности к привычному с детства пейзажу. Надо создать условия для лучшего изучения русского языка и освоения специальностей, которые понадобятся на новом месте. Освоение новых земель, а также земель опустевших, покинутых местным населением должно происходить в основном за счет переселенной сюда молодежи. А на старом месте, на исторической родине переселенной молодежи, стало быть, останутся люди старшего поколения, население без будущего, пассивно ждущее своего конца?.. Словом, без долгих рассуждений и проволочек надо расшевелить население Средней Азии и Закавказья, подготовить коренных жителей к тому, чтобы они смогли, наконец, перешагнуть границы своих «привычных республик».

Как вам это нравится, читатель? Неправда ли, великолепный выход из сложной ситуации! Наконец-то найдено действенное средство восстановления и воспроизведения населения и его трудоустройства в центральных районах Российской Федерации, Сибири и Дальнего Востока!

Но неужели те, кто додумался до этого и написал черным по белому, и те, кто хоть и в дискуссионном порядке, в порядке обмена мнениями это обнародовал, неужели они не вспомнили простую народную мудрость, что для родителей все дети — будь их даже десятки, одинаково дороги, и счастье одного сына, даже самого талантливого и избранного, не должно строиться на несчастье других сыновей! Как же так? Если ради развития производительных сил в одной республике забрать большинство молодого населения из другой республики, а в той республике в свою очередь оставить пожилых да старых, что из этого получится? Разве некогда сильный народ, прошедший многовековые испытания и за годы Советской власти расцветший и возродившийся к новой жизни, — не станет на путь физического вырождения? Ведь будущее любого народа — это его молодежь. Без молодежи, без ее завтрашнего дня не может существовать никакой народ — ни большой, ни маленький. Организовать миграцию молодежи того или иного народа все равно, что переселить весь народ. История и прошлое разных народов знает немало примеров

подобных переселений. Возьмем хотя бы тех же грузин. Для иллюстрации достаточно назвать переселение Кахетии в Центральную Персию, или переселение грузин-мусульман из Кахети в Турцию, с последующим заселением освобожденных земель ста десятью тысячами армян. Это последнее мероприятие в тридцатые годы минувшего столетия было организовано генералом Паскевичем и его сподвижниками.

У народа, оставшегося без молодого поколения, одно будущее — могила. Все побеги и ростки у него отсечены.

Почему я напеваю на «национальный вопрос»? — Может быть, не следовало переводить разговор в эту плоскость? Возможно, наши теоретики, которых я сознательно не называю, вообще обходят тщательно разработанный классиками марксизма-ленинизма национальный вопрос и ограничиваются сферой экономической науки? Представьте себе, это не так. При обсуждении вопросов миграции, перманентных передвижений народонаселения они уделяют национальному вопросу заметное место, хотя суждения свои не доводят до конца и оставляют вопрос в некоем тумане.

Вот несколько цитат: «Таким образом, национальное не исчезает, а напротив — развивается». Но как? Каким образом? «Национальное не изгоняется(?), а обновляется, обогащается интернациональными ценностями, возникает новое национальное качество во всем его многообразии(?)».

До сих пор да и на сегодняшний день было и остается так: каждый отдельный факт социалистической культуры, также как и вся социалистическая культура в целом, были национальными по форме и интернациональными по содержанию. Не будь у культуры первого признака — национальности, она потеряла бы конкретность, одно из первейших условий существования, с потерей же второго — интернационального, у нее не стало бы общечеловеческого значения, она замкнулась бы в узко-этнографической скорлупе. Национальное не обогащается интернациональными ценностями; они — если мы имеем дело с настоящей культурой, а не ее профанацией, с самого начала, еще в эмбриональном состоянии подразумевают друг друга, поскольку не существует истинно национального вне интернационального и истинно интернационального вне национального.

В трудах наших экономистов-социологов, как мы видели выше, речь идет о патриотизме, о его сущности, его разновидностях.

Патриотизм органично включает уважение национального

достоинства каждого советского гражданина, — пишет один автор. — Мы противники тенденций, когда пытаются искусственно стереть или размыть национальные особенности, но мы не сторонники того, чтобы эти особенности искусственно раздувались и подчеркивались.

Прекрасно. Против этой чрезвычайно разумной и правильной декларации возразить нечего. Однако, как говорится, декларация декларацией, но ее надо еще и подтвердить. Неужели авторы этих деклараций не испытывают чувство нелозкости, называя братский народ, к которому они не принадлежат, отсталым, укладывая его в прокрустово ложе и требуя изменения национальных традиций, законов и обычаев в соответствии с собственными желаниями и воззрениями? Как это назвать, как не отрицанием национальных достоинств и особенностей советских граждан, что запрещено соответствующей статьей Советской Конституции и считается нарушением закона? Преодоление «отсталости» и отказ от «устаревших» обычаев — дело самого народа, а не кого-либо другого, какими бы добрыми намерениями не вдохновлялся этот «другой»!

Не думаю, чтобы кто-нибудь из русских деятелей или русский народ простил бы инородцу ту сатирическую остроту, которой характеризуется творчество Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Чехова, Горького, вдохновленных любовью к родине и заботой о ее чести, достоинстве и благоденствии. Не простили бы и были бы тысячу раз правы. Слово, не раз слышанное от родного сына, в чужих устах принимает иной оттенок и производит иное впечатление. Как воспринимались бы вырвавшиеся из груди поэта строки: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ!», если б их написал Акакий Церетели, а не Михаил Лермонтов, или если б исполненный горечи возглас Акакия: «Ты достойна плевка, Грузия»! — вырвался бы не у первейшего поэта Грузии, а у кого-то другого.

Все это не нами сейчас придумано и сочинено, а давно известный факт, продиктованный культурным опытом человечества, и незачем начинать все сначала, заново, как говорится, изобретать велосипед!

Стало быть так: национальный вопрос, национальное достоинство личности останутся на высоте, а национальная культура достигнет новых высот и расцвета.

Было бы не худо, если б некоторые наши демографы-экономисты остановились бы на этом и не стали бы, как гово-

рится, наводить тень на ясный день, не громыкали бы пустопорожними фразами и словами.

Как и какими путями должен произойти новый расцвет национальной культуры? (К слову сказать, другой культуры не существует и столь частое использование термина воспринимается как невольное унижение подразумеваемой культуры). Для того, чтобы она — культура — существовала и развивалась, необходимо одно — первейшее условие — существование нации, носительницы этой культуры.

Вот теперь мы, кажется, подошли к главному вопросу спора.

Что такое нация?

Заглянем в элементарное руководство по историческому материализму. Там написано: нация — это «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры».

Это определение признано классическим и разделяется всеми марксистами. А коли так, давайте применим его к вышеизложенным рекомендационным положениям относительно переселения населения той или иной республики. Итак, мы организованно перемещаем часть населения республики — молодежь, будущее своего народа, за пределы данной республики и, соответственно подготовив и обеспечив работой, поселяем на новом месте. И что же мы получим? Первое: нарушится «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности территории», на которой народ жил и трудился с незапамятных времен и строил отличный от других свой национальный дом (итальянцы — Италию, греки — Грецию, французы — Францию, русские — Россию, армяне — Армению, грузины — Грузию); второе: нарушится единство языка и экономической жизни, поскольку рассеянные по стране, разъединенные представители одного народа со временем вынуждены будут отказаться от родного языка и перейдут на язык народа, в окружении которого они волей судьбы окажутся; и третье — нарушится «общность культуры», поскольку она лишится основания, фундамента — «психологического склада» народа, компактно живущего на земле своих предков.

Что же останется? Ничего! Исчезли существенные признаки предмета — исчез и сам предмет. Логика — вещь жестокая. Она нередко приводит к выводам, к которым, возможно, мы не хотели бы приходить.

Стало быть, что мы получили в итоге? К чему мы пришли? На чью мельницу лили воду? Кому выгоднее пользоваться вышеизложенными советами и рекомендациями — друзьям или недругам? Где в мире можно найти нацию, тем более социалистическую, которая под влиянием некоторых теоретиков согласилась бы стать на путь самоликвидации?

Не стану разжевывать ответ на эти горькие и острые вопросы; ответ и так ясен: авторы приведенных выше теорий явно не в ладах с трезвым мышлением, с фундаментальными положениями основоположников марксизма, с национальной политикой Советской страны, с Конституцией Советского Союза и более того — с элементарными человеческими взаимосвязями.

Упрощенное, субъективное суждение о некоторых узловых вопросах общественной жизни, в том числе о естественной или искусственной миграции населения, советы и рекомендации, заостряющие внимание на одном единственном направлении и вольно или невольно оставляющие в стороне множество других, не менее существенных вопросов, мертворожденный ребенок и оживить его не в силах никакая медицина.

Лишь изумление и огорчение способны вызвать излишняя самоуверенность некоторых теоретиков и их желание выдать свои соображения сомнительной научной ценности за истину в последней инстанции и чуть ли не заранее приковать к позорному столбу каждого, кто не разделит этих суждений. Те, кто не согласятся с нами, вещают они, несомненно, националисты, наносящие вред подлинным национальным интересам, которые они якобы вызываются защищать.

А почему «якобы»? Разве нельзя выступить в защиту нации, и не только своей, совершенно искренне и недвусмысленно? Или выступать в защиту интересов нации, возвышать голос с целью их охраны сегодня уже не нужно? Увы!

В любом деле — большом или маленьком, победу в конечном счете одержит тот, кто сто раз отмерит прежде, чем один раз отрезать, кто не только говорит сам, но и слушает, что говорят другие, кто задумывается, взвешивает на весах разума добро и зло, кто ищет и нащупывает дорогу прежде, чем арба перевернется, и в награду за предусмотрительность и мудрость с миром добирается до цели — домой, к родному очагу.

1980 г.

Перевод Александра ЭБАНЦИДЗЕ

Джансуг ЧАРКВИАНИ

Дудуки

Ах, как плачет дудуки —
Армянина душа!
Эти скорбные звуки
Я ловлю, не дыша,

Эти всхлипы, рыдания,
Этот сдавленный стон
Мне близки, как преданья
Стародавних времен —

В сердце, словно мачари,
Бродят слезы веков,
Легкий смех и молчанье,
Плавный ход облаков...

Ах, душа армянина,
Ты к свободе влекла,
Ты к блаженству манила,
Ты любовь берегла,

Что ж, дудуки, ты плачешь
Над безмолвием скал,
Что же в звуках ты прячешь,
Чтобы мир отыскал?

11 декабря 1988 г.

Перевод Глана ОНАНЯНА

Мы с вами!

Мы с вами, братья! Общая беда
Стучится в сердце непрестанно:
Обрушились на землю города,
Как волны пенного Раздана,

В тот черный день Севан и Аштарак
Библейским воплем возопили,
И вздыбленных пород подземный мрак
Упал дождем камней и пыли,

В тот черный, в тот забытый Богом день,
Неимоверно длинный,
Народной неизбывной боли тень
Легла на скорбные руины —

Как угли, жгут меня ленинakanский стон,
Кировакана боль, спитакские завалы...
О, скольких спрятал рухнувший бетон,
Чьи души к милосердию зывали!

Еще вчера царила здесь любовь,
И своды неба голубели —
Я плачу над нашествием гробов,
Так потеснивших колыбели,

Ты мачехою стала, мать-Земля,
Безвинным жертвам катастрофы,
Но я, об их спасении моля,
Надежде посвящаю строфы:

Я верю, знаю, что придет пора —
Армения залечит раны,
Заря окрасит крыши, купола,
Но будет добрым этот свет багряный,

Заря зовет нас к мирному труду,
И этот клич летит по всем пределам:
Мужайтесь, братья! Общую беду
Осилить можно только общим делом!

10 декабря 1988 г.

Перевод Глана ОНАНЯНА

Дерево—корнями, человек—человеком...

Стихийное бедствие в Армении глубокой болью отозвалось в сердцах трудящихся, всего населения Грузинской ССР. В республиканские и местные органы поступают многочисленные обращения трудовых коллективов, отдельных граждан, в которых выражается искреннее сочувствие пострадавшим и готовность оказать братскому народу максимальную помощь в ликвидации нанесенного ущерба.

Следуя традициям взаимовыручки, взаимопомощи и дружбы советских народов, принципам интернационализма, преодоления общими усилиями последствий свершившихся стихийных бедствий, ЦК Компартии Грузии и Совет Министров Грузинской ССР сочли первоочередной задачей партийных, советских, хозяйственных органов республики оказание помощи Армянской ССР в эвакуации и размещении пострадавшего от землетрясения населения, особенно детей, и ликвидации его последствий.

Руководство всеми действиями по оказанию помощи возложено на Председателя Совета Министров Грузинской ССР О. Е. Черкезия и его первого заместителя З. А. Чхеидзе. Им поручено было незамедлительно определить с учетом возможностей республики и по согласованию с соответствующими органами Армянской ССР объемы и виды помощи, людских и материальных ресурсов, необходимых на нынешнем этапе для нормализации вызванного стихийным бедствием положения; организовать оперативную работу по практическому осуществлению намеченной помощи.

В Армянскую ССР направлена рабочая группа под руководством заместителя Председателя Совета Министров Грузинской ССР З. А. Лабахуа для решения на месте оперативных вопросов, связанных с оказанием помощи.

З. А. Чхеидзе было поручено решение всех вопросов, связанных с приемом и временным размещением в республике населения из пострадавших регионов Армянской ССР. Руководителям министерств, ведомств, общественных организаций Грузинской ССР указано конкретно определить имеющиеся возможности для размещения людей и их жизнеобеспечения, провести соответствующую подготовительную работу, исходя из ориентировочного приема 10 тысяч человек.

Принято к сведению, что по инициативе министерств и ведомств, трудовых коллективов предприятий и организаций республики в пострадавшие регионы Армянской ССР 7 декабря уже направлена первая партия строительной техники и автотранспорта, снаряжения для временного проживания людей, медикаментов, а также группа медицинских работников и других специалистов.

Министерство строительства Грузинской ССР, другие организации строительного комплекса отправили в пострадавшие районы Армянской ССР бригады строителей, а ЦК ЛКСМ Грузии — студенческий стройотряд.

Министерству здравоохранения Грузинской ССР было поручено подготовить больничные учреждения для приема из пострадавших районов Армянской ССР лиц, нуждающихся в стационарном лечении, а также направить в случае необходимости для оказания помощи на местах студентов медицинского института и медучилищ.

Учитывая просьбы трудящихся, в Жилсоцбанке Грузинской ССР открыт специальный счет для внесения от желающих денежных средств в помощь пострадавшему от землетрясения населению Армянской ССР.

Уже вечером 7 декабря стала работать, принимать оперативные решения специальная группа, созданная Центральным Комитетом Компартии Грузии и Советом Министров ГССР. В 21 час 30 минут 7 декабря, уже через десять часов после землетрясения, в соседнюю республику была направлена колонна техники. В ее составе — 65 грузовых автомашин, 7 автобусов и микроавтобусов, машины скорой медицинской помощи, бульдозеры, автокраны, бензовозы и т. д. 8 декабря в путь отправилась вторая колонна техники, на этот раз — строительной. Тогда же в Армению выехала группа специалистов — строителей и архитекторов для определения методов усиления и восстановления поврежденных подземными толчками зданий и сооружений.

По железной дороге отправлены две с половиной тысячи палаток, продукты питания, лекарства. Ранним утром 8 декабря в Ереван вылетел вертолет, на борту которого — аппаратура для переливания крови, медикаменты. В 9 часов 30 минут курсом на столицу Армении выехали укомплектованные медицинскими бригадами еще 10 машин скорой помощи.

В этот же день больничные учреждения Богдановского и Ахалкалакского районов приняли около 150 раненых. В Тби-

лиси и Рустави было подготовлено к тому времени 700 боль-
ничных коек.

Приняты по перечислению и денежные средства от Минис-
стерства социального обеспечения ГССР, Республиканского ко-
митета защиты мира, журналистов Грузии, сотрудников аппара-
тов ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР.

7 декабря в 12 часов ночи из Тбилиси в Армению было
направлено 10 бригад скорой медицинской помощи с полной
экипировкой, включая необходимые медикаменты, а также дру-
гие материалы, которые необходимы при лечении пострадав-
ших от землетрясения. 8 декабря утром в Армению направились
еще 22 врача на десяти машинах скорой помощи. Круглосуточ-
ная работа штаба во главе с министром здравоохранения Гру-
зии И. Менагаришвили помогла мобилизовать лучшие силы по-
уходу за пострадавшими, наладить четкое взаимодействие всех
подразделений медицинской службы. В Тбилиском аэропорту
дежурили бригады скорой помощи, был создан медпункт, ко-
торый по показаниям степени увечий направлял пострадавших в
соответствующие лечебные учреждения; их сопровождали сту-
денты мединститута.

Буквально через несколько минут после того, как по Гру-
зинскому телевидению было зачитано обращение Министерства
здравоохранения республики к населению, в республиканской
станции переливания крови появились первые группы доноров.
Среди них — работники Тбилисского горкома комсомола, рай-
кома комсомола имени 26 комиссаров, драматического театра
имени С. Шаумяна, сотрудники Музея искусств Грузии, газеты
«Советакан Врастан», многие другие. До глубокой ночи про-
должалась сдача крови в Тбилиском педагогическом институте
имени А. С. Пушкина.

Слаженно, четко и организованно работали все подразде-
ления медицинской службы — от приемного покоя до опера-
ционных. Сутками не покидали своих рабочих мест врачи, ме-
дицинские сестры, все, от кого зависела бесперебойная работа
лечебных учреждений. На помощь медицинским работникам
Ахалкалаки и Богдановки приехали коллеги из Тбилиси, дру-
гих городов республики, соседних районов. Были доставлены
необходимые перевязочные материалы, медикаменты, донорская
кровь, медицинская техника.

В течение двух суток только медики Богдановки оказали
помощь более 170 пациентам. Среди них — женщины, дети,
11 рожениц. 74 человека госпитализированы, остальным ока-

зывается амбулаторная помощь. Несмотря на все усилия медиков, девять человек спасти не удалось.

В Ахалкалакской центральной районной больнице сейчас находится 39 человек из Ленинакана, Кировакана, Спитака. Четко работает штаб, организованный при больнице. Несколько человек с тяжелыми увечьями пришлось отправить в тбилисские клиники.

Больницы Ахалкалакского и Богдановского районов, где лежат пострадавшие от землетрясения, посетили Д. И. Патишвили, О. Е. Черкезия, Г. Г. Гумбаридзе, П. П. Чхеидзе, ответственный работник ЦК КПСС А. Е. Селиванов. Они интересовались самочувствием пострадавших от стихии, условиями, в которых они находятся, беседовали с больными и медицинским персоналом.

Когда первый номер был уже сверстан, мы получили письмо из Еревана. И решили предложить его нашим читателям. Вот это письмо:

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ!

Обращаемся к Вам так не ради красного слова или из ложного пафоса. Мы действительно считаем, что наша трагедия, наша беда показала: у армянского народа по-настоящему есть братья, и это в первую очередь — грузины. Не передать ни на словах, ни на бумаге того чувства благодарности, какое мы испытываем к грузинскому народу за его сочувствие и солидарность, за его помощь и поддержку в тяжелый для нас час. Искренность и стремительность Вашего порыва, глубина сочувствия, самоотверженность помощи навсегда вошли в сердце и память нашего народа.

Боль и тяжесть наших потерь смягчены теперь уже окончательным осознанием братства грузинского и армянского народов. Отныне наши плечи всегда должны быть рядом, наши руки — поддерживать друг друга.

Иного нам не дано.

КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ»

Отметка в паспорте

На пяти языках в ста сорока странах прозвучала проповедь сотрудника Института этнографии Академии наук СССР тов. Виктора Козлова. Это важнейшее идеологическое событие произошло путем публикации статьи «Моя национальность — мое дело» в газете «Московские новости» (№ 40, 1988 г.).

Не знаем, какую доселе вершину, то есть труднодоступную научную степень, покорил сей жрец этнографии, однако посредством публикации упомянутого опуса блестяще доказал, что достоин облачиться в серую мантию доктора демагогии.

Над статьей белыми буквами на черном фоне красуется рубрика — «Почему?». Вот именно — почему, черт возьми, отмечать в паспорте национальность его владельца. Ведь в настоящее время национальность — пустой звук, пережиток той административно-командной эпохи, «когда различные национальности СССР были фактически неравными в социально-экономическом и культурном отношении и требовались меры для сглаживания этого неравенства».

С тех пор много воды утекло. И сейчас «разительная социально-экономическая и образовательная разница устранена». И это самое главное. Никакого особого значения не имеют сохранившиеся пока различия «по численности и природным условиям обитания, по языку и культуре, по способу ведения хозяйства». Ведь «социально-классовая принадлежность в общественно-политическом отношении важнее национальной». Вот именно, вот именно. Следуя таким рассуждениям, можно убедиться в неувядающей правде мнения рапповского толка о том, что, скажем, немецкому рабочему поэзия своего брата по классу Демьяна Бедного куда ближе, чем творчество Пушкина, который все-таки был дворянин и даже камер-юнкер.

Читая статью, тоскливо и горько становится на душе, когда узнаешь, в какие безысходные ситуации попадают многие наши

соотечественники. И все из-за этой проклятой отметки о национальности в паспорте. Судите сами.

«У отметки в паспорте есть и, прямо скажем, вредный оттенок. Ведь национальные общности людей являются образованиями социальными. И подобно тому, как человек, родившийся в крестьянской семье, может со временем стать рабочим или служащим, изменив свою социально-классовую принадлежность, так и человек, родившийся в белорусской или, скажем, узбекской семье, может, оказавшись в инациональной среде, со временем относить себя к другой национальности. А между тем в паспорте национальность незыблема».

Научно и убедительно рассуждает автор. Прислушаться к нему надо. Следуя ему, можно, например, установить национальность некоторых ответработников прошлого. В частности Сталина и Берия. Долго они жили в инациональной среде и со временем, наверно, стали относить себя к другой национальности. Сталин на вопрос анкеты о родном языке писал — русский. В духовной семинарии преподавание на грузинском языке не велось, а жил он впоследствии то в тюрьме, то в ссылке в Туруханском крае, а затем уже в Кремле и на даче в Кунцево. В тех учебных заведениях, в которых учился Берия в Сухуми и Баку, преподавание велось на русском языке. Известно, что грузинский язык он знал недостаточно хорошо. Вряд ли его изучению способствовало пятнадцатилетнее пребывание в Москве. Однако нынешние писатели, публицисты и ученые не разделяют, вероятно, теоретических взглядов тов. Козлова. К месту и не к месту утверждают, что Сталин и Берия были грузинами.

Тов. Козлов пишет, что хочет разобраться в возникшем вопросе «не на уровне эмоций, а на уровне фактов и доводов». Тем не менее праведный и благородный гнев чувствуется в подтексте, когда автор рассказывает о следующей чуть ли не трагической коллизии. «Чувашский юноша, переселившийся на целинные земли Казахстана, мог жениться там на украинской девушке; дети их, очевидно, воспринимали русский язык как основной язык межнационального общения. Но наступало время получать паспорт — и они вынуждены были выбирать между чувашской и украинской национальностями...»

Действительно, тяжкое положение. Однако тов. Козлов обеспокоен не тем, что юноши и девушки, выросшие в Казахстане, не могут записаться казахами. Нет. Его заботит, что они не могут записаться русскими и внести свою лепту в разрешение некоторых демографических трудностей, возникших в РСФСР. Это куда более легкий и эффективный путь, чем агитация за многодетность семей,

борьба с разводами, создание высоких материальных и бытовых условий молодоженам и т. д.

Тов. Козлов призывает также решительно покончить с таким положением, «когда на административные посты выдвигались люди с учетом прежде всего их национальности, а затем уже деловых качеств». Это нарушает равноправие народов. Действительно. Зачем руководителю ломать себе голову, изучать язык, культуру, историю, быт, психологический склад местного населения. Займет он кормило власти и без этих этнографических излишеств отлично справится с делами. Главное быть... способным организатором, так сказать, советским менеджером.

Все это и кое-что другое приводит автора к основополагающей мысли — «Убежден: пришло время для утверждения принципа свободного выбора национальности или даже ликвидации этой отметки в паспорте». На кой дьявол она нужна, на самом деле. Ведь «все это не умалит роли национального фактора. Тот, кому хочется показать, скажем, что он русский или украинец, грузин или таджик, может сделать это другими способами: речью, поведением, одеждой или как-то еще».

Автор понимает — найдутся все-таки упрямцы и вопреки своей сущности захотят показать, что принадлежат к какой-нибудь нации. Мало ли блаженных. Чем бы дитя ни тешилось... Вот и пускай надевают черкески (без кинжалов), папахи, платья по щиколотку, сапоги без подошв и в таком виде ходят на работу, в театры, на собрания и стадионы... Засмеют ведь их, как шутов гороховых... Не обрадуются.

Да, да, застряла эта подлая отметка в паспорте как кость в горле. Но на пути к ее ликвидации действенным шагом стала бы «свобода выбора национальности при получении паспорта». Она-то, эта долгожданная свобода, «уменьшила бы формализацию национальных чувств, еще и сегодня питающую местный национализм».

Что и говорить, местный национализм — смертный грех. Но классики марксизма-ленинизма великодержавный шовинизм считали еще большим грехом. Тов. Козлов не вспоминает об этом. Причина ясна. В таком случае придется снять мантию доктора демагогии. А ведь не хочется, черт возьми.

Р. С. Естественно, у тов. Козлова есть единомышленники. Вторит ему и тов. Виталий Витальев в журнале «Огонек» (№ 40, 1988 г.). Вот, мол, все жители США считают себя американцами, хотя по происхождению могут быть ирландцами, индейцами, евреями... «Национальность и происхождение — чувствуете разницу?» — вопрошает тов. Витальев. Да, чувствуем. Но чувствуем и

знаем и другое. В силу исторических, социально-политических, демографических, духовных и ряда иных условий сформировалась такая нация — американская. Но такой нации — советская — не существует. В США не возникают проблемы, подобные Нагорно-Карабахской. Те люди, которые считают себя грузинами, литовцами, узбеками, латышами, являются таковыми не только по происхождению, а по национальности. Чувствуете разницу, тов. Витальев?

Вообще отменить паспортную систему — дело хорошее. А почему бы не пойти дальше? Отменить военную и милицейскую форму, например. Как вы справедливо отмечаете: «Где, как не при социализме, доверие должно быть основой всех взаимоотношений?». Представьте себе, например, такую картину — приходит интеллигентно одетый человек в банк, говорит, что он из милиции и требует ключи от всех сейфов. И ему сразу же выдают ключи. Ведь главное при социализме — доверие..

Вот ликвидируем паспорта, а потом какие еще предложения внесет тов. Витальев? Об отмене партийных, профсоюзных, комсомольских билетов, наверное?

А выполнимы ли они сегодня, не принесет ли вред их выполнение на современном этапе развития нашего общества? Вот вопрос, о котором следует серьезно задуматься, прежде чем бросаться в лихую кавалерийскую атаку.

ПЕСОК СЫПЛЕТСЯ...

Михаил Козаков, «Записки на песке», библиотека «Огонька», № 40... Это — главы из автобиографической книги известного артиста, нашедшего вполне подходящий для своих записок материал — песок. Такая мысль невольно приходит в голову, когда читаешь его рассказ с встречи Сталина с его товарищем по подполью С. Кавтарадзе и переводчиком «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Нуцубидзе. Автору рассказал этот эпизод как будто сам С. Кавтарадзе. Ну что ж, ни одного участника той встречи нет в живых, так что, хочешь не хочешь, надо верить М. Козакову. А поверить трудно!

Приводят к Сталину С. Кавтарадзе, недавно репрессированного, и он радушно его принимает: «Сережа, ты что, с ума сошел, что ли? Какой я тебе Иосиф Виссарионович?» И чтобы придать встрече больше задушевности, обращается к нему по-гру-

зински, проявив «знание» этого языка на уровне М. Козакова: «Ну, гамарджоба, шени (?) Того, Ро (?) горо (?) хар?» И С. Кавтарадзе отвечает ему на аналогичном «грузинском»: «Диди (?) мадлобт, Коба, карагат (?) Шен ро (?) горо (?) хар?»

Автор даже не удосужился проверить, правильную ли он дает транскрипцию грузинских слов, как видно, его записки на песке адресованы лишь тем читателям, для которых этот набор звуков вполне может сойти за грузинский язык. Но, как говорится, это полбеды. Встреча происходит в Кремле, в рабочем кабинете Генерального секретаря. Поздней ночью здесь накрыли стол — грузинское вино и русская водка. Интересно, что Сталин, как тамада, произносит тосты исключительно за Грузию, за грузинскую поэзию и за грузин, т. е. за сотрапезников, вернее, собутыльников, начисто забыв о том, что он «отец всех народов», что он сидит в компании двух бывших политзаключенных, забыв о пролитой им грузинской крови. Оставим это на совести Сталина, вернее, рассказчика, пожелавшего представить этого безнационального человека в «родной, грузинской стихии». Далее читаем: «Сталин умел выпить, не пьянел. Кавтарадзе тоже был крепкий мужчина, а Шалва скопытился, захмелев разом от счастья и водки, и его, уснувшего прямо за столом, двум старым подпольщикам пришлось перетаскивать за руки и за ноги на кожаный диван».

Любопытная сцена, не правда ли! Собрались друзья-приятели, сообразили на троих, и где? В Кремле, да еще в кабинете самого Генсека! М. Козаков, надо полагать, не знал лично Ш. Нуцубидзе — известного философа, одного из основателей Тбилисского университета, профессора, одного из первых действительных членов грузинской Академии наук... Вряд ли он мог «скопытиться», да еще в присутствии Сталина, и сухорукий Сталин, в свою очередь, вряд ли был способен даже с помощью С. Кавтарадзе перетащить его, «скопытившегося», на диван. Ведь они с Нуцубидзе, по спортивной терминологии, принадлежали к разным весовым категориям! Неизвестно, с какой целью сочиняются такие анекдоты и следует ли в таком оскорбительном тоне говорить о переводчике поэмы Руставели? Хорошо, что все это написано на песке!

Памяти великого сына нации

В 1989 году исполняется 900 лет вступления Давида Строителя на арену общественно-политической деятельности. В связи с этой датой в ЦК КП Грузии состоялось совещание. Вел совещание первый секретарь ЦК КП Грузии Д. И. Патиашвили.

В состоявшемся обмене мнений участвовали председатель правления Грузинского фонда культуры Т. Буачидзе, автор проекта мемориала, народный художник СССР Мераб Бердзенишвили, член-корреспондент АН ГССР Р. Меребели, первый заместитель председателя Всегрузинского общества Руставели Р. Амашукели, министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог А. Глурджидзе, главный архитектор г. Тбилиси Ш. Кавлашвили, секретарь ЦК КП Грузии Н. Попхадзе и др.

Были заслушаны отчеты о ходе работы по сооружению мемориала на Дидгорском поле, где в августе 1121 года грузинское войско во главе с Давидом IV разгромило армию турок-сельджуков.

Участники совещания одобрили предложение Общества Руставели, Фонда культуры, Академии наук и ЦК ЛКСМ Грузии заложить памятный камень на месте сооружения памятника Давиду Строителю на площади Республики в Тбилиси. Церемонию решено провести 8 февраля, в День памяти Давида. В течение года будут изданы о нем монография, серия буклетов, альбомов и проспектов об ис-

торических памятниках его времени. Говорилось также о создании документального фильма «Давид Строитель» и выпуске почтовой марки, посвященной Давиду.

«Информ-право» в Тбилиси

В Тбилиси открылся филиал предприятия «Информ-право», в состав которого входят представители четырех стран: СССР, США, Швейцарии и Финляндии. Штаб-квартира советской стороны находится в Москве, республиканское же представительство в Тбилиси (одно из четырех в стране) разместилось на площади Рике. «Информ-право» оказывает содействие иностранным фирмам и советским организациям, предприятиям и кооперативам в заключении внешнеторговых сделок, а также помощь в создании совместных предприятий, в ее обязанности входит составление учредительных и других правовых документов, консультации и т. д.

Директор Тбилисского представительства «Информ-право» А. Кадагашвили заключил договор, гарантирующий совместную деятельность до 31 декабря 1998 года. Работа началась.

Грузинские деятели культуры на Украине

В Государственном театральном музее УССР развернута тематическая выставка, посвященная взаимодействию украинской культуры с культурами народов СССР. Один из разделов отведен Грузии.

Выставка рассказывает о постановках на украинской сцене опер З. Палиашвили «Даиси» (постановка была осуществлена в предвоенные годы с участием М. Гришко, Н. Захарченко, В. Борищенко) и «Абесалом и Этери», удостоенной Государственной премии Грузинской ССР имени З. Палиашвили, а также пьесы О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась». На фотографиях — сцены из спектаклей, исполнители главных ролей — В. Добровольский, Е. Опалова (Киевский драматический театр имени Леси Украинки), П. Михайлов и Е. Бугова (Одесский драматический театр имени А. Иванова), М. Водяной (Одесский театр музыкальной комедии, который поставил мюзикл по этой пьесе на музыку Г. Цабадзе — «Сердце мое здесь»).

На стендах запечатлены также режиссерские работы Д. Алексидзе, художников Е. Ахвледиани, С. Вирсаладзе.

Уника — в Тбилиси

Столица Грузии стала местом очередного заседания Комитета международной федерации кинолюбителей —

УНИКА, начавшего работу 6 января. Этот форум собрал представителей одиннадцати стран мира, в том числе президента, вице-президента и генерального секретаря федерации: Йозефа Вальтерштайта (ФРГ), Станислава Пулста (Польша), Яна Декера (Нидерланды). СССР, который является членом УНИКА с 1966 года, впервые избран местом встречи.

Программа мероприятий весьма обширна: были показаны фондовые фильмы УНИКА, ленты грузинских кинолюбителей, в частности, зетафонцев и велисцихцев, состоялись встречи на киностудии «Грузия-фильм», в «Пионер-фильме» Республиканского Дворца пионеров и школьников имени Б. Дзnelадзе. По специальному приглашению этого детского коллектива — лауреата премии Ленинского комсомола, в Тбилиси прибыли директор Варшавского детского киноклуба Витольд Кон и руководитель «Пионер-фильма» Дрезденского Дворца пионеров Рольф Бирн. Завершился форум вечером дружбы.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили.

Сдано в набор 1.12.1988. Подписано к печати 01.16.89.
УЭ 08804. Формат бумаги 84X108^{1/32}. Бумага типографская
№ 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд.
л. 14,0. Тираж 6 000. Заказ 3012. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.
Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, прием-
ная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина 14.

65 კ.

ინდექსი 76117

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნაია ვრუსია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
ვამოთის 1957 წლის ივნისიდან

